

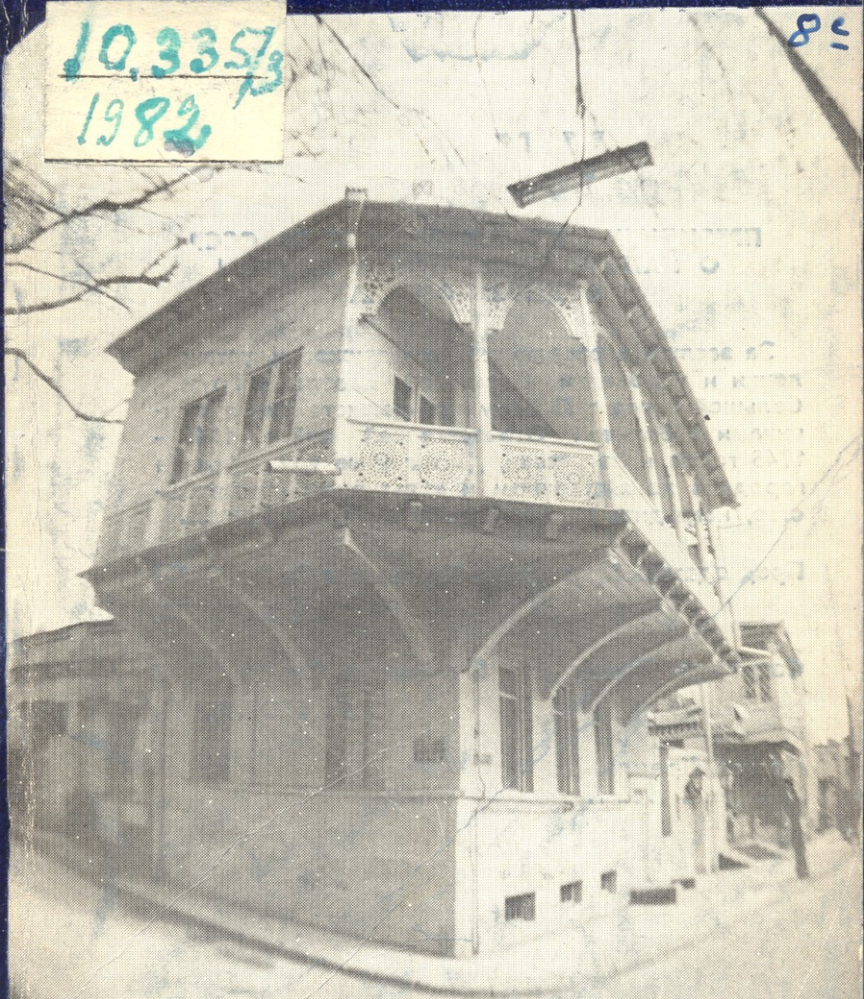
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

5

1982

10.3357
1982

8с

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О НАГРАЖДЕНИИ ГОРОДА ТБИЛИСИ ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

За заслуги в революционном движении, установлении и упрочении Советской власти в Грузии, большой вклад в Победу над фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов и за успехи, достигнутые трудящимися города в хозяйственном и культурном строительстве, наградить **город Тбилиси** орденом **Ленина**.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль.
27 апреля 1982 г.

10.335
1982

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

Издается с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

К 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. Автографы дружбы 3

XXXII СЪЕЗДУ КОМСОМОЛА ГРУЗИИ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

НОДАР ДУМБАДЗЕ. Именем юности 22

МУРМАН ЛЕБАНИДЗЕ. Молодежи. Стихи. Перевод
Сергея Алиханова 24

ПОЭЗИЯ

СИМОН ЧИКОВАНИ. Стихи. Перевод Сергея
Алиханова. Вступительное слово Ир.
Абашидзе 27

ЗУРАБ КАКАБАДЗЕ. Стихи 202

ПРОЗА

ОТИА ИОСЕЛИАНИ. Черная и Голубая река. Перевод
И. Борисовой 33

ГУРАМ ПЕТРИАШВИЛИ. Сказки, найденные на
чердаке. Перевод Наты Джалиашвили 54

ЭЛИЗБАР УБИЛАВА. Хранитель сокровищ. Документальная
повесть. Перевод А. Маргвелашвили 105

5

1982

ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ. Войди в этот мир	120
Стих — мое дыхание. (Беседу с поэтом БЕСИКОМ ХАРАНАУЛИ ведет Л. Имедашвили)	128
ГУРАМ ШАРАДЗЕ. Вновь на прежних позициях	133
ГИВИ ОРАГВЕЛИДЗЕ. Время, ушедшее в книгу. Окончание	141

РЕЦЕНЗИИ

Д. ТУХАРЕЛИ. Еще одна страница дружбы	175
И. МОДЕБАДЗЕ. Новые аспекты взаимосвязей	178

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

«От Советского Информбюро...» Публикация Се- мена Красильщика	183
--	-----

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

АЛЕКСАНДР ГВАХАРИЯ, СЕРГЕЙ СЕРЕБРЯ- КОВ. Жизнь, посвященная науке. К 80-летию А. Барамидзе	193
---	-----

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ

ШАЛВА ГЕДЕВАНИШВИЛИ. Страницы прошлого	207
НИКО ЧАВЧАВАДЗЕ, ТАМАЗ БУАЧИДЗЕ. Памя- ти Зураба Какабадзе	199
ХРОНИКА	221
ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА	223

Ираклий АБАШИДЗЕ,
Герой Социалистического Труда, делегат
XXVI съезда КПСС, поэт-академик

АВТОГРАФЫ ДРУЖБЫ

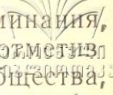
«ПОВСЮДУ в нашей стране знают: Грузия — это прекрасный уголок земли, где живет открытый сердцем народ, который издавна ценит человеческое благородство, вдохновенный труд, ратную доблесть и верность в дружбе!» — эти слова сказал на праздновании 60-летия образования Грузинской ССР и Компартии Грузии Леонид Ильич Брежнев. Наверное, лучше нельзя сказать о моем народе.

И сейчас, когда отмечается еще одно 60-летие — образование Союза ССР, я хочу подробнее рассказать о Грузии в братской семье советских народов, о том, какую роль в судьбах моей республики, в моей писательской судьбе сыграла Москва, которую все мы по праву считаем своей столицей.

Когда человеку за семьдесят, кажется, пора бы уже привыкнуть ко всякого рода юбилейным и памятным датам, отметившим твою биографию за эти десятилетия. Годы проходят, остаются позади одна за другой так называемые «круглые цифры», но, оказывается, память живо сохраняет и не желает отбросить в реку забвения каждую из них — пятьдесят лет жизни, шестьдесят, семьдесят... Вот уже прошло столько-то лет, как впервые увидел свою фамилию под первым напечатанным стихотворением, вот уже впору отмечать юбилей первой книжки... А ведь человек так устроен, что не только факты и цифры собственной биографии хранит

956.121

3. 206-121 606. 606. 606. 606
606-121 606. 606. 606. 606

в золотом запасе памяти своей. Живы воспоминания, чувства и впечатления от знаменательных дат, ометивших события в жизни нашего государства и общества, истории и литературы. Сколько замечательных событий произошло на моей памяти, в скольких довелось принимать участие! И все же сейчас в ряду этой достопримечательной летописи событий и юбилеев мне хочется вспомнить об одном чисто личном факте моей биографии, который тем не менее бережно сохраняю в памяти, потому что занимает он особое место в моей жизни и творчестве.

Это было пятьдесят лет назад.

...Зима в том году выдалась в Москве необычайно морозная и суровая. Черные остовы деревьев усеяли сотни, тысячи ворон, которые, казалось, не в силах были взмахнуть крыльями, чтобы взлететь в звеневшее от мороза небо. Даже москвичам такая зима была в диковинку.

Мне сейчас трудно представить, каким я был тогда — молодой провинциал, худой, долговязый, одетый совсем не для русской зимы и, наверное, изрядно растерявшийся от обрушившихся на меня новых неожиданных впечатлений.

Так произошла моя первая встреча с этим городом.

Это была еще старая Москва, которую, наверное, помнят уже не так много даже ее коренных жителей: с трамваями на брусчатых мостовых и асфальтовых проспектах, санями и лошадьми, с морд которых свисали сосульки, напоминавшие мне чурчхелы, с молчаливыми ямщиками в толстых тулупах, казавшимися величественными и монументальными...

Я в те далекие годы служил в территориальных частях армии и был делегирован в Москву на первый съезд молодых военных писателей.

И вот знакомство с такими же, как я, начинающими поэтами в военной форме. Поразило до глубины души выступление старого «морского волка» и, как нам тогда казалось, престарелого литератора Новикова-Прибоя, который подчас наизусть, без единой запинки читал кусок из своей знаменитой «Цусимы». Меня охватывал трепет от сознания того, что совсем близко видел я Гладкова, Фадеева, Светлова, слышал удиви-

тельный рубленый ритм стихов Сельвинского, которые в исполнении автора звучали примерно так: «Винтов-ка мо-я, во-ро-ши-лов-ка» с ускорением к концу каждой строки...

И когда после очередного заседания мы шумной, галдящей, спорящей, читающей стихи толпой вываливались на улицу, казалось, что мороз уже не так обжигал щеки, а льдистые комья тротуаров не так больно щипали пятки сквозь худые подошвы стертых сапог. Нас согревала поэзия. Нас согревала Москва.

И пусть не покажутся эти слова простой красотой, дежурной метафорой: множество раз потом дороги моей жизни проходили через Москву. Я бывал в ней в годы строительства, придавшего городу современные, столь знакомые и дорогие нам сейчас черты. Бывал в мирные дни и в дни войны, зимой и летом...

Не стану сейчас вспоминать все встречи с Москвой, обо всех не расскажешь. Но были среди них особенно памятные и значительные, поскольку совпадали они со знаменательными событиями в жизни нашей страны, народа, литературы.

...Второй мой приезд в Москву пришелся на чудесный, солнечный, летний день 1934 года. Столица собирала литераторов всех краев и народов нашей Родины на I Всесоюзный съезд советских писателей. И хотя после моего первого знакомства с Москвой прошло всего три года, Москва стала совершенно другой. Над контурами старого города уже вырисовывались очертания новой Москвы. Они просматривались на старой Тверской и на Манежной площади. Уже поднялись в Охотном ряду два или три этажа будущей гостиницы «Москва», и с каждым приездом сюда — даже в самые последние годы — я видел, как она, вырастая ввысь и вширь, становится удобнее, уютнее, современнее, как бы являя собой связь прошлого с настоящим — нераздельность исконно московского гостеприимства с самым последним словом комфорта и сервиса. Потому я уже привычно предпочитаю всем остальным московским отелям, даже более шикарным и современным, эту старую, но вечно юную и приветливую гостиницу.

Первый Всесоюзный съезд советских писателей описан во всех подробностях. Не раз пришлось писать о нем и мне — о том впечатлении, которое про-

извела на молодого грузинского поэта первая встреча с Максимом Горьким, о встречах с прославленными представителями многонациональной советской литературы, когда закладывались основы будущего сотрудничества национальных литератур, их дружбы, идейно-художественного единства, о зарубежных гостях съезда — Мальро, Андерсене-Нексе, Стефане Цвейге — каждое имя, знакомое лишь по газетам и книгам, представлялось легендарным и недостижимым...

Поэтому отмечу лишь, что все последующее развитие советской литературы, выход грузинской литературы, как и всех других братских литератур нашей страны, на всесоюзную и мировую арены связаны для меня с именем Москвы.

На съезде произошли и первые мои встречи с представителями братских литератур, в первую очередь — с русскими писателями. Конечно, такие встречи, зачастую перераставшие в близкую личную дружбу и творческое сотрудничество, бывали и раньше. Традиция, связавшая неразрывными узами русскую и грузинскую культуры, русскую и грузинскую литературы, закладывалась веками.

И дело не только в личных контактах.

В ходе планомерной организационной работы, предшествовавшей созыву первого всесоюзного писательского форума, в Грузию приехала литературная бригада, в составе которой были Николай Тихонов, Ольга Форш, Борис Пастернак, Юрий Тынянов, Виктор Гольцев. Их приезд оказался весьма плодотворным, и не только потому, что бригада выполнила свою непосредственную задачу, подготовив все необходимые материалы для съезда, который во многом благодаря и их работе стал исходным пунктом отсчета выхода грузинской литературы к всесоюзной и даже всемирной читательской аудитории. До того литература, в сокровищнице которой хранились такие ценности, как произведения Шота Руставели, Давида Гурамишвили, Николоза Бараташвили, Важа Пшавела и других, по существу была почти неизвестна за пределами Грузии.

С первого же приезда дружба связала русских писателей с Паоло Яшвили, Тицианом Табидзе, Георгием Леонидзе и Симоном Чиковани. Тогда стали появляться блестящие переводы из Николоза Бараташвили,

завучала на русском такая неповторимо грузинская мелодия стиха Галактиона Табидзе.

В моей литературной биографии этот приезд тоже оказался отмеченным незабываемой вехой: впервые мое стихотворение, стихотворение тогда еще совсем молодого поэта — «Баллада спасения» — было напечатано на русском языке в переводе Бориса Пастернака.

Несомненно, именно это предсъездовское горьковское начинание, охватившее многие республики страны, и положило начало декадам и дням национальных культур в столице нашей Родины, давшим широкий выход безвестным дотоле сокровищам к многонациональной аудитории.

...Новая встреча с Москвой произошла в январе 1942 года.

Знакомые улицы были пустынно и необычно тихи, на стенах домов огромными буквами были написаны лозунги: «Смерть фашистским оккупантам!», «Смерть изменникам!», а на Манежной площади, как усталые буйволы после тяжелой работы, отдыхали громадные аэропланы. Враг был отброшен от Москвы, но еще не далеко, линия фронта проходила под Волоколамском, и оттуда доносилась артиллерийская канонада.

Вместе с Георгием Леонидзе и Алио Мирцхулава я был вызван на чрезвычайный пленум Союза писателей, первый в годы войны.

Нас, естественно, никто не встречал, и мы направились в гостиницу «Москва». В гулком пустом холле нас встретила работница администрации. На наш вопрос, где устроиться, она устало махнула рукой:

— Устраивайтесь где угодно, выбирайте любой номер.

Мы заняли насквозь промерзшую комнату на втором этаже, собрали одеяла из соседних номеров и отправились в ресторан перекусить с дороги. Когда мы открыли его массивную деревянную дверь, нашим глазам предстала такая картина: в огромном зале гостиничного ресторана не было никакой мебели, даже люстры были сняты. Прямо на полу спали, разговаривали, закусывали, лежали и сидели сотни людей, в основном военных — от солдат до командиров с полковничьими знаками различия на петлицах. И,

несмотря на это многолюдье, было поразительно тихо, словно голоса тонули под сводами.

Оробело прикрыли мы за собой двери...

Союз писателей в те январские дни стал настоящим штабом советской литературы, причем в самом прямом, военном смысле слова: в шинелях и полушубках, с вещмешками через плечо и с рукописями в полевых сумках прибывали сюда, на улицу Воровского, прямо с фронта прозаики и поэты, очеркисты и публицисты — такие знакомые и необычные в военной форме Александр Фадеев, Евгений Петров, Владимир Ставский, Петр Павленко...

Решительная резолюция пленума: «Все для фронта, все для победы над врагом!» И снова расставание.

Мне не забыть, как меня и моих друзей разыскали в гостинице бойцы из команды бронепоезда, снаряженного и полностью укомплектованного в Тбилиси, на прославленном своими революционными и трудовыми традициями паровозовагоноремонтном заводе. Вся страна в те тяжелые дни встала на защиту Москвы, и бок о бок с сынами всех народов сражались посланцы Грузии. Экипаж бронепоезда, которым командовал майор Джахиев, представлял собой многонациональную семью тбилисцев. Они отличались решительными и умелыми действиями в боях при обороне Москвы. Под Клином им пришлось выдержать атаку немецких танков, и хоть противника удалось отбросить, бронепоезд в этом сражении получил повреждения и был поставлен на ремонт в одном из московских депо.

Бойцы и командиры бронепоезда, услышав по радио, что в числе участников писательского пленума находились и их земляки — три поэта из Грузии, очень обрадовались и, разумеется, не упустили случая пригласить нас к себе на встречу. Я тогда в шутку заметил, что если в тревожной обстановке прифронтовой полосы им удалось обнаружить и привести нас, значит разведка бронепоезда и впрямь действует отлично.

Еще одна памятная встреча на московской земле. В войне произошел перелом. Настроение у всех было приподнятое. Мы с Георгием Леонидзе сочли необходимым здесь, в Москве, справить на грузинский лад свадьбу двух наших близких друзей — писательницы Ванды

Василевской и драматурга Александра Корнейчука. Свадьба получилась не только торжественной и веселой, но и, так сказать, командирской, поскольку жених был в звании полковника, а невесту вместо подвенечного платья украшала гимнастерка с погонями подполковника. Свадьбу наших украинских друзей, которую мы отпраздновали на московской земле по грузинским традициям, можно считать символической в своем роде.

Конечно же, не только в единодушии всех представителей многонациональной советской литературы, поднявших свой голос и свое оружие против нашествия коварного и жестокого врага, несшего на нашу землю смерть и разорение, проявилось нерасторжимое единство и сплоченность. И такие вот эпизоды, запомнившиеся как приметы нашего привычного братства даже в те суровые дни, — тоже их свидетельство.

В Москве черпали силу и стойкость защитники города на Неве и крепости на Волге, партизаны Украины и Белоруссии. Тысячи моих соотечественников, павших геройской смертью при обороне Керченского полуострова, и капитан Бухайдзе, погибший в предгорьях Кавказа, чтобы ожить в народной песне и в строках моего стихотворения, и неггибаемые десантники, высадившиеся на Малой земле под командованием Цезаря Куникова, рапортовавшие командующему 18-й армией генералу К. Леселидзе и начальнику политотдела полковнику Л. Брежневу, что там, где ступила нога советского воина, враг не пройдет, — все они защищали Москву, свою страну.

Плечом к плечу со всеми народами Советского Союза самоотверженно сражались с врагом, защищая свободу и независимость социалистической Отчизны, мои соотечественники. Грузия, население которой тогда составляло 3 миллиона человек, послала на фронт около 700 тысяч лучших своих сынов и дочерей, и более трети из них не вернулись с поля боя. За проявленный героизм свыше 300 тысяч человек были награждены орденами и медалями СССР, из них 137 удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Мы победили! И знамя Победы вместе с русскими — солдатом Егоровым и старшим лейтенантом Самсоновым водрузил на поверженном рейхстаге в Берлине наш земляк Кантария.

Но уроки прошлого учат, как нелегко дается победа, какого напряжения сил она требует, как необходимо помогать разумному началу, чтобы не дать на миг восторжествовать безумию. Ведь мы знаем, что, к сожалению, «по ту сторону» еще не исчезли силы, грозящие уничтожением разуму человечества, самой его жизни.

Сегодня никому, даже самым заядлым нашим недругам, уже не приходит в голову сомневаться в том, что если жизнь на нашей планете сохранилась и голубые и зеленые цвета земли остались не замазанными сплошной коричневой краской, то это прежде всего благодаря героизму и самоотверженности советского народа, мудрости Москвы.

И ныне с полным правом можно утверждать, что центр борьбы за мир находится в Москве.

Мне приходилось не раз участвовать в различных всесоюзных и международных конгрессах и заседаниях движения защиты мира, в составе государственных, общественных и литературных делегаций выезжать за рубеж—и всегда дорога проходила через Москву, столицу дружбы.

Говоря о Москве, я не могу не говорить о москвичах, с которыми меня, как и многих моих собратьев по перу (да и не только по перу, по другому труду), скрепляют многие крепкие узы.

Каждый раз, приезжая в Москву, я спешу повидаться с Алексеем Сурковым, поговорить о творческих делах, обменяться мыслями и новыми стихами. Ведь нашей с ним дружбе скоро полвека. И сколько приходилось нам за это время сражаться плечом к плечу, отстаивая краеугольные принципы советского искусства!

Я считаю себя счастливым человеком, потому что такие же близкие личные и литературные контакты были у меня с Александром Твардовским, Николаем Тихоновым, Константином Симоновым, Павлом Антокольским и многими другими.

Потому для меня Москва — не только город Пушкина и Мусоргского, Толстого и Чайковского, Маяковского и Есенина, но и город моих друзей, город, ставший моим другом на всю мою жизнь.

Самые крепкие, неразрывные узы связывают с этим городом мою республику, Советскую Грузию. И дело не только в том, что есть в Москве улицы с грузинскими именами — Руставели, Палиашвили, не только в том, что старинный монастырь «Всесвятское» хранит национальные святыни грузинского народа, а на одной из улиц возвышается памятник бессмертному творцу «Витязя в тигровой шкуре». Тесные связи продолжают в повседневных делах и контактах, и они все более ширятся и развиваются.

А начало этим связям положил Великий Октябрь. С первых дней Советской власти трудящиеся Грузии почувствовали заботу, внимание, надежное плечо друга — русского народа.

Летопись нашей дружбы, как известно, начинается в глуби столетий. Путь к сегодняшнему дню был долог и труден. В самый критический момент своей истории грузинский народ решил добровольно соединить свою судьбу с судьбой России. Георгиевский трактат 1783 года — первый в истории манифест братства русского и грузинского народов, по которому Грузия вступила под надежную защиту России,—положил начало возрождению моего многострадального края. Породнение с Россией спасло грузинский народ от физического истребления. Открылись возможности для его приобщения к передовой русской общественной мысли, для плодотворного взаимодействия и взаимообогащения двух культур. Все это, как писал классик грузинской литературы Акакий Церетели, явилось предтечей осуществления не только национальных, но и общественных идеалов.

В истории не много примеров дружбы более глубокой и искренней, чем дружба русского и грузинского народов. Свой вклад в нее вносили и вносят писатели России и Грузии. Известно, как много значили для Грузии Пушкин и Грибоедов, Лермонтов и Лев Толстой, Горький и Маяковский, Есенин и Тихонов, дружба с грузинскими писателями и поэтами современных русских, московских литераторов.

В совместной борьбе против гнета самодержавия еще более окреп союз народов-братьев. Еще три года после победы Великого Октября трудящиеся Грузии под руководством большевиков героически боролись с

антинародным меньшевистским режимом за победу Советской власти. Эта борьба была составной частью битвы рабочих и крестьян России против внутренней и внешней контрреволюции и иностранной военной интервенции в годы гражданской войны.

Выполняя свой интернациональный долг, Советская Россия незамедлительно откликнулась на просьбу Ревкома Грузии не оставить грузинский народ в неравной борьбе. Восставшие рабочие и пришедшие им на помощь по указанию В. И. Ленина части Красной Армии освободили Тифлис.

25 февраля 1921 года Серго Орджоникидзе и Сергей Киров телеграфировали в Кремль: «Над Тифлисом реет Красное Знамя Советской власти. Да здравствует Советская Грузия!»

Приветствуя победу Советской власти в Грузии, В. И. Ленин писал: «Передайте грузинским коммунистам и специально всем членам Грузинского ревкома мой горячий привет Советской Грузии».

Мой народ помнит многое. Он помнит, как в очень трудное время, когда не хватало хлеба Москве и Петрограду, когда голодала вся Советская Россия, в республики Закавказья шли российский хлеб и «другие предметы мирного потребления», как писала «Правда Грузии» в октябре 1921 года.

Мой народ никогда не забудет того факта, что Советская Россия еще в 1922 году выделила из своего бюджета 750 тысяч, а затем миллион рублей золотом для строительства ЗАГЭСа. И это было в то время, когда самой России остро не хватало средств и ресурсов.

Ныне — это уже строки истории. Строки живой истории, свидетельства великой и прекрасной дружбы народов, которой так сильна наша Родина. Да и сама моя республика — воплощение ленинской дружбы народов. В Грузии единой счастливой семьей живут грузины и русские, украинцы и азербайджанцы, армяне и абхазы, осетины и греки, евреи и курды, представители многих других наций и народностей. Административно-территориальное деление Грузинской ССР — это тоже ленинская национальная политика в действии. Под солнцем Советской Грузии в братской семье советских народов процветают Абхазская и Аджарская АССР, Юго-Осетинская автономная область.

Ленинская национальная политика в действии — и такие весьма примечательные цифры: сегодня у нас каждые два дня выпускается промышленной продукции больше, чем было произведено за весь 1920 год. За годы Советской власти в республике построено 1500 крупных предприятий. Созданы новые отрасли, о которых даже не мечтали промышленники дореволюционной Грузии. Край вина и чая ныне славится своими станками и химическими волокнами, первоклассным металлом и электромашинами, самолетами, электровозами, катерами на подводных крыльях.

Недавно железнодорожники Хашури ввели торжественный ритуал, посвященный трудовому подвигу старших поколений. Теперь каждый локомотив, ведущий состав через Сурамский перевал — один из самых высокогорных участков стальной магистрали, дает звуковой сигнал. Это своеобразный салют установленному здесь на вечную стоянку первому отечественному магистральному электровозу.

Электровоз № 001 был изготовлен московским заводом «Динамо» в кооперации с Коломенским паровозостроительным. Вместе с другими такими локомотивами он положил начало качественно новому этапу в развитии железнодорожного транспорта. Теперь в Тбилиси делают электровозы ВЛ-11. Их мощность превышает мощность первенца отечественного электровозостроения примерно в 8 раз. ВЛ-11 проводят через Сурамский перевал составы весом до 2500 тонн. Благодаря использованию таких локомотивов, модернизации путевого хозяйства, внедрению современных средств сигнализации и связи пропускная способность Закавказской железной дороги возросла более чем вдвое.

Плоды дружбы... Когда я думаю о них, мысли невольно обращаются к нашей Ингурской ГЭС. Представители более тридцати национальностей, 120 предприятий нашей страны принимали участие в строительстве этого энергетического гиганта. Поэтому стройку по праву называют стройкой дружбы и братства. Ингурская ГЭС — величественный символ единения социалистических наций.

Я вспоминаю историю становления Руставского металлургического завода. Более тридцати лет назад его первая печь выдала плавку. Вместе с русскими и укра-

инскими мастерами Василием Булгаковым, Евгением Воронковым, Львом Бойко ее выпускал Шалва Кухалейшвили. Унаследовав от отца, сельского кузнеца, любовь к огненной профессии, он прошел на заводе путь от подручного сталевара до начальника копрового цеха, без отрыва от производства получил диплом инженера, стал видным специалистом-сталеплавильщиком, написал книгу «Мои скоростные плавки».

Первые грузинские металлурги прошли школу русских и украинских мастеров металла в Таганроге, Днепропетровске, Енакиеве, Запорожье, Донецке. Наставником Шалвы Кухалейшвили, например, был прославленный таганрогский сталевар Григорий Кузнецов. А ныне у Шалвы свои ученики и последователи.

А история химического завода в том же Рустави, где недавно вступил в строй комплекс по производству аммиака! Не является ли она предметным выражением великой дружбы и единения народов? В разных уголках страны на родственных предприятиях готовились кадры для новостройки.

Я вспоминаю историю города Маднеули, выросшего в Казретских горах вокруг Маднеульского горно-обогачительного комбината — первенца цветной металлургии Грузии. Более двух десятилетий назад обнаружили в Казрети рудную целину. Несколько лет назад комбинат дал первый рудный концентрат. Успехи, достигнутые здесь, считают сами строители, стали возможны благодаря дружбе народов: представители семнадцати национальностей строят Маднеули. Растет комбинат. Растет новый город в Грузии. Суровые безжизненные горы пробудились, стали краем цветения и молодости.

И таких примеров множество. Без содружества и социалистического соревнования с машиностроителями Москвы и Ленинграда, металлургами Украины и Урала, химиками Азербайджана и Армении, с промышленными предприятиями Прибалтики и Средней Азии мы не сумели бы внести столь значительный вклад в дело укрепления могущества СССР.

Во все уголки нашей необъятной Родины моя республика поставляет металлорежущие станки, машины, марганец, ферросплавы, чай, цитрусовые, вино, консервы, другую промышленную и сельскохозяйственную

продукцию. Трудящиеся Грузии из года в год увеличивают свой вклад и в общий экспорт Советского Союза.

С высокой трибуны XXVI съезда КПСС Советская Грузия докладывала партии, стране о наших победах и достижениях. И было что сказать. В 1922 году началось и в 1927 году завершилось строительство Земо-Авчальской гидроэлектростанции — первенца ленинского плана ГОЭЛРО в Закавказье. А сейчас на индустриальной карте республики яркими звездами обозначены 30 гидроэлектростанций. В горах Сванети воздвигнута 270-метровая арочная плотина Ингурской ГЭС. Завершается строительство ХудонигЭС, Жинвальского гидроузла.

Вот уже сколько лет день и ночь горят огни в доменных и мартеновских печах Руставского металлургического завода, работающих на базе коксующихся углей Ткварчели и Ткибули. Новой высокопроизводительной техникой оснащен ветеран черной металлургии Грузии завод ферросплавов в Зестафони. Производство машин нового поколения освоил автомобильный завод в Кутаиси, возводить который в свое время помогали московские автомобилестроители. Корабелы Поти начали выпускать новую серию кораблей на подводных крыльях. После реконструкции втрое увеличилась мощность Тбилисского электровозостроительного завода имени В. И. Ленина, начавшего выпуск магистральных электровозов марки ВЛ-11. Широко известны универсальные токарные станки Тбилисского станкостроительного завода имени Кирова.

О развитии транспорта республики можно судить по тому, что у нас все большее распространение получают монорельсы, первый в мировой практике контейнерный пневмотрубопровод «Лило». Сооружение Кавказской перевальной железной дороги на сотни километров сократит расстояние между Тбилиси и Москвой.

Пущен в эксплуатацию нефтепровод Самгорский промысел (вблизи Тбилиси) — нефтеперерабатывающий завод в Батуми.

Настоящим подарком Родине стало недавнее открытие на территории Грузинской ССР нашей собственной нефти.

Успешно развивается и легкая промышленность. Оснащены первоклассным оборудованием и увеличива-

ист выпуск продукции самого широкого ассортимента многие предприятия легкой и пищевой промышленности — Горийский хлопчатобумажный, Тбилисский камвольно-суконный комбинат «Советская Грузия», Тбилисское и Кутаисское шелковые производственные объединения, швейные, обувные фабрики и многие другие.

Щедрые плоды приносит наша земля. Грузия — поистине цветущий сад. Наш народ всегда умел и умеет трудиться. Но его труд стал еще плодотворнее при колхозном строе.

Одно из ведущих мест в нашем сельском хозяйстве занимает культура чая. На Грузию приходится 95 процентов его производства в Советском Союзе. И труженники чайного хозяйства республики накопили большой опыт его возделывания.

С древних времен известно в Грузии виноградарство и виноделие. Сейчас расширяются площади под виноградники, повышается культура возделывания винограда. И не случайно в десятой пятилетке были получены рекордные урожаи чайного листа, винограда, цитрусовых, плодов и овощей, основной поставщицей которых для всей страны стала Грузия.

Как видим, десятая пятилетка заняла особое место в истории моей республики и по масштабам, и по размаху экономического и социального развития. Для убедительности приведу буквально несколько цифр. Объем промышленного производства Грузинской ССР за последнее десятилетие удвоился, а за десятую пятилетку увеличился на 41 процент. К 60-летнему юбилею республики было выдано сверх задания на 80 миллионов рублей промышленной продукции. Со Знаком качества ее выпущено более 21 процента.

Грузия славится и как всесоюзная здравница. В санаториях, пансионатах, домах отдыха, на туристических базах нашего Черноморского побережья ежегодно лечатся и отдыхают до 6 миллионов человек.

Четыре ордена сияют на знамени Грузинской республики. Она восемь раз завоевывала переходящие Красные знамена ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, а в первом году одиннадцатой пятилетки получила его в девятый раз подряд!

955.121

Но мы помним, что все наши успехи — результат совместных усилий не только коллективов республики, но и трудовых коллективов многих братских республик страны. Это они поставляют нам нефть, газ, черные металлы, машины и оборудование, хлопок, текстильные изделия, лесоматериалы и минеральные удобрения, зерно, сахар и другую продукцию. Это продиктовано и участием Грузии во всесоюзном разделении труда.

Растет, мужает, крепнет моя страна, моя республика. Растут люди — хозяева своей страны, своей судьбы.

Не могу в связи с этим не вспомнить об одном своем давнем друге. Константин Илуридзе, кузнец, Герой Социалистического Труда, ветеран партии, участник пятилеток. Необычная — яркая, красивая, возвышенная и в то же время очень типичная для нашего общества у него судьба. Он был рабочим Тифлиских железнодорожных мастерских, где родилась одна из первых большевистских организаций Грузии, где некогда трудились Максим Горький, многие другие замечательные люди. Сначала мастерские превратились в завод — Тбилисский паровозоремонтный. Прошли еще годы, и предприятие вновь преобразилось — стало электровагоноремонтным. Преобразились и люди: они меняли, обновляли, омолаживали свое предприятие и менялись сами. Это явилось результатом научно-технического прогресса, но вместе с тем и чем-то более важным — следствием прогресса социального, общественно-политического.

Сейчас, как и десятилетия назад, Константин Илуридзе работает кузнецом. Однако сам характер труда кузнеца начала века просто невозможно сравнить с тем, каким он стал ныне. И каждый раз, встречаясь, разговаривая со своим другом, я с гордостью убеждаюсь: наш современный советский рабочий — явление качественно новое, действительно уникальное в истории. Это подлинно культурный, творчески мыслящий, образованный человек, который по-хозяйски оценивает положение дел, подходит ко всему с позиций государственных. И для меня судьба Илуридзе — зеркало, в котором отразились поистине грандиозные свершения, происшедшие в нашей жизни за шесть великих десятилетий.

Письмо, о котором я хочу рассказать, тоже было написано почти шестьдесят лет назад, в 1923 году. Его

авторы — рабочие Тбилисского стекольного завода — отправили его Владимиру Ильичу Ленину, сообщив, что собрание избрало его старшим мастером предприятия. В те годы в Москву, Кремль шло немало таких писем — свидетельств высочайшего доверия народа вождю революции. «Жалование не посылаем — взамен его получи грамотность рабочих!» — писали Ленину стекольщики. Авторы письма точно угадали мысли и заботы Ильича, придававшего огромное значение проблеме ликвидации неграмотности, повышению общей культуры народа. 60 лет назад практически все рабочие полукустарных тбилисских стекольных мастерских не умели ни читать, ни писать.

Стоит ли напоминать, что в то время, когда было написано письмо Ленину, во всей республике насчитывалось лишь чуть больше ста школ, в которых обучались 26 тысяч ребят, а в пяти высших учебных заведениях, четыре из которых были открыты в первые годы Советской власти, — менее 9 тысяч студентов. Сегодня почти в 4200 школах занимается более миллиона учащихся, а в двадцати вузах республики — около 90 тысяч студентов. Детищем новой Грузии стал и наш Тбилисский университет. Особо хочу отметить, что с понятием «университет» ассоциируется вековая дружба грузин с великим русским народом, другими братскими народами. Первое поколение его ученых и профессоров было воспитано на лучших традициях Московского, Петербургского, Одесского университетов. Получив там образование, они привезли в Грузию не только свой богатый опыт и знания, но и безграничную любовь к русской науке, русскому народу.

Наш известный общественный деятель, великий писатель и публицист Илья Чавчавадзе писал: «Русская школа и русская наука открыли нам путь к просвещению... и дали нам пищу для нашего ума, вскормили его...»

Коммунистическая партия, молодое Советское государство, осуществляя ленинский план культурной революции, делали все, чтобы Тбилисский университет рос и развивался. Сегодня о его высоком научном и культурном потенциале говорят обширные связи с Московским, Ленинградским, Новосибирским, Киевским,

Одесским, Ереванским и другими университетами страны.

Больших успехов за годы Советской власти в Грузии достигла наука. В системе Академии наук Грузинской ССР действует около 40 научно-исследовательских институтов и учреждений.

Уже через год после установления в Грузии Советской власти в Тбилиси открылись Академия художеств, консерватория, театральный институт.

В нашей республике сейчас более 10 тысяч членов союзов писателей, художников, композиторов, архитекторов, журналистов, театрального, музыкального и хореографического обществ.

Во всех свершениях грузинского народа огромную роль играет направляющая деятельность ЦК КПСС, ЦК Компартии Грузии.

И о чем бы я здесь ни писал, мне снова и снова хочется говорить на главную тему — о дружбе наших народов.

Славные традиции нашей дружбы, заложенные десятилетия назад, продолжает каждое новое поколение наших людей. Сейчас я вспоминаю годы, ставшие замечательной школой жизни для наших студентов. С гордостью думаю о том, что в восьми районах Казахстана оставили о себе добрую память стройотряды Тбилисского университета.

Стройотряд ГрузБАМСтроя отличился на сооружении великой магистрали. Отряд посланцев Грузии, который трудится на строительстве станции Ния на БАМе, накануне XXVI съезда КПСС первым рапортовал о выполнении задания. Нию в народе стали именовать Нией-Грузинской! Это говорит о многом.

Таковы они, автографы дружбы. О них можно говорить бесконечно.

Множество автографов этой дружбы и на моей земле. Вспомните Колхиду, зеленым ковром раскинувшуюся на западе Грузии. А ведь еще в памяти моего поколения те страшные болезни и беды, которые несла она людям. На наших глазах—в 30-е годы произошел небывалый перелом в жизни этого края. Сначала побороли болезнь, отравляющую жизнь людям,—малярию. Потом человек повел наступление на болота, зная, что спасенная от переувлажнения земля станет благодатной

почвой для чайных плантаций, цитрусовых садов. Я был свидетелем того незабываемого исторического события, когда первый поселенец вступил на землю Колхидской низменности. «Первому поселенцу» — так и назвал свое стихотворение замечательный грузинский поэт Паоло Яшвили. Будущему Колхиды посвятил прекрасные поэтические строки Тициан Табидзе в поэме «Рион-порт». В те годы и я писал о великих преобразованиях, происходивших в этом краю, и стихи тех лет по сей день дороги мне.

Но, конечно, эпопея Колхиды нашла наиболее полное и яркое выражение в повести Константина Паустовского. Не раз встречал я Константина Георгиевича в спечовке, с карандашом и записной книжкой в руках на дорогах Западной Грузии. Русский писатель был реалистом и мечтателем. Он сумел в те далекие годы увидеть будущее Колхиды — сегодня я встретился с этим будущим в замечательной Абаше, крае осуществленной мечты. Абаша — это одновременно и завтрашний день тех районов Колхиды, где продолжается битва с болотами. Мне хотелось бы познакомить вас со многими замечательными людьми, моими старыми знакомыми, которые трудятся в Грузии. Я понимаю, что это невозможно. Но вот хотя бы один из них — ветеран колхозного строительства, прославленный председатель колхоза села Шрома Махарадзевского района Михако Орагвелидзе. Более сорока лет назад он и его хозяйство побратались с тружениками Генического района Украины. Книга Михако Орагвелидзе, посвященная этой дружбе, несколько раз выходила на грузинском, русском и украинском языках. В Махарадзевском районном театре была поставлена его пьеса «Председатель», на премьере которой были и украинские друзья.

Хотелось бы привести вас в дом Константина Гуджабидзе в селе Натанеби. Во дворе этого дома полтора десятка лет назад Михаил Шолохов посадил дерево в память о четырех сыновьях ветерана, погибших в годы Великой Отечественной... Но мне хотелось бы рассказать еще об одном эпизоде, написанном благородным сердцем, щедрой и чуткой рукой.

...Только старый яблоневоый сад остался на месте грузинского горного села Гедагдаг. Несколько лет назад оно оказалось в эпицентре сильного землетрясе-

ния. Но село с тем же названием продолжает жить. Оно привольно раскинулось в двух километрах от старого места, все 700 жителей переехали в плодородную долину, застроенную новенькими, удобными домами.

А тогда на помощь людям, оказавшимся в беде, вместе с Грузией пришли соседние союзные республики — Азербайджан и Армения. 18 миллионов рублей было выделено на восстановление пострадавшего района. Непрерывным потоком двинулись туда походные столовые, машины со сборными домами, лесоматериалом, цементом. На помощь спешили монтажники, строители, врачи, учителя, связисты. Сегодня не узнать Дманисского района, где находится село Гедагдаг. Он обрел новый, современный облик. Обновляются дома, сооружены детский сад, школа, гостиница. И шумит яблоневый сад — свидетель бескорыстия, душевной щедрости и сердечности людей.

Историю народов и государств пишет время, но творят ее люди. Об этом постоянно думаю я, мысленно обращаясь к многовековой истории моей Грузии и к тем шести десятилетиям, что прошла она вместе со всей страной. Об этом думал я, сидя в Кремлевском Дворце съездов на высшем форуме коммунистов — XXVI съезде КПСС, делегатом которого я был. Я думал о том, что нет большего счастья, чем то, что выпало на мою долю. Чем могу я, поэт, ответить на такую честь? Я счастлив, что органично и естественно могу сочетать в своей жизни, в работе служение идеалам коммунизма и долг художника. В этом—еще одно бесценное преимущество нашего строя, и зиждется оно на несокрушимом фундаменте творчества трудовых масс, на великом единении всех наших народов.

И, думая об Отчизне, я говорю:

Дай быть мне для тебя,
Дай быть с тобою,
Мне есть еще чем жертвовать тебе...

Родина для каждого грузина — это и родное селение, утопающее в тополях, и моя республика, и Москва — столица мудрости, света и любви.

Нодар ДУМБАДЗЕ

ИМЕНЕМ ЮНОСТИ

КОМСОМОЛ пришел ко мне зимой 1944 года. Босой, как и я, он без спросу отворил двери девятого класса, сел рядом со мной на последнюю парту, полуголодный, озябший, с огромными горящими глазами, закутанный в выцветшую солдатскую шинель, в напыленной на самые глаза буденовке с красной звездой, сел и, протянув мне свою худую, жилистую руку, улыбнулся и представился:

— Здравствуй, я — Павка, Корчагин!

Я знал его издали, но никогда не видал вблизи.

Когда он сел рядом со мной, меня сразу обдало запахом пороха, запахом окопов, запахом шинели и солдатских сапог, запахом сена, запахом крови и табака.

Я был иззябший, и он укрыл меня ветхой шинелью, согрел меня и согрелся сам.

Потом он дал мне заглянуть в свою книгу. Дал писать задачу.

Меня вызвали к доске, и он подсказывал мне.

На большой перемене он дал мне покурить махорку.

Больного, проводил меня домой.

— Здесь! — крикнул он за меня на перекличке.

Он пошел со мной в поле и помог мне провести борозду.

Он помог мне подрезать лозу.

Когда у меня было горе, он встал рядом со мной у гроба и разделил мою скорбь.

Я был беззаботным, и он научил меня заботиться и болеть душой.

Я был трусишкой, и он сделал меня бесстрашным.

Я плакал слезами, как женщина, и он научил меня плакать по-мужски — молча, без слез.

Шестнадцатилетний, я был ребенком, и он сделал меня взрослым.

Он не покинул меня до сих пор.

В 1945 году он вместе со мной поступил в университет, мы вместе написали первое стихотворение и вместе потратили первый гонорар.

В мае 1966 года он поехал со мной в Москву, вместе со мной взошел на ярко освещенную сцену Дворца пионеров и на глазах праздничного, переполненного зрителями зала прикрепил к моей груди золотую медаль Ленинского комсомола. Тогда я расплакался перед всем этим морем людей и произнес слово благодарности:

— Спасибо тебе, мой Павка, спасибо тебе, мой комсомол!

Потом я заметил за ним одну удивительную вещь: с каждым днем он становится все более мудрым, но не стареет, годы не берут его, он вечно юн. В прошлом году вместе с моей старшей дочерью он учился в университете, а в нынешнем году вместе с младшей сидит в седьмом классе, рядом с ней на последней парте. Сидит и тихонько, так, чтобы не слышала учительница, учит девочку любить книгу.

Учит ее любить землю.

Учит ее любить мать-Грузию.

Учит ее добру.

От имени моих дочерей, от имени моей юности и молодости — спасибо тебе, мой Павка, мой добрый и любимый комсомол!

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

МОЛОДЕЖИ

Славься, славься, прошлое
Грузии моей!
Слава настоящему, слава.
Но да здравствует
Будущее Грузии —
истинно великое!
Если вас окликну я
на проспекте Руставели,
Знаю —
вы передо мною, как послушные быки,
Словно я и есть крестьянин,
что дает вам соль с руки,
Остановитесь.
Люблю я ваши, впрямь как бычьи, шеи,
И, размерами с тарелки, ваши умные глаза,
И развернутые эти плечи
львиного размаха!
Но, любимые быки,
вы в земле завязли, что ли? —
Ведь никто для всех для вас
каменной не дал мне соли!
Палевый и краснобокий,
эй, не стойте, эй, тяните!
На дорогу на свою поскорее выходите!
Сколько в руки ни смотри —
все равно не будет толка.
«Вспахивай и засевай!» —
наставляет перепелка.
Не нужны слова без дела,
наподобье сквозняка.
Не нужна любовь пришитой
лишь за кончик языка.
Так вперед, быки, вперед!
Чтоб в поту была рубаха!
Ваши шеи я люблю,
плечи львиного размаха!

И когда на вас смотрю —
чувствую в себе быка.
В кровь вливается мою
воля, сила жожака.
Но, любимые мои,
я теперь хочу сказать:
На проспекте Руставели
я не вижу что пахать!
Ох, быки мои, быки,
не слоняйтесь вы без цели.
Легкой жизни не ищите
вдоль проспекта Руставели.
И не скапливайтесь вместе.
Вам совет отцовский дам:
По проделанным стократно
не ходите бороздам!
На своей земле родной
стройте села, города,
Чтобы шла за вашим плугом
собственная борозда!
И трудитесь неустанно, и в трудах своих
старайтесь.
Вы же все — народа дети
и народом оставайтесь!
Нету царской в том заслуги,
вовсе не от слов поэта
Грузия полна сегодня
благоденствия и света.
Это все — крестьянин мудрый, тот,
что сам лозу сажал,
И строитель чудотворный —
сам он известь обжигал,
И кузнец неутомимый —
сам железо он ковал,
И в скале железом этим
цитадели высекал!
Не бывает дел неважных
для отечества, народа.
А работой поступаться —
это вовсе не свобода!
Праздником я нарекаю,
величайшим торжеством —

* * *

Верил — смерть ты перетянешь на весах,
Хоть в душе моей побеги отцвели...
Только слезы навернутся на глазах —
Ты в мою могилу кинешь горсть земли.

Я нащупывал неведомую твердь,
Голос предков вдруг сумел я уловить...
А соперницей твоей была лишь смерть —
Как же ей одной могла ты уступить.

Я теперь прощаюсь с Грузией моей.
Только верю — все равно, когда умру,
В шуме мельницы,
                                над синевою полей
Буду плыть прозрачной дымкой поутру.

А останкам сам могилу я избрал —
Пусть им пастбище становится жильем.
О прощай, прощай, стихов моих фиал, —
Шум травы моим становится стихом.

Я с собратьями по цеху расстаюсь,
Не могу расстаться только лишь с тобой.
Неужели словно дымка растворюсь
И безвременно исчезну над землей?..

* * *

Мной огорожен был родник,
А ты — от жажды изнемог.
И ты пришел, к нему приник,
И ты напился из него.

Присядь на камень перед ним,
И лоб свой освежи.
И если нас он породнит —
«Спасибо» мне скажи.

Пусть облегчит твой трудный путь
Глоток из родника.

Придешь к нему когда-нибудь
Опять издалека.

И если он затоптан вдруг
Копытами коня
Иль высох в засуху — мой друг,
Тогда прости меня.

* * *

Пот несоленым не бывает,
Когда живешь трудом своим.
Пусть говорят, пусть обсуждают —
Мир не становится иным.

Жизнь только кажется мгновенной.
Но все же всходит твой посев.
И кровь идет, идет по венам,
Безвременно преодолев.

И пусть горчит, как капля меда,
Вкус вечеряющих минут.
Зимой — в такое время года! —
Пять чувств моих опять цветут.

Родник — в нем блеск придонный ила,
Как луч зари в промозглой мгле.
Не сумерки, а сок кизила
Вдруг проступает на стекле...

Творчество замечательного грузинского поэта Симона Чиковани уже давно знакомо многочисленным любителям светской поэзии. Чиковани принадлежит к поколению тех грузинских поэтов, которые вышли на широкое творческое поприще в первые годы революции и принесли с собой неумную жажду поисков нового, емкого поэтического слова, способного охватить всю небывалость событий. Нелегко был этот путь, путь борьбы с инерцией богатой поэтической традиции. Именно в борьбе и преодолении этих трудностей происходило становление Симона Чиковани как поэта.

Симона Чиковани еще в 30-х годах переводили такие замечательные русские поэты, как Борис Пастернак, Кон-

С избытком было дел и шуток,
А кажется — все мало мне.
Пусть жизнь — короткий промежуток,
Но ценность жизни — не в длине.

И пусть порой светила скудно
Моя лучина...

Но одно
Я понял — жить хотя и трудно,
Не тяжело нести ярмо.

Звезда сгорает над землею,
На искры яркий свет кроша.
И не бессмертной, а живую,
Живой желает быть душа.

И эту ночь без сна как благодать
От жизни принимаю я.
Земная тяжесть мне не в тягость,
Ярмо? — нет, радость бытия!

НА БЕРЕГУ МОРЯ

Прохлада снизошла на побережье.
Дождь кончился.

На пляже детвора.
А волны бьют — не чаще и не реже —
Как близнецы, — привыкнуть к ним пора.

стантин Державин, Николай Заболоцкий и другие. Это были годы развернутого движения за перевод национальных литературных произведений на русский язык. Под пером этих замечательных мастеров стихи Чиковани зазвучали с новой силой. Радостно сознавать, что прекрасная традиция перевода образцов братских литератур продолжается, она переходит из поколения в поколение.

Совсем недавно несколько стихов Симона Чиковани вновь зазвучали на русском языке в переводах Сергея Алиханова, и мы предлагаем их любителям поэзии.

Но вот волна, как будто бык огромный,
Мчит, выгнувши загривок мощный свой,
И белой пеной брызжет гребень темный —
Волна идет и падает стеной.

А даль манит своим сияньем нежным,
Сверкают перламутром облака.
Взгляну на море с недоверьем прежним, —
Покажется — вдали шуршат стога.

Вот солнце зависает над водою
В величье ослепительном своем, —
И словно тополь с блещущей листвою
Упал плашмя за самый оком.

А в засуху — случись такое горе —
Когда уже спасения не ждешь,
Земле на помощь посылает море
Спасительный, животворящий дождь.

Все роняются во влажной гальке дети.
За кораблем потянется земля —
Здесь зацепилась радуга за сети,
А там вплелась в оснастку корабля.

* * *

Из глаз твоих срывались эти звезды,
Я собирал их и носил домой.
И если вдруг тебе в ночи кромешной
Идти случится — ты меня оклики, —
Твой путь в глухом ущелье озарится —
Твои же звезды над тобой зажгу я,
И, может, ты мою прозреешь душу.
Хранил их дома я в сухой соломе,
И ветер не сумел их загасить,
И не похитил дед на семена.
А звезды эти —

искры глаз твоих.

На травах сколько капелек росы
Сверкает в первых солнечных лучах —
Вот столько звезд твоих я сохранил.
Ни мох, ни пелена их не покроет.
Блестят, как будто жемчуга осколки,

Немеркнувшие, острые лучи.
Я их сравню с колючками каштанов,
Когда же ты залиvisto смеешься —
То с ворсом персиков.

Я — старый звездочет.
Ты — небосвод, распахнутый над миром,
Или колосьев полное гумно,
Которые за жизнь свою собрал я.
В садовую ограду я вплету их,
Чтоб звездами твоими осветить
Перед усталым путником дорогу.

* * *

А звезда моя еще не закатилась —
Все летит стрелой сверкающей она.
О надгробье на Мтацминде не разбилась,
И морской пучиной не поглощена.

Не беда, что в небесах ее не стало.
Пусть теперь звезда другая там горит.
Но никто не видел, как она упала.
Верю, верю я — звезда моя летит.

А когда и упадет — так невозможно
Быть звездою, а потом звездой не стать.
Пусть в земле она, как меч хранится в ножнах..
Она ярче, чем звезда во лбу Нэстан.

И звезда моя живее и проворней
Тех, кто всадника преследует в горах.
Своенравнее других и чудотворней.
Я еще найду ее в моих ночах.

Словно гроздь, вновь созвездия повисли.
Я опять путем нехоженным пойду,
И опять, в венки стихов сплетая мысли,
На восходе отыщу свою звезду.

ЗЕДАЗЕНИ

Белее миндаля, апреля моложе —
Свой взгляд отвести я не мог! —
Ты шла впереди, и была ты похожа
На высокогорный цветок.

Втроем за тобою мы шли в Зедазени
Шли, как косари, напрямик.
И словно бы по твоему мановенью,
Вдруг храм перед нами возник.

И арка листвы расступилась, сияя.
Пред мшистой стеной — тишина, —
Средь летнего луга такая живая,
Здесь мертвой казалась она,

Как будто бы время само задремало
В тени этих буков и стен.
И все это душу мою возвышало —
И ты,
    и цветенье,
                    и тлен.

А к вечеру будто добавилось света —
Хребты проступили ясней.
Не свадьба ли соек закончилась где-то,
Среди зашумевших ветвей.

И звери, и птицы вокруг задремали.
Вечернюю слыша росу,
На травах темнеющих мы пиروвали
И Гете читали в лесу.

И я, причащаясь, на землю, на зелень
Разлил ненароком вино.
Мы были видениями Зедазени,
И нас заполняло оно.

В последних лучах уходящего света
Храм все не сливался со тьмой.
А снизу взлетела навстречу нам Мцхета.
Арагва столкнулась с Курой.

Черная и Голубая река

СТЕМНЕЛО.

Два паровоза мчали нескончаемо длинный эшелон, и когда хвост его пробежал мимо пристанционной стрелки, где раздваивается колея, голова его была уже далеко впереди, где пути сливаются вновь.

Эшелон летел на восток — без остановки. Составы, пассажирские, товарные, маневренные, сформированные и несформированные, отгонялись на запасные пути и безропотно пережидали, уступая ему дорогу.

Его мощный гудок с ревом вспарывал темноту, вместо однообразного перестука колес на стыках рельсов рассыпался треск, грохоча, проскакивали мосты, в раздвинутые двери набитой теплушки скрежет и лязг врывались так оглушающе, словно распираемый злобой состав раздался не только в длину, но и ввысь, и вширь и, не вмещаясь в фермах моста, кроша и сминая, сдирал их и, нацепив на крыши своих теплушек, уносил на себе.

Фрагменты из романа «Черная и Голубая река», полный русский перевод которого готовится к выходу в издательстве «Советский писатель». На грузинском языке роман печатался в журнале «Мнатоби», был издан отдельной книгой.

Эшелон с налету рассек станционную тьму, от рева его взметнулись, во все стороны прыснув, илты на стрелке, и, словно взмыв над путями, трепещущей капелькой теплой крови дрожал на хвосте красный свет тормозного огонька.

Обхватив перекладину из неоструганной отсыревшей доски, служившей в теплушке вместо засова, Бакури уперся в нее лбом. Кисти рук, вцепившихся в перекладину, так затекли в этой тряске, что когда на повороте вагон швырнуло вбок и, казалось, снесет сейчас с рельсов, онемевшие до локтей руки выбросило вперед и крутым своим носом с чуть заметной горбинкой Бакури ударился о ребро доски. Подняв голову, как во сне, он потер переносицу, приложил платок к ссадине и, опершись о доску локтями, уставился в темноту. Словно решив наконец соскочить с рельсов, вагон качнулся, как необъезженный жеребенок. Бакури прижало грудью к засову и сразу чуть опять не отбросило. Вперившись в темноту за вагоном, он выкинул руки вперед и повис на перекладине.

Над горами еще можно было различить темно-сливовое, цвета глаз вороного коня, небо, и, словно блики заходящего солнца в этих глазах, мелькали звезды в просветах гроздившихся облаков.

Позади все было залито светом, как днем: мать и отец, дядя и бабушка — они и сейчас еще ждут его, проводил, видно, думают, кинцурашвилевских ребят — и домой; и еще — Эстатэ, Эпраси, Потоло, Гугута...

Гугута!

В стародавние времена это был чей-то дом, а теперь тут военкомат, двор захламленный, новобранцы в плотном кольце родни, глаза у всех красные, в углу двора свален тес с еще не выветрившимся запахом ладана и огорожен загон, в котором — лошади, реквизированные на войну, — битком их в загоне. Здесь, под забором, на сваленных досках и спиленном столбе Бакури нашел себе место, безучастно поглядывая на этот всполошившийся люд: тут и пели, и плакали, один — голову уронив, другой — к небу задрав, всех он видел откуда-то сверху, даже тех, кто был ростом много выше него.

А сейчас он глядел на себя издалека, из теплушки, и отсюда сквозь тьму видел парня, притулившегося под

забором, на которого всем наплевать, слава богу, каждый сыт своим горем. А родным-то о нем ничего не известно.

Все равно бы это случилось не сегодня, так завтра. В их лачугу, которую вместе с Ватути они сняли в Тбилиси, в Сванэтисубани¹, повестка, наверное, уже пришла. Все же надо было сначала в Тбилиси и от туда — на фронт... Пара пустяков от Мамуки смыться, от Ватути и тетки Ивлити. А увязались бы провожать, может, было бы и лучше... А может, и не было бы лучше? Нет, все-таки было бы лучше, чтобы все сейчас были с ним — вся родня, ближняя, дальняя, но не Гугута... Или... А может быть...

Только бы Потола не вздумала искать его вместе со своей двоюродной сестрой. Если они обнаружат его здесь, на задворках, то вообразят еще, что он нарочно сбежал сюда, чтобы один на один встретить Гугуту и сказать ей в лицо, отчего между ними раздвинулась бездна.

Нет, никогда он не скажет, ни за что... И не только сейчас, когда до фронта еще ехать сколько, но пускай на войне ему пуля лоб пробьет и он помирать будет, и тогда он словечка не вымолвит. Так даже лучше — пусть не знают. Ведь не мучиться ж ей всю жизнь.

Нет, тут не скроешься. Потола трех братьев провожает на фронт, а для Бакури время найдет. Правда, к военкому он незаметно пробрался, написал заявление — и другим ходом обратно. Ни одна живая душа его не видала. Но Гугута?..

Он поднялся с земли.

Нет, тут во дворе, под забором, сидеть не место... Надо убраться подальше, и, пока не начнут выкликать новобранцев, он приткнется к вагону с той стороны, что в поле выходит, там поспокойней, потише... и переждет. Возле загона толпились хозяева лошадей, а внутри, словно живые рыбины, брошенные в бочку с солью, метался табуи. Нет, с той стороны его не найти.

Но для измаявшейся души и здесь не нашлось успокоения, найти место потише он уже не надеялся, и,

¹ Сванэтисубани — один из районов Тбилиси.

опустившись на корточки, он привалился к забору, который сам чуть не падал на землю. За спиной у Бакури — вытопанная трава, фырганье лошадей, стук копыт, людской гомон, дыхание сотен, стон и песня, тоскливое стоны, — все перемешивалось и стояло в небе комом из крови и слез.

На зеленеющем косогоре человек в чохе кинжалом срезал траву. Искал, видно, получше, а так бы зачем на пучок травы столько времени тратить? Человек выпрямился, шагнул навстречу Бакури, но Бакури и отца бы родного сейчас не признал, он только понял, что человеку трудно ступать, будто он только-только начал ходить.

И лицо! Господи, какое лицо и какие глаза были у этого старика... Что думал он делать, этот странный призрак с кинжалом, оправленным в серебро и только что выдернутым из ножен, в одной руке и пучком свежей травы — в другой?

Старик едва дотащился до забора и сквозь колья просунул траву. Бакури привстал и поверх скособоченного плетня глянул в загон.

Рука старика дотянулась до нижней губы вороного коня, прижавшегося мордой к забору.

Завидев корм, другие лошади тоже вытянули шеи, а вороной поднял нижнюю губу над пучком, словно поднесли к его носу не отборную траву, а речную гальку, и дрожащей нижней губой стал поглаживать запястье хозяина.

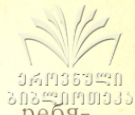
— С вечера того самого дня, а день нынче году равен, он в рот ничего не берет, — пожаловался Бакури старик, как жалуется врачу мать у постели мучающегося в жару сына.

— Заболел? — спросил Бакури: так человек, у которого безысходное горе, увидав, что другому хуже его, почувствует вдруг облегчение.

Старик сокрушенно покачал головой — как мать, которая сказала врачу, что у сына сердце болит, а врач ему щупает шиколотку, ища перелом или вывих.

— А что с ним? — растерялся Бакури, пытаюсь исправить свой промах.

— Уводят... — выдохнул старик, словно хотел вместе с выдохом выгнать тяжесть, скопившуюся в сердце.

— На войну?

— Погибель моя!

«Что там лошади, какие ребята уходят... не ребята — орлы», — хотел сказать Бакури, но взглянул на старика, который, обессилев от слез, вжался лбом в жердь, и слова примерзли к языку. В эту минуту пожалеть старика мог только он — на его глазах бедовала эта беда.

— Вы, наверное, ходили за ним, как за сыном? — произнес Бакури.

— Сына уже два года как взяли.

— На срочную?

— Он, сынок, как повестка пришла, всю неделю не просыхал, а как прощаться время настало, песню завел... ту самую, что я сызмальства больше всего любил. И ведь уехал — хоть бы слезинку я обронил.

— Тогда войны не было.

— Была война — финская, а ведь края ноготка не задело. Не поверишь, он мне в неделю по два письма присылал. А я — ни читать, ни писать, старый уже, так он меня с фронта выучил. Сперва буквы нарисовал все и внуку их прислал, сынку своему. Мой отец, написал, не станет читать то, что в книге написано, а что я напишу, он запомнит. А что бы еще могло случиться, чтобы я позабыл серп, кувшин, лозу, чури и подкову коня... Я в неделю сейчас ему по три письма пишу. Когда рядом был, не лежал так близко к сердцу. А этому что скажешь... — и старик, совсем сникнув, поглядел на коня, который, не тронув травы, все водил дрожащей губой по сухой и жилистой хозяйской руке.

Между жердинами нашлась щель пошире, и, просунув голову, Бакури стал смотреть на коня.

Он был черен, но шерсть так лоснилась, что отблески солнца играли на ней зигзагами молний. Шелковистое тело коня и черная грива отливали синевой, как воронье крыло. Легкое черное седло было отделано серебром, а сбруя и поводья увешаны серебряными подвесками, словно орешками, рассеченными пополам. Тонкие бабки и колени с кулачок дрожали вместе с рукой хозяина, и слезы, стоявшие в темно-сливовых глазах, вбирали в себя их сизую черноту и в отблеске

заходящего солнца цветом и тяжестью походили на капли каштанового меда.

— Не понимаю я в лошадях, — проговорил Бакури, — но красоты в нем — глаз нельзя оторвать.

— Храни его господь, — обронил хозяин, видно привыкший так отвечать на похвалу скакуну.

— И шаг, наверное, отменный... — Этот человек нуждался сейчас в добром слове, как мать, которая плачет над сыном.

— Иноходец от бога.

— Такого на войну... жаль!

— Не на войну тоже... — рану посыпали солью, и старик, бросив траву, ладонью прикрыл обслюнявленную конем руку.

От безнадежности душа Бакури стала пуста, но он понимал: можешь не можешь, а хоть каплю надежды надо вселить в старика. Старик нуждался в надежде так же, как Эпраси, которая провожала на фронт трех сыновей, и как Гугута, у которой высохли слезы, и она сейчас искала Бакури в этом море заплаканных лиц.

— Кто знает, может к хорошему хозяину попадет, — попытался утешить Бакури.

— Конь, сынок, — не женщина, он не шарит, где теплей, — обжег старик Бакури.

— Как это, дядя?

— Я его на травку выпущу, час пройдет, а я не иду, он щипать траву больше не станет.

— Любили вы его, а он вас...

— Любил?!

— Любишь, чтобы любить... — вырвалось у Бакури, чего хозяину коня и не понять было, тем более сейчас.

— Любовь... — повторил старик, будто слово показалось ему совсем крошечным. — Ты погляди, сынок, кнута — ни в руках у меня, ни в седле у него, — он посмотрел на свои руки, покоившиеся на рукояти кинжала, — он кнута и в глаза не видал. Я прихворну, чаю напьюсь, а сахарок — ему, — из кармана чохом он извлек кусок сахара, — внуку не дам... Говорю им, меня вместе с ним забирайте, с утра комиссара прошу.

— Вас не возьмут.

— Чтоб мне до дому живым, сынок, не дойти, ка-кого черта-дьявола дома я не видал, я ж без него ни шагу, а если меня вместе с ним заберут, я его на минутку не брошу. Христом-богом прошу: лошадей сколько, конюх-то нужен вам, а он только головой трясет, я, говорит, что, не человек? У меня тоже душа, говорит, да приказ есть приказ. Повыше податься б куда, в правительство надо б, так коня боишься оставить, и кому писать, кому говорить — поди знай. Возьму вот и Сталина напишу... Ты же, сынок, пограмотней будешь...

— Писать-то я умею, и по-грузински, и по-русски, может и придумал бы что, но ведь меня самого отправляют.

— То-то я гляжу, ты не в себе вроде, да мне беда моя свет застит...

— Здесь беды у всех через край.

— Погоди-ка, парень, а куда пошлют тебя — знаешь?

— Откуда мне знать? Никто не знает.

— Как сына хочу спросить у тебя: ты когда-нибудь с лошадьми имел дело?

— Какие там лошади. Отец у меня — учителем в школе.

— Эх... — и в полной безысходности старик уронил руки, словно надежда, только-только забрезжив, тут же потухла, как язычок коптилки под дуновением ветерка.

— А вот у дяди моего лошадь была, — соврал Бакури, совершенно уверенный, что более истинной правды он не говорил никогда.

— Породы какой? — пламя коптилки опять вспыхнуло.

— Да приличной... Не такой, конечно, как этот...

— Нет!..

— Моего дядю дела отвлекли надолго, так я ходил за ней...

Толпа, топтавшаяся во дворе, загудела, забродила, и лошади, томившиеся в загоне, закружились как в заверти.

На балкон райвоенкомата вышел военком, вместе с ним начальники частей, какие-то еще военные и штатские. Ветерок теребил бумажные листки в их ру-

каж. Не поднимая головы, они ждали, пока кипящий под ними котел уймется.

— Если господь не захочет... — старик на что-то надеялся; так не могли расстаться с последней надеждой Бакури с Гугутой.

— О чем это ты, дядя?

— От нас, говорю, тоже уходят...

— От кого — от вас?

— Из деревни нашей.

— А... Конечно, уходят, а как же? А что, они без коней? Коней у них нет?

— Кони есть. Деревня наша в горах, без коня никуда, — старик взглянул через забор во двор. — Вон гляди — привели наши сколько. Да разве лошади это?

Бакури посмотрел в загон. Лошади стояли, положив друг другу головы на спины. Не обнаружив ничего, что заслуживало бы осуждения, Бакури тем не менее покачал головой в лад старику:

— Тут ни одной приличной лошади нет.

— Ребята они надежные, я бы сына отпустил с ними, а коня не могу... Он коня беречь будет пуще глаза, а нет-нет, да дело привычное, — глядишь, за плетку схватится.

— Говорят, добрый скакун плети не стерпит.

— Что там плеть или слово?! Что у тебя на душе — конь и это поймет. Я же сказал тебе, сын у меня, всего один сын, да и тот уже — там, а дочерей — четверо, у каждой — семья. Будь мне вторым сыном, — старик обхватил плечи Бакури. Так уносимый потоком цепляется за прибрежную траву.

— Да пожалуйста, если только... если он ко мне попадет.

— Вчера как повестка пришла, всю ночь глаз не смыкал, возле него простоял, сказать слова не мог. И сюда шли — все молчком, но он чувствует — худо мне. А пришли, как увидел он, что тут делается, — слезы не просыхают. В коленях — дрожь. Случалось, волков с ним встречали, а такого не бывало... Ты, видать, парень с душой, сделай мне милость — ступай в кавалерию... Братья есть у тебя?

— Трое...

— Мой Элва родней брата будет тебе.

— Элва — это что, кличка?

— Это не я придумал. Он сам себя окрестил. Сел бы ты разок на него, не зная, как его кличут, по другому, чем Элвой, звать не стал бы¹.

— А разве в кавалерию сейчас направляют? Что-то не слышал...

— В ноги комиссару кинусь. Он ведь рад мне помочь — а не выходит. А теперь все как надо — и закон не обижен.

— Товарищи! — крикнул один из тех, что стояли на балконе, и все разом смолкли. Только слышался стук копыт и пофыркивание лошадей.

— Абесадзе Автандил Евстафьевич! — донеслось до Бакури с балкона, и все опять загудели. На балконе терпеливо ждали, пока тот, кто был назван, вырвется из объятий родни и отойдет в сторону.

— Адеишвили Вахтанг Павлович!

— Авалиани Вахтанг Александрович!

— Авалиани Чичико Илларионович!

Старик, окаменев, вслушивался.

— Эх, кличут уже...

— По четыре в ряд строят...

— Арджеванидзе Лука Алмасханович!

— Апхаидзе Нодари Лукаевич!

— Апхаидзе Шанше Ермилович!

— А твоя, сынок, как фамилия?

— Амаглобели.

— А зовут?

— Бакури Парнаозович... сейчас до меня дойдет...

— Алахая Хута Прокофьевич!

— Ахалкаци Георгий Георгиевич!

— Ахвледзиани Шалва Бегларович!

— Ахвледзиани Акакий Бегларович!

— Пошли, сынок, пошли, прошу тебя, как отец родной! Родом-то ты откуда? — Старик остановился, поглядел на лошадь, которая с той стороны тронулась вдоль забора следом за ним.

— Здешний я.

— Здешний-то здешний, а деревня какая? Сам-то я из Гелгети, наверное слышал?

— Как не слышать? Отсюда километров двадцать-тридцать.

¹ Элва — молния (груз.).

— Верст двадцать-тридцать? Нет, не будет... Хотя, может, и будет. А ты говоришь... Амаглобели? Амаглобели ведь из Гулзоди? Домов семь там будет, не больше?

— Правильно...

— Ахобадзе Шота Самсонович!

— Из нашей деревни одна замуж к вам пошла. Гелгети деревня маленькая.

Бакури обдало жаром.

— Н-н-не знаю.

— Как же ты можешь не знать, когда председатель ваш муж ей?

— Да он не председатель давно...

— Стало быть, знаешь...

— Нет, не знаю.

— Так ты откуда, сынок? Из Гулзоди? Или... Впрочем, ведь и другая сестра там, в вашей деревне... Старшая за Кинцурашвили или за Кухалеишвили...

— Этих я знаю... Знаком... Тетушка Эпраси...

— Так бы и говорил... А то захочешь поверить тебе -- и не сможешь...

— Ахобадзе Бухути Самсонович!

— Я теперь такой старый стал, головой кивну — если только здороваюсь. А сейчас на глазах у народа — вон его сколько нагнали — комиссару в ноги бухнусь. Пусть тебя в кавалерию шлют с моим конем вместе...

Эшелон уносило во мглу, и небо мутилось, как глаза у Гугуты и вороного коня.

Бакури представить себе не мог, что так бывает: у тебя отнято все, даже способность чувствовать боль, а ты что-то там трепыхаешься, маешься, но, видно, в этом — вся соль, когда терять больше нечего и даже вырвано сердце, а оно, это сердце, возьми вдруг и оборвись.

На республиканском сборном пункте из односельчан Бакури не осталось уже никого. Только Бесо. Когда его оторвали от братьев, этот детина — он одной рукой мог шею волю свернуть — вцепился в Бакури, словно сирота-малолеток. «Я по-русски двух слов не свяжу, а вы — врозь меня с ними. Без него ушлете — на полном ходу спрыгну», — ревел он, даже стены тряслись.

Командиры на него поглядели — под черной щетиной сросшихся бровей шириной с большой палец по-лыхали глаза, вздымались ноздри крючковатого носа и подбородок с добрый кулак выдвинут был вровень с носом, — кивнули друг другу и послали обоих в хвостовой вагон, набитый ребятами невесть какого рода и племени, которых бросали теперь неизвестно куда.

Еще в полдень парикмахер, едва стряхнув когда-то белую салфетку, завязал ее на потной шее Бакури, и через минуту высокая волна волос валялась на полу под ногами парикмахера.

— Худшего со мной не сотворишь! — уязвленно бросил Бакури Бесо, который, нахохлившись, поджидал его под дверями парикмахерской.

— Тебя твоя тетка, наверное, ищет и Ватути с Мамукой? — процедил сквозь зубы Бесо.

— Никуда не пойду.

Вечером, когда раскаленное тбилиское солнце скрылось за горой Шавнабада, подул коджорский ветерок, однако в вагоне еще колыхался придавленный потолком полдневный зной. Пристроившись в самом углу вагона, где для Бакури тоже нашлось местечко в полторы пяди, Бесо налегал на домашнюю снедь, вытащив из холщовой сумки пару мчади, хачапури и уже папахивающую курицу. Бакури, опять повиснув на перекладине, смотрел на горы, вздымающиеся над высокой каменной оградой сборного пункта. Выжженные солнцем, иссеченные резкими морщинами и складками, они, как тигры, покоились над замирающим городом. В душном вагоне лились причитания, которые кто-то выстанывал на мотив городской песенки.

Было совсем темно, когда в эшелон ткнулся маневренный паровоз.

«Прощай, Тбилиси!»

Поезд выпустил воздух из тормозов.

— А ну, друг, подвинься, нам бы тоже глотнуть ветерка, — навалились сбоку на Бакури.

«Это из Ортачала или с Авлабара», — судя по говору, заключил Бакури¹.

¹ Ортачала, Авлабар — районы Тбилиси.

— Не забывай, дружок, у нас сердце одно и нельзя его отдавать ни врагу, ни печали.

Бакури не понял, кому Шакро это сказал. Бакури, наголо бритой голове, свисавшей с перекладины, будто тыква с забора, или сам себе посоветовал.

— Я-то, может, и не отдам, только станут они меня спрашивать? — сказала тыква, словно сама себе удивляясь.

— А сгрызет, значит сердцу твоему туда и дорога, — сзади подошел кто-то еще и опустил руки на плечи ребят, дотянувшись и до Бакури.

— Грусть-тоска — она ведь как червь, братец ты мой! — предостерег тот, что тянул тоскливый мотив. — Ее пусти только — все нутро твое изъест, изведет, — сам утопая в тоске, он других хотел вытащить.

— А как не пустить, если она, паразитка, не отстает от тебя, — жевала свое тыква.

— Так и будет поедом есть. Разок тоску впустишь — она тебя и сожрет... — мудро изрек тот, что одной рукой доставал до Бакури, а другой до кого-то еще на том краю перекладины, и похлопал по плечу их обоих.

— Да пошел он ко всем матерям, я ему яблоня, что ли, у одних яблок все нутро изгрыз, а другие висят целехонькие да румянькие! — печально, но так, что услышал весь томящийся в духоте вагон, произнес Шакро.

— Не говори... — Бакури снова потрепали по плечу.

— Не дай ей себя есть, говоришь? А я что, рот разинул и силком ее в пасть затолкнул? Влезла в меня тоска — и жует все, и точит... — изумилась сама себе тыква.

— Значит, ты не мужчина! — хлопнули вдруг Бакури по спине. — Мать свою слезы лить заставляешь, а врагу твоя тоска — только в радость.

— Пусть и моя мать слезами умоется, и твоя, и у всех наших врагов, а я с собой ничего не подедаю, — призналась тыква, потому что Шакро не мешал больше ее тоске выговариваться.

— Держите его! — властно прокричали в темноте за вагоном.

— Стой, стрелять будем! — проговорил низкий бас так неуверенно, что беги беглец до скончания века, никакая сила, казалось, не заставила бы обладателя этого баса выстрелить.

— Да постой ты, чтоб ты пропал, загонял нас совсем, — взроптал третий голос.

Тяжело дыша, беглец бежал вдоль вагонов так вяло, что в конце поезда его наконец настигли и взяли в кольцо.

— П-п-пустите меня! — кричал беглец, не понять — от злости или от страха.

— Да куда тебя отпускать, чтоб ты провалился!

— Отпустите его! — крикнул сверху Шакро скорей для того, чтобы прогнать вползшего в душу червя.

— Жалко парня, погубит себя эта бестолочь! — не слушая Шакро, произнес рядом тот, что крутил сейчас беглецу руки.

— Ну, тогда не отпускайте, — посоветовали из вагона. Это был голос того, кто всех обнимал, боком втиснувшись между Шакро и тыквой.

— Пусть отпустят! — кто-то подскочил сзади и, попытавшись протиснуться между Шакро и Бакури, совсем отодвинул Бакури в сторону.

— Дай поглядеть, что там стряслось, — кто-то еще наскочил на перекладину.

— А ну, пошли, тебе говорят!

— Н-н-не м-м-могу.

«Заикается почище Леона... интересно, куда его понесло, бедолагу», — пожалел его Бакури, как брата, и, уступив место тем, кто сейчас подошел, отыскал местечко и лег рядом с Бесо.

— Что там стряслось? — пробасил Бесо.

— Вроде кто-то сбежал... разве тут разберешься? — и Бакури тяжело вздохнул то ли от духоты, то ли оттого, что вспомнился старший брат, добряк, заика и молчун. «Наверное, и Леона на фронт, и Мамуку... Для обоих это такая беда, что я в сравнении с ними... С Леоном разберутся, так просто не пошлют, он ведь уже не студент...»

— С чего это он бежать вздумал? — спросил голос, который грозился стрелять, но стрелять, похоже, не думал.

— У него, видишь ты, жена, семья у него, пропади ты все пропадом... — начал объяснять тот, что жалел беглеца и предвещал ему скорый конец.

Но беглец, видать, на обратном пути сумеет вырваться, и теперь за ним снова гнались и настигли где-то на том конце вагона — оттуда слышались шум, возня и сопение.

— Раз жена, отпустить надо! — развеселились в вагоне.

— Ва, может, ему к жене больше хочется, это дело не наше.

— Эх, братец ты мой, слаще жены разве есть что?

— Это еще поглядеть, какой кусок попадетя.

— Давай!

— Жми!

Беглеца опять подтащили к дверям.

— В трибунал его передать... конченный человек, считай!

— П-п-передавайте! — язык беглеца, видно, совсем отказал.

Бесо поднялся и сел:

— Кто он?

— Не знаю, — не понимая, ответил Бакури.

— Дезертир! — отозвались откуда-то из глубины вагона, радуясь, что можно отвлечься от своей тоски, и не зная еще, есть тут чем душу потешить или нет.

— Ты к жене ступай, а мы к немцу под бочок!

— Здесь у половины, не меньше, жены и детки! — втолковывал голос, первым крикнувший «держите его!»

— Она, мать ее... концы вот-вот отдаст... — внес ясность тот, кто без поминания матери и всех святых не мог двух слов связать.

Бакури положил под голову сумку Бесо и повернулся к стене.

— Отпустите его, он жену живо вылечит, — вступились в вагоне за беглеца.

— Это ж надо, мужа к жене не пускать...

— А может, он не расписан с ней, — донесся из глубины вагона голос того, кто тянул тоскливую песню.

Бесо положил голову на другой край сумки и крепкими челюстями принялся жевать свою смердящую, как падаль, тоску.

— Да отпустите его, пусть сам на себя пеняет, видно, возня с беглецом кому-то уже надоела.

— Не скажи, тоже ведь человек.

— А раз человек, понимать должен, — донеслось снаружи.

— Мне как уходить, мать каждую минутку считала, — кто-то вскочил с пола и, раскидав толпу у дверей, свесился вниз, — а он с женой тут развел...

— Да о с-с-сыне я! — отозвался вдруг беглец, который, видимо, ниже своего достоинства считал отвечать тем, что держали его за руки.

«Еще и сын у него, вот несчастный», — Бакури зажал уши руками.

— А сын что, тоже при смерти? — попятился тот, кто от тоски по матери готов был все вокруг разнести.

— Давай его в этот вагон, начальник, на ляд его в тот конец переть, — крикнул голос, который понарошке грозился стрелять.

— Да мне наплевать, только б дурака этого куда подальше отсюда...

Беглеца, уже связанного, но продолжавшего упираться, подтащили к дверям вагона.

— Эй, там, помогите! — послышалось снизу.

— Ну что, Шакро-джан? — спросила тыква.

— Он человек, и воздадим ему честь, — пропел тот, что тянул песню.

— Это он с тоски... Может, и нас тоска погонит куда, — порешил Шакро, и возле дверей завозились и зашумели.

Все еще упиравшегося беглеца втащили и швырнули в угол, он рванулся обратно, но те, что теснились в дверях, ходу ему не дали.

— Не выпускайте его, ребята, он же шею себе свернет, мать его... — то ли попросили снаружи, то ли приказали.

— Скоро поедет, начальник? — это интересовались уже из вагона: «Выпускать-то мы его не выпустим, а ты нам скажи, когда тронемся».

— Скоро, скоро! — пообещали внизу и исчезли.

Очутившись в вагоне, беглец вконец растерялся, помельтешил, обо что-то споткнулся, шлепнулся о пол, поднялся, шатнулся, к выходу было рванулся, но — тщетно, и тогда он поплелся в самый конец вагона и,

опять споткнувшись и ударившись головой о стену, оглушенный рухнул между Бесо и Бакури.

— Что за черт?.. — Бесо попытался сбросить беглеца. — От своих печалей спасу нет, а тут еще этот.

— Не тронь его, Бесо, пусть полежит, — Бакури ощупал свалившегося на них беглеца, лоб у него был рассечен, и Бакури полез в карман за платком. Беглец мешал просунуть руку в карман, и Бакури, лежавший к стене лицом, с трудом повернулся к Бесо, чтобы вытащить платок, на котором кровь от разбитой переносицы уже высохла. Нащупав в темноте лицо беглеца, он приложил платок к его взмокшему от пота и крови, распухшему лбу.

— Долго мне его держать? — скрипнул зубами Бесо.

— Ничего не поделаешь! Очнется — опять пойдет куролесить.

— Пьян?

— Да, похоже на то... — но когда беглец, шумно вздохнув, приподнялся и Бакури, не давая ему вскопичить, потянул его за шею вниз, он к своему удивлению обнаружил, что ни вином, ни чем покрепче не пахло, а только пронзительно пахло потом и кровью — такой знакомый теперь запах.

«Этого мне еще не хватало! Неужели так и будет теперь? Будут рядом ложиться, валиться, падать убитыми — а мне будет казаться, что это все мои братья? Почему люди все так похожи?» Голова как свинцовая. Бакури тряхнул его, чуть не сломав себе шею, и упал навзничь, но мимо сумки, затылком ударившись об пол, и улыбнулся, уговаривая боль в голове: «Сейчас только все начинается... На этой комедии преотлично можно развлечься».

Поезд тронулся.

От передних вагонов принесло песню. Ребята, в обнимку сгрудившиеся у дверей, поняли вдруг, что если б не начали петь в том конце поезда, они б затянули свою песню, и что-то едва слышное и пронзительно горькое вырвалось у них, сперва будто вовсе беззвучно, глухо и вяло, как ход поезда, а потом набирая звук, как набирал поезд скорость.

Песни — все разные, перечесть невозможно, сколько их и какие все они разные, а называют их одним словом — песня.

Эшелон остановился посреди степи, раскинувшейся по обе стороны насыпи возле одинокой, торчавшей словно гриб станции, и ребята — по приказу — суматошно и спешно выскакивали из вагонов.

Не теряя ни минуты, Мамука побежал к станции, поднял крышку почтового ящика — на ее синей поверхности лежала пыль толщиной с палец — и впахнул туда пачку конвертов. Тут же за ним выстроилась очередь.

Все последние шесть дней этот рассеянный и беспечный Мамука, способный бесцельно днями слоняться, жил только тем, что писал письмо за письмом и ждал за станцией станцию, чтобы, прыгнув на остановке, тут же отыскать глазами синий ящик, и, если на остановке ни станции, ни деревушки не было видно, он все равно бросался бежать и бежал, и бежал, чтобы успеть добежать до конца эшелона или пролезть под колесами, чтобы взглянуть, нет ли синего ящика с другой стороны...

За эти шесть дней он написал и отправил писем тридцать, не меньше, почти все друг на друга похожие, как похоже было все в эти дни.

Вернувшись, он застал одного Ношревана, который столбом торчал у эшелона. Когда несколько раз по-русски повторили команду: «С вещмешками по четыре в ряд становись!» — он не двинулся с места, будто прикованный, и округлившимися глазами искал Мамуку.

— Что ж нам теперь делать?

Мамука делал то, что умел, а сейчас он не мог взять в толк, где надо строиться, с кем рядом и позади кого встать.

— А где все ребята?

Только сейчас Ношреван вспомнил о ребятах и тут увидал, что их отвели по ту сторону станции, где начиналась открытая степь.

— Вон они, машут нам!

— Ну так пошли!

И они бросились бежать, совсем позабыв, что один из них тащит два вещмешка, а у другого руки пустые, и только возле самой станции, когда у Ношревана, сбежавшего с насыпи, с левого плеча сползла ляжка вещмешка и, пока он ее поправлял, съехала правая, только тут Мамука сообразил, что другу тяжело, и потребовал, чтоб Ношреван отдал ему оба вещмешка.

Из длинной перекошенной колонны, которую командиры отделений пытались выровнять, напирая двумя руками, вышел Автандил Бокерия, отобрал у Ношревана вещмешки, сунул каждому из них его вещмешок, взял обоих их под руку и втолкнул в колонну, а сам стал с краю и, вытянув руку на уровне груди, заставил обоих поравняться на Ладо Цинцадзе, стоявшего с того края их ряда.

Июньское солнце заходило, но хорошо было видно, как над необозримым простором степи, словно языки огня, поднимается вверх жар, и в раскаленных хлебах даже кузнечики не трещали.

— И чего ты мельтешешь, — спросил Бокерия, как спросил бы подпасок, которому доверили двух ягнят, а он обиделся сперва оттого, что больше не дали, а после из-за того, что и с этими сладить не мог.

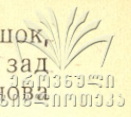
— Ему же письма надо отправить, — вступился Ношреван за Мамуку, словно Автандил об этом не знал.

— Письма! Письма! По сто писем на день, — рассердился совсем упарившийся Бокерия и стащил с головы съехавшую на уши пилотку. — А мы что, писем не шлем? Или нам посылать некому и мы с неба свалились? Шесть дней уже как в дороге. Я три письма сразу отослал. А на место придем, тут тебе и почта, и телеграф, все устроится... Вон Цинцадзе всего одно письмо и вымучил...

— Р-р-равняйся! — загремело по колонне, и слова замерли на губах у Бокерия.

Мамука, уронив руки, подался чуть вперед и уставился прямо в небо, которое нахлобучено было сейчас на него, словно опрокинутое тонэ. Набитый вещмешок опять сполз с плеч Ношревана и повис на локте.

— Давай назад, нечего в это адское пекло глядеть, — вытянутая рука Автандила снова прижалась к груди Мамуки.

Ношреван рывком поднял тяжеленный вещмешок, чтобы опять закинуть его за спину, но толкнул в зад впереди стоящего парня, и Бокерия пришлось снова выкинуть руку.

— Ну и ну! — парень даже не обернулся, только погладил зад.

— Чего ты там в мешок насовал? И себя только что не убил, и нас хочешь угробить? Там же две лямки, просунь руки в обе.

С выжженной и вытопанной травы Ношреван столкнул мешок в бурую пыль, нагнулся, продел руки в лямки, натянул их до локтей, выпрямился, и мешок повис у него на груди.

— Шагом марш! — звякнуло в воздухе, будто кто-то с разбега головой врезался в толстое стекло.

Колонна двинулась.

Ношреван, с тяжело свисавшим на грудь вещмешком, чуть не всей ступней наступил на пятку того, кто шел впереди и сказал «ну и ну», тот, шагу не сделав, спиной толкнул Ношревана, Ношреван налетел на кого-то еще, на помощь к нему с двух сторон бросились Мамука с Бокерия. Ладо Цинцадзе едва успел отскочить в сторону, и взвод, с таким трудом выстроенный, превратился в кучу малу.

По прямой, как струна, дороге, разрезавшей хлебное поле, бессловесно и тихо растянулись новобранцы, будто стадо, загнанное на проселок. Немощенная дорога была вся иссечена следами двуколок, телег, арб, машин, и новобранцы месили пыль, по щиколотку увязая в ней, как в слякоти, пыль поднималась тучами, и, если смотреть издали, можно было увидеть только голову колонны, а хвост ее утопал в клубящейся этой пыли. Пыль глушила звуки шагов, словно люди, обернув обувь войлоком, крались к окопам спящего противника. Из хлебов, поднимавшихся по обе стороны дороги, уже доносился треск кузнечиков и даже слышно было, как рассекают воздух крылья стрекоз.

Когда солнце, бесцветное, как потухшие угли, закатилось, оставив на небе только пурпурный свод, подул ветерок, горячий, словно вырвавшийся из тонэ жар, и сдул покров густой пыли, под которым скрывались растянувшиеся вдоль бесконечной дороги люди.

Одетые кто в чем из дому пришел, взмокшие от дога, они были теперь все одного грязно-серого цвета, и налетели сейчас противник, невозможно было бы с воздуха их отличить от дороги и сожженной степи.

У Цинцадзе, невозмутимого, сдержанного телавца, молча шагнувшего справа от Мамуки, угольно-черные усы, брови и ресницы совсем посветлели, как у того светло-русого парня, который, вылезая из кучи малы, произнес «ну и ну».

— Вот беда, — сплюнул Бокерия раз и другой, — рот забило, не харкнешь. — Он оправдывался, словно плевать пришлось на мытый пол.

— Это еще ничего! — успокоил его порыжевший Цинцадзе, приземистый, коренастый, как пенек, весь в сплошных мышцах, крепыш; после случившейся свалки он слова не вымолвил и теперь, наглотавшись пыли, явно повеселел.

— Как это ничего... У меня только в легких фунтов пять грязи, а уже на себе... как придем, плюхнусь в воду, и все.

— Плюхайся, — разрешил Цинцадзе.

— А ты что, рыжим таким и завалишься спать? — поинтересовался Автандил, которому обидно показалось, что Цинцадзе разрешает ему, будто он ему подчиняется. — И вы тоже? — он поглядел на Мамуку и Ношревана, словно призывая их делать все, как он, Автандил, а не как этот Цинцадзе, ему от мытья один вред, как нам без мытья.

— Не знаю, — Ношреван слизнул пыль с потрепавшихся губ и, пока Бокерия не отвернулся, сплюнуть не решался.

Мамука промолчал.

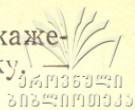
Когда стало темнеть, вдалеке показалась черная полоска леса и перед ней с десятков белых низеньких хат. Там, за лесом, их, наверное, было больше.

— Эх! Добраться б туда, — заволновался Бокерия, надеясь, что лагерем станут возле этой деревушки.

— Доберемся и дальше пойдем, — бестрепетно успокоил его Цинцадзе.

— С ума спятил... дальше! Ногу совсем стер, чтоб ей сгореть! — Подпрыгнув на одной ноге, Бокерия схватился за носок, качнулся, чуть не упав, но на него налетели сзади. — Какое там дальше, сюда бы дойти...

А вы что, как язык проглотили, слова не скажете... — Бокерия поглядел на Ношревана и Мамуку, Эти мешочки тащить еще сможете?

— Нет, — откликнулся Ношреван и улыбнулся смущенно, — мне все время невмочь.

— Спыхватился... Он за неделю словечка не вымолвил, — Цинцадзе повел плотными, запорошенными пылью плечами.

— А я что, обязан его спрашивать? — сдался Бокерия. — Мы сейчас друг над дружкой хозяева... матери моей, бедняжке, по волосикам меня теперь не погладить, — и Бокерия, стащив пилотку, которая напозвала на самые уши, провел рукой по голове. — Все снял, будь он неладен... Гладить нечего... Хоть бы усы отпустить, — Автандил позавидовал большим, пропыленным усам Цинцадзе, — а то волосинки своей не осталось.

— Отпусти! — опять разрешил Цинцадзе.

— И отпущу. Не отпущу, думаешь? — опять обиделся Автандил, будто он у этого Ладо спрашивал, отпустить ему или нет. — погоди! — Поворот на дорогу, которая бежала к селу, остался по правую руку Цинцадзе. — Куда вы? — И, потрясенный, он остановился как вкопанный, сзади на него опять налетели, толкнули вперед, и он снова очутился в строю. — Ты погоди толкать-то, там же люди, деревня, и дело-то — к ночи уже, а с этого края ничего не видать...

— Давай, давай! — прикрикнули сзади. Акцент был, похоже, азербайджанский, и по-русски знали лишь это слово.

— Какое «давай»! — обернулся Бокерия. — Ты куда шагаешь, йолдаш-друг, знаешь?

— Давай! Давай! — не сдавался «йолдаш».

— Ты только погляди туда! — Бокерия подвинулся к Ношревану. — С этого края не видать ничего, а он «давай» кричит, а до каких пор «давай»... погубит меня этот чертов башмак, — и Бокерия опять подпрыгнул на одной ноге. — Такой гвоздик выскочил, его в зень всади — пополам пень.

Перевод И. БОРИСОВОЙ

Продолжение следует

СКАЗКИ, НАЙДЕННЫЕ НА ЧЕРДАКЕ

ПЕЧАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

НЕ-СТАНУ спорить — сладок утренний сон. Но поверьте, стоит когда-нибудь встать до зари и пойти в городской сад.

В саду сядьте на скамейку возле бассейна и смотрите на гладь воды, отражающей легкие белые облака.

Сидите и глядите.

Немного погодя появится садовник, поздоровается с вами и пройдет к своей сторожке.

И тогда смотрите на воду во все глаза.

Через минуту-другую посреди бассейна медленно вырастет фонтан, подобный диковинному растению.

Смотрите...

Смотрите, не отрывая взгляда.

Взойдет солнце, и радужно засверкает фонтан, расцветится крохотными радугами.

Смотрите...

Слушайте песню фонтана...

И наверняка не пожалуете, что оборвали сладкий утренний сон.

...Однажды летом и я любовался фонтаном на заре.

Взошло солнце. И заблестели, разлетаясь по глади воды, крохотные радуги-струйки.

Журчал и сверкал фонтан.

Неожиданно кто-то вздохнул рядом. Я оглянулся. На другом краю скамейки сидел мужчина, печально уставясь на свою ладонь.

Я присмотрелся внимательней. На ладони у него сидел черный жучок.

Человек не сводил с него глаз. И когда он еще раз вздохнул, я спросил:

— Извините, не могу ли помочь вам чем?

Человек обернулся ко мне и тихо покачал головой.

— Благодарю вас, вряд ли кто сможет мне помочь.

— Почему? Что вас опечалило? Не из-за жучка ли расстроены?

— Это божья коровка, — сказал человек. — Она больна, ей все представляется черным: трава, деревья, цветы, люди, даже небо и солнце, поэтому и сама она вся почернела. И не летает больше. Согласитесь, пропадет охота летать, если все видится черным.

— Как же вы намереваетесь ее вылечить?

— По всему свету носил ее, показывал самые красивые места, показывал восход солнца и весело играющих детей. Думал, развеется немного, развлечется и мир перестанет казаться ей черным. Но, как видите, все напрасно, не сумел ей помочь.

Человек задумчиво помолчал и продолжал:

— Возможно, кто-нибудь посмеется — чего он переживает из-за какой-то маленькой божьей коровки, стоит ли! Стоит. Какая разница, сотня громадных слонов заболит или один крохотный жучок? Нас это должно тревожить одинаково. А кроме того, меня беспокоит и другое — а вдруг болезнь эта заразная. Страшная ждет нас тогда беда. Если все божьи коровки будут видеть мир черным, вполне вероятно, что в мире действительно все почернеет.

Человек снова вздохнул и посадил божью коровку в нагрудный карман.

Знаете, мне передалась его тревога: человек был прав! Ужасная беда грозила миру.

— Где вас найти, если я придумаю, как вам помочь? — спросил я.

— В Маленьком городе, там каждый меня знает. Почему-то все считают меня сказочником, хотя все, что

я рассказываю, в самом деле случилось, а если нет / — то непременно случилось бы, не помешай что-нибудь.

— Прошу вас, расскажите, пожалуйста, одну из ваших историй.

— С удовольствием. Чувствую, именно вам стоит рассказать. Признаюсь, если хоть изредка не попадется мне слушатель, верящий в правдивость моих историй то я и сам перестану в них верить, — начал человек.

Я внимательно слушал.

Он рассказывал. Часто прерывал себя, вздыхал... И снова принимался за рассказ.

Наконец он умолк и, еще раз вздохнув, закончил:

— Остальные истории расскажу вам в другой раз.

Мы помолчали. Потом я спросил:

— Неужели все ваши истории такие грустные?

Он пристально посмотрел на меня и кивнул:

— Да, все они грустные.

Я встал, подошел к бассейну. Зачерпнул горстью воду и попросил человека вынуть из кармана божью коровку. И плеснул на нее водой.

Сошла с божьей коровки чернота.

Засверкали на солнце ее чудесные красные крылышки в крапинку.

Божья коровка взлетела и стала кружиться вокруг нас.

Человек изумленно следил за ней.

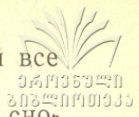
Наконец поверил в происшедшее и велел ей лететь домой, говоря, что и он скоро вернется в Маленький город.

Божья коровка освежила крылышки в радужно искрящихся брызгах и унеслась, мгновенно пропала из виду.

Человек проводил ее взглядом и крепко пожал мне руку.

— Большое вам спасибо. Скажите, пожалуйста, как вы сообразили помочь ей таким образом?

— Что ж, скажу — вы из тех, кто не обижается на правду. Слушая вас, я подумал — если все истории у него грустные, то, видимо, потому, что мир представляется ему в мрачном свете. И поэтому ему кажется, будто у божьей коровки страшный недуг, что она все видит в черном цвете и от этого сама тоже почернела. А не проще ли было предположить, что она просто покры-

дась сажей, сажа застлала ей глаза, и поэтому ей все видится черным?

— Вы правы, — согласился со мной человек и снова вздохнул. — Так и следовало предположить, разумеется, но вряд ли вы осудили бы меня, если бы знали причину моей печали.

В детстве, много лет тому назад, меня послали как-то за хлебом.

Возвращаясь из пекарни, я решил сократить путь и пошел узенькими улочками.

В одном переулке из красивого дома выносили мебель и всякую утварь.

Я остановился и стал глазеть.

Взрослым помогала девочка моих лет — то подушку вынесет, то абажур, то еще что-то. Она путалась у всех под ногами, и ей велели отойти в сторону.

Девочка уселась на вынесенный во двор диван.

Но она и на диване не могла уgomониться — все время подпрыгивала.

Потом заметила меня и позвала попрыгать с ней.

Я устроился рядом с ней на диване, и она сказала мне, что они переезжают в другой дом.

— А с этим что будет? — спросил я.

— А этот снесут, папа говорит, старый он очень, — грустно объяснила девочка.

Потом я вспомнил, что меня, наверно, заждались, и помчался домой.

На другой день меня почему-то потянуло к старому дому.

Дом был пуст.

Покинутый людьми, он выглядел таким несчастным. В одном окне было разбито стекло, в открытые двери виднелись голые стены.

Мне показалось, что дом зовет меня войти.

Я переступил порог.

В комнатах было совсем пусто, на стенах светлели четырехугольники — там, наверное, висели фотографии. Я обошел дом, думал, найду фотографию девочки. В одном месте я набрел на лестницу. Поднялся по ней и очутился на чердаке.

На чердаке было темно. Я ощупью добрался до слухового окна, открыл его...

Повсюду валялись старые, но красивые вещи. Хозяева, видимо, забыли о них в спешке.

Покрытые толстым слоем пыли, они казались драгоценными и манили потрогать их. Чего только там не было!

В темных углах стояли коробки, ящики и сундуки, между старыми стульями и креслами валялись бумажные цветы. Цветы украшали и трубу граммофона на расшатанном шкафу. Рядом с полураскрытым веером красовалась пустая ваза. У одного столба свалены были игрушки — на прижавшихся друг к другу кукол взирал слон в черном цилиндре. На другом столбе висела большая палитра с засохшими красками, а под ним брошен колченогий мольберт, возле него сложены рамы для картин, стоял сломанный велосипед, а на нем лежала белая пачка балерины.

Были там и битые тарелки, и скрипка с оборванными струнами, и люлька, и ветхий ковер, и стоптанная обувь, а на одном стуле — даже стетоскоп и ножницы.

Я убрал с кресла драный, выцветший абажур с торчавшими прутиками каркаса и опустился в кресло.

Сидел я и разглядывал вещи. И внезапно услышал вздох.

Я невольно вздрогнул. И снова донесся вздох.

Вздыхал абажур.

Я бережно опустил его на соседнее кресло и задумался. И тут послышался вздох с другой стороны.

Вздыхал граммофон.

Потом завздыхали и бумажные цветы.

А минуту спустя чердак наполнился бесчисленными вздохами.

Я закрыл глаза, съежился, прислушиваясь к вещам.

И вдруг перед глазами вихрем закружились странные видения.

Из какого-то дома выходил человек в цилиндре, на залитой светом сцене танцевала балерина, какой-то человек вдыхал аромат цветов, а другой — слушал граммофон...

Дотемна просидел я на чердаке с закрытыми глазами, видя похожие на сны удивительные истории...

На следующий день я снова пошел туда. Но дом успели снести, а на его месте заложили фундамент под новый дом...

С тех пор стоило мне внимательно посмотреть на вещь, и я слышал, как она вздыхает, а перед глазами развевалась какая-нибудь история.

Все истории оказывались грустными.

Много позже я догадался, в чем причина.

Каждый мастер старается сделать красивую вещь, думая — мир от этого станет прекрасным.

Поэтому, смастерив вещь, он выглядывает в окно, озирает все вокруг и видит — нет, не стал еще мир прекрасным.

И возвращается мастер на место, берет в руки свою поделку и вздыхает: «Эх...»

Вздых его навсегда остается с вещью.

— Так, как по-вашему, могу я не печалиться, когда всякая вещь, сделанная человеком, вздыхает? — закончил свой рассказ человек и печально опустил голову.

Чем мне было его утешить?

Солнце уже заходило. Мы и не заметили за разговором, как прошел день.

В саду полно было людей.

Женщины катили детские коляски, на скамейках сидели парочки. Где-то в стороне весело шумели и смеялись дети — кружились на карусели, качались на качелях...

Один лишь этот человек был невесел.

И внезапно я сообразил, что ему сказать.

Сказать, однако, я ничего не успел — человек встал и подошел к бассейну, говоря: «Пить хочется».

Он наклонился и зачерпнул горсть воды.

Наклонился еще раз, и тут у него свалилась с головы шляпа.

Человек попытался схватить ее, но маленькие волны отнесли ее на середину бассейна.

Он перегнулся, потянулся за ней и... сам угодил в воду.

Я вскочил помочь ему, да так и застыл.

Струи фонтана подхватили человека и вознесли на самый верх.

Человек развел руками, глядя на меня сверху, словно извиняясь — видишь, что со мной произошло!

Потом он надел шляпу.

И вдруг — улыбнулся!

И в тот же миг фонтан устремился вверх, поднимая с собой человека. Струи взметались все выше и выше, человек сидел на них, как в мягком кресле, и тоже уносился вверх.

Фонтан поднялся выше деревьев и перестал тянуться ввысь.

В парке все замерло, затихло.

Люди столпились вокруг бассейна. Все глаза прикованы были к человеку. Но человек не смотрел больше вниз.

Затаив дыхание, глядел он на заходящее солнце.

В толпе изумленных людей я заметил садовника.

— Скажите, это вы так высоко пустили фонтан? — спросил я его.

— Что вы, фонтан и десятой части этой высоты не достигает.

Человек все смотрел на солнце...

Наконец солнце скрылось совсем, и фонтан медленно опустился.

Человек выбрался из бассейна,

Улыбнулся счастливо и сказал:

— Я понял свою ошибку. Солнце зашло, но завтра оно снова взойдет. Мастер вздыхает, глядя на свое изделие, но это ведь не конец. Он начинает мастерить новую вещь. И настанет время, когда все в мире станет прекрасным.

Я улыбнулся: именно это я и хотел сказать ему.

— Я возвращаюсь в Маленький город, а вам всем мой совет — никогда не грустить очень долго, — обратился он к собравшимся вокруг людям.

Человек протянул мне руку. Мы попрощались. Он ушел.

И лишь теперь, глядя ему вслед, я заметил, что он не намок в воде, все на нем осталось сухим.

Я ничего не понимал.

Изумленно молчали и люди...

У выхода из парка человек остановился и крикнул мне:

— Если станете пересказывать мои истории, постарайтесь, чтобы поменьше было вздохов...

— Постараюсь, — обещал. я.

Что ж, я сдержал обещание. Сначала записал все его истории так, как слышал от него, а потом кое-что убавил, добавил, а главное, убрал бесконечные «Эх!» А если и оставил кое-где, так ведь и совсем без грусти нехорошо.

Что же касается фонтана, то я вот что думаю: можно, разумеется, созвать больших ученых и в конце концов установить, как да каким образом случилось то чудо.

Но не лучше ли оставить фонтану его тайну?

Давайте лучше любоваться фонтаном, слушать его журчание и радоваться, что когда-нибудь он снова подхватит и поднимет ввысь какого-нибудь печального доброго человека.

ЦВЕТЫ

СТОЯЛА зимняя ночь. На деревьях и тротуарах мерцал пушистый снег.

По безлюдной улице шагал мальчуган.

Мальчик прижимал к груди огромный букет цветов.

Под фонарями цветы играли яркими красками.

Мальчик шел быстро, подняв воротник пальто, нахлобучив шапку на лоб. Видно было — спешил.

С отяжелевших веток иногда срывался, рассыпаясь, снежный ком, и цветы искристо вспыхивали.

Шагал мальчик по снегу.

Вот он свернул за угол и очутился на железнодорожной станции.

Мальчик вышел на платформу и сел на скамейку, по-прежнему прижимая букет к груди.

Немного погодя донесся гудок паровоза, и на платформе появился дежурный по станции.

В Маленьком городе и станция была маленькой, и открою вам правду, начальник станции сам бывал и дежурным.

Он прошелся по платформе.

Мальчик испугался, что его прогонят, и упрятал голову за цветы.

Дежурный был близорук и принял мальчика с букетом за цветущий куст, не подумав спросонья — откуда вдруг зимой цветущий куст!

К платформе подошел поезд.

Из зала ожидания высыпали люди с чемоданами. Мальчик вскочил и тоже подбежал к поезду.

Дежурный оторопел — ну и куст! Что за чудеса!

Потом разглядел мальчика и посмеялся над собой. «Верно, встречает кого-то, хороший мальчик, но почему его отпустили одного, странно...» — подумал он недоумевая.

Мальчик выжидательно смотрел на окна, но пассажиры, видимо, спали.

Неожиданно из одного окна выглянула молодая женщина.

— Какие прелестные цветы! — воскликнула она и, быстро закрыв окно, стала что-то искать.

На возглас женщины и другие пассажиры выглянули в окна.

— О, цветы!

— Какие цветы!

— Смотрите, цветы!

Тем временем молодая женщина вышла из вагона и поспешила к мальчику.

— Сколько за цветы, малыш? — спросила она, раскрывая сумочку.

— Нисколько.

— Как это — нисколько?

— Я не продаю их.

— Зачем же принес их тогда?

— Берите, если нравятся, просто так берите. Это мои первые цветы.

— А ты не украл? — заподозрила его женщина, но тут же добавила: — Нет, на воришку ты не похож. Знаешь что, дай мне букет и возьми деньги. Тебе они не нужны, а дома пригодятся.

Около них уже толпились пассажиры, восклицая:

— Как — весь букет берете?

— А нам?

— Продавай по одному цветку!

— Хорошо, — согласилась женщина. — Цветка и одного достаточно. Лишь бы был цветок, а один или десять — все равно.

Она взяла у мальчика один цветок, сунула деньги ему в карман пальто и, наклонившись, поцеловала в лоб.

Мальчик улыбнулся ей и роздал цветы.

Дежурный дал звонок к отправлению.

Поезд медленно тронулся.

Мальчик увидел, как молодая женщина вошла в купе, протянула кому-то цветок, а потом в окне показалась маленькая девочка в длинной ночной рубашке.

Девочка улыбалась ему.

Мальчик бежал рядом с вагоном, но поезд все ускорял ход, и он стал отставать.

Пассажиры махали ему из окон рукой.

Но взгляд его был прикован к девочке в белой длинной рубашке.

Наконец поезд скрылся из глаз.

Мальчик грустно вздохнул.

Потом сунул руку в карман и достал деньги.

Он смотрел на мятые бумажки и не знал, что с ними делать.

Постоял немного, подумал и вошел в зал ожидания.

На длинных скамьях дремали и спали, дожидаясь поезда, люди. На одной скамье лежал, подложив под голову ботинки, бедно одетый человек, и мальчуган тихонько сунул деньги ему в ботинок.

Сделав это, он пустился домой.

Дежурный следил за мальчиком. Он был в очках и прекрасно видел все.

«Скажи-ка, сам с вершок, а сколько уже разумеет», — подумал он, когда мальчик оставил деньги спящему пассажиру. — Интересно, кто он? Пойду-ка за ним. Все равно до утра поезда больше не будет».

Мальчик то шел медленно, то бежал, взбивая снежную пыль.

С одного дерева на него посыпался снег, видно, встрепенулись и качнули ветку спавшие на ней птицы.

Мальчик залился счастливым смехом и помчался домой.

Следующей ночью мальчик снова пришел на станцию.

Продал свои чудесные цветы, а деньги опять незаметно оставил спящему пассажиру.

Это повторилось и на третью ночь.

Начальник станции все больше дивился мальчику и наконец решил повидать его родителей.

Вообще-то его больше интересовало — что за люди сумели так хорошо воспитать сына.

Он пришел к ним, когда мальчик был в школе.

— Скажите, пожалуйста, почему вы посылаете ребенка ночью одного на станцию?

Родители изумились — когда это они посылали сына на станцию!

— Нет, ничего дурного он не делает, — успокоил он их, — продает удивительно красивые цветы, а деньги почему-то оставляет бедным пассажирам.

— Горе нам, неужели он цветы ворует! — расстроилась мать.

Матери очень любят своих детей и поэтому им все время мерещится что-нибудь ужасное.

— Нет, мой сын красть не станет, — уверенно сказал отец. — Очень красивые цветы, говорите?

— Да, дивные, невиданно красивые.

— Та-ак, — задумчиво протянул отец.

А мать мальчика все твердила: «Неужели он крадет, неужели он крадет!»

— Ну, хорошо, проверим, это же проще простого, — решил отец. — Приходите к нам вечером.

Вечером они втроем стали следить за мальчиком, чтобы узнать, где он берет цветы.

Но мальчик все время был дома, а ночью все равно вышел из своей комнаты с цветами в руках, надел шапку, пальто и отправился на станцию.

— Наверно, днем запасся цветами, — предположил начальник станции. — Всего хорошего, я пойду, скоро поезд прибудет.

На другой день, когда мальчик ушел в школу, мать обшарила его комнату.

Цветов там не было.

— Посмотрим, где он возьмет их этой ночью, — сказал начальник станции, который снова пришел к ним вечером.

А отец мальчика хитро улыбнулся себе в усы.

Каково же было их удивление, когда мальчик опять вышел ночью с крупными сверкающими цветами.

Мать успокоилась—какая разница, где он их берет, раз не ворует и радует людей, чего мне тревожиться! Пусть он хранит свою тайну и думает, что мы ничего не знаем, не надо отбивать охоту дарить цветы.

Отец же засмеялся.

— Я так и знал!

— Что ты знал?

— А то, что мой мальчик не станет красть, — увернулся он от ответа.

На самом же деле он догадался, но не хотел говорить, так как боялся, что жена расскажет соседке, та — другой, и весь город проведает о тайне его сына.

Он догадался, что цветы у сына — из сна.

Ему и самому снились порой такие цветы, но вынести их из сна ни разу не удалось.

И теперь он очень радовался за сына.

А мальчик все носил и носил цветы к поезду.

Радовал ночных пассажиров.

Они ставили цветок в бутылку, словно в вазу. Любовались им перед сном и представляли себе, как приедут домой и порадуют самого дорогого человека.

Но утром цветка не оказывалось.

На рассвете цветы исчезали.

В этом был их недостаток. Сорванные во сне, они жили лишь одну ночь.

Пассажиры не знали, конечно, этого и поднимали шум, винили в краже цветка друг друга или проводника.

Были и такие, правда, что к утру забывали о цветке и не понимали — чего пассажиры бранятся, подумаешь — какая беда, цветок пропал!

Снова проезжая через Маленький город, проводники просили мальчика не носить к поезду эти злополучные цветы, говоря — покоя из-за них нет.

Но начальник станции возражал, уверенный, что на эти дивные цветы и один раз взглянуть — счастье. «И вам бы не мешало покупать их», — говорил он проводникам.

Сперва мальчика не огорчало, что цветы к утру пропадают, — ведь у него они каждую ночь появлялись. Но став постарше, начал сожалеть об этом.

Он ставил цветы на ночь в воду, однако на заре цветы все равно исчезали.

Мальчик рос и становился все печальней.

Не продавал он больше чудесных цветов из сна. Ночью они радовали людей, это правда, но утром не находили их, а это же был обман!

Не лучше ли вовсе не видеть цветов и не расстраиваться потом?

Мальчик превратился в юношу.

В печального юношу.

Мать его думала, что он не может найти свои дивные цветы и оттого грустит. И сама пыталась найти их в ближних лесах и ущельях. Потом и мужа стала брать с собой. Но ему скоро надоело таскаться по чащобам, и он поведал ей тайну о ночных цветах.

А юноша все грустил. Бродил по улицам, уйдя в свои думы.

И часто шел на станцию, садился на скамейку, где в первый раз дожидался поезда.

Если его спрашивали, кого он встречает, отвечал: «Не знаю», и действительно не знал.

Так прошло еще несколько лет.

Однажды ясным летним днем юноша снова оказался на станции. Сел на свою излюбленную скамью.

И внезапно полил дождь. Солнце то выглядывало, то исчезало за тучами.

Лился златоструйный дождь. Юноша вымок весь, но не встал, не ушел.

Прибыл поезд. С поезда сошла красивая девушка.

Юноша застыл — в руках у девушки были цветы, цветы из его детских снов.

Думаю, вы уже знаете, кто была эта девушка.

С той далекой ночи, когда он увидел в окне вагона маленькую девочку, она снилась ему постоянно.

В его снах девочка всегда была в длинной белой рубашечке, и стоило дохнуть на нее ветерку, как он тут же просыпался в тревоге — не простудилась бы она!

И девочка видела его во сне — всегда в пальто и шапке. Ей казалось, что ему жарко, и она играла с ним в «брызгалки».

— Идем к нам, мои родители очень тебе обрадуются, — сказал юноша. — По-моему, они знают тайну о цветах, но скрывают. Наверно, и твоя мама знает.

— Идем, — сказала девушка.

Но они не двинулись с места.

Стояли под дождем, не сводя друг с друга глаз.

«Хорошо, что идет дождь, никто не заметит моих слез», — думал каждый из них.

Лил дождь.

Сияло солнце.

Сверкали капельки на волшебных цветах.

С этого дня юноша и девушка не расставались. Вместе ходили на станцию продавать свои чудесные цветы. Деньги отдавали бедным, себе оставляли столько, чтобы прокормить детей.

Рассказывают, что многие намеренно удлиняли путь, лишь бы проехать через Маленький город и увидеть невиданные цветы, о которых по всему свету прошла молва.

А знаете — цветы перестали исчезать с рассветом.

Вы не догадываетесь почему?

В ту ночь, когда молодая женщина дала дочери цветок, девочка прижала его к груди и взяла с собой в сон.

И ухаживала за ним во сне.

И цветок не исчез на рассвете.

Она ухаживала за ним и лелеяла все детство, поливала водой, ставила в вазу, оберегала от мороза, и у нее появилось множество других цветков.

Вот так-то... Если перенести в свой сон цветок, возникший во сне другого, и бережно за ним ухаживать, он будет вечно цвести и при свете дня.

ГРАММОФОН

У ОДНОГО человека был граммофон с трубой. Шея у трубы была изогнута так изящно, что, глядя на нее, хотелось услышать льющиеся из трубы звуки.

Но граммофон всегда молчал.

— Почему не заводишь? — недоуменно спрашивали этого человека знакомые.

— Рано еще, — отвечал он неизменно.

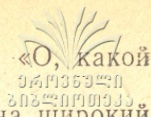
После такого странного ответа его ни о чем уже не спрашивали.

В самом деле странный был человек.

Поставит граммофон на стол, усядется рядом в кресле и читает вслух книгу. Со стороны подумаешь — граммофону читает.

Потом откладывал книгу, окружал граммофон цветами в горшках и, наклоняясь над каждым отдельно,

вдыхал аромат, закрыв глаза и восклицая: «О, какой запах!»

К вечеру человек переносил граммофон на широкий подоконник и смотрел, как заливали блеском шею трубы лучи заходящего солнца.

Человек этот часто приглашал гостей, беседовал с ними о разных разностях и иногда просил гостя повторить фразу или рассказанную историю, чтобы граммофон получше расслышал!

Гости принимали это за шутку, смеялись.

Но однажды человек такое сделал, что гости растерялись. Оборвал беседу, восклицая: «О, дождь начался!» и вынес граммофон на широкий балкон. И пояснил с улыбкой:

— Отличная вещь — дождь! Граммофону очень кстати!

Смущенные гости поскорее разошлись, ссылаясь кто на что.

А человек вышел на балкон. Стал рядом с граммофоном.

Дождь щедро лил на обоих.

Потом человек вернулся в комнату, подтащил к открытой двери кресло и принялся читать вслух толстенную книгу. Временами он умолкал, вслушиваясь в звон падавших на шею трубы капель.

Потом дождь прошел, но человек оставил граммофон на балконе — в трубе стала вить гнездо птица.

— Стоял граммофон на балконе.

Птица снесла яйца, вывела птенцов, взрастила их.

И только осенью, когда птицы улетели в дальние края, он перенес граммофон в комнату. Начистил трубу до блеска, вынув гнездо, и приставил ухо к ее изогнутой шее.

Полились из трубы пленительные звуки.

Грустная мелодичная песня разнеслась по улице.

Ничего подобного никто никогда не слышал.

Перед домом столпились соседи, прохожие.

Сбежались ребята.

Притихли на деревьях птицы...

Все замерло, все слушали песню. Один прохожий с большой сумкой в руке взволнованно прошептал: «До чего знакомый голос, как чудесно поет!»

Песня окончилась, и прохожий зашел в дом узнать, кто исполнял песню.

Взглянул на пластинку и чуть не выронил сумку из рук. Человек поспешил подать ему стул.

Незнакомец сел и сказал, обретя дар речи:

— Чудеса! Удивляюсь, какой знакомый голос, а это я пою, оказывается. Это мой голос! Но странно, на пластинке записаны были другие слова, другая песня!

— Она понравилась вам? — спросил человек с улыбкой.

— Еще бы! — Певец вскочил. — Я всю жизнь мечтал о такой песне. День и ночь ломаю голову, как лучше петь. Размышляю о музыке. Окна зашторил, чтобы ничто не мешало. Упражняюсь, все пою и пою. Из дому не выхожу, разве что на базар за яйцами. Глотаю яйца и пою. Столько яиц проглотил — целому городу хватило бы. Видеть их больше не могу. Вот и сейчас яйца несу, целую сумку...

Певец вскочил, со злостью схватил сумку и бросился к окошку.

— Хватит, пора кончать!

— Постойте, постойте! — удержал человек певца. — Глупо, конечно, без конца глотать яйца, но выкидывать их еще глупее. Во-первых, под окном стоят люди, а кому понравится, если на голову шлепнется целая сумка яиц, а во-вторых, и это главное, вы почему-то не заметили, мы с вами не одни здесь.

Певец смущенно оглянулся. Со всех сторон ему улыбались дети. Ребята сидели на диване, по двое втиснулись в кресла и просто стояли на ногах.

— Зачем выбрасывать яйца? Дайте их сюда, — продолжал человек. — Много их есть вредно, но в малом количестве всем полезно.

Он достал из буфета чашки, ложки и роздал ребятам. Потом каждому разбил ножом яйцо над чашкой и опустил в нее желток, словно крохотный желтый мячик. насыпал в чашки песку и весело приказал:

— Ну, дальше сами справитесь, начинайте!

И завертели ребята ложками, взбивая желтки.

Нескольким ребятам не хватило чашек, и человек взял из буфета два кувшина и две большие деревянные ложки. В одном кувшине сам взбивал гоголь-моголь, в другом — заставил певца.

Звякали ложки в чашках у ребят.

Улыбался им человек.

Усердно вертел деревянной ложкой певец.

Когда ребята принялись есть гоголь-моголь, человек сказал певцу:

— Обратите внимание, как неохотно едят многие, не любят, верно, но едят — ради вас, чтобы избавиться от яиц.

Певец присмотрелся к ребятам.

У маленькой голубоглазой девочки носик перемазан был гоголем-моголем.

— К своему стыду я позабыл, что на свете есть дети, — сказал он, — девочки и мальчики, что одни из них любят гоголь-моголь, другие — терпеть не могут. Давно позабыл, как мальчиком качался на качелях вот с такой же голубоглазой девочкой и поменялся с ней местом, потому что ей хотелось сидеть лицом к солнцу: она уверяла, что когда жмурится на солнце, перед глазами прыгают яркие шарики.

Певец вздохнул.

А голубоглазая девочка подбежала к окну и зажмурилась от солнца.

И стояла, ждала.

Потом восторженно крикнула:

— Вижу, вижу, правда прыгают цветные шарики!

Певец подхватил девочку и поцеловал в измазанный носик.

— Я понял, в чем секрет хорошего пения.

Опустив девочку на пол, он подошел к человеку и крепко пожал ему руку.

Потом повернулся к граммофону и его тоже поцеловал — в красиво изогнутую шею-трубу.

...И граммофон улыбнулся.

Да, улыбнулся.

В один голос уверяют все — и тот человек, и певец, и ребята.

Правда, на вопрос «Как же он улыбнулся?» ответить не могут.

Просто клянутся, что видели, видели, как граммофон улыбнулся.

Но если им все же не верят, голубоглазая девочка плачет.

Кто знает, может, так и было?

Ведь граммофон столько всего уже знал о жизни людей.

Поверим же и мы!

Не будем обижать хороших людей, не будем обижать голубоглазую девочку.

ЧЕЛОВЕК, ХОДИВШИЙ ВВЕРХ НОГАМИ

ОДНАЖДЫ на просторной зеленой поляне играли дети.

Бегали. Прыгали. Гонялись за бабочками.

У одного мальчишки в кармане нашлись цветные стеклышки. Ребята расхватили их и смотрели через них на небо, солнце, деревья. Они менялись стеклышками, и все вокруг виделось то красным, то розовым, то голубым, то синим.

— Глядите — красные облака!

— Не красные, а синие.

— Вон зеленая бабочка.

— А я вижу голубую ромашку!..

Одна из девочек заметила на дальнем краю поляны что-то непонятное и закричала:

— Смотрите вон туда, там ножницы ходят!

Ребята помчались туда. Прибежали и видят: человек вверх ногами нюхает цветок!

Насладится запахом одного цветка, переходит к другому.

Ходит себе на руках.

— Здравствуйте, дяденька! — сказали ребята, а сами подумали: «Если ответит, значит можно не бояться, а нет — надо удирать».

— Здравствуйте, ребята, — ответил им человек.

— Что вы делаете?

— Нюхаю цветы.

— А почему — вверх ногами?

— Потому что — цветы нюхаю.

Ребята все поняли, и тоже начали делать стойку на руках, дрыгали ногами, падали, хохотали и снова скидывали ноги.

— Давайте, давайте, еще разок и получится, — подзадоривал их человек, стоявший вверх ногами.

В это время мимо них прошел какой-то человек. Смешно вытянув шею, тупо глядя перед собой, он шумно, изо всех сил вдыхал и выдыхал воздух. Врач, оказывается, велел ему гулять за городом и дышать свежим воздухом. Он был из тех, кто делает все, что положено.

А врач, видимо, забыл ему сказать, что за городом бабочки порхают и цветы цветут — любуйтесь бабочками, наслаждайтесь красотой, вдыхайте запах цветов.

Заметив человека, стоящего вверх ногами, и резвившихся вокруг него детей, этот Порядочный гражданин — давайте назовем его так — остановился и сердито спросил:

— Что здесь происходит? Что вы делаете?

— Нюхаю цветы.

— А на руках стоять зачем? Я вот могу нагнуться, сорвать цветок и понюхать.

— Так вы не почувствуете аромата, — возразил человек, стоявший вверх ногами. — Цветок теряет свой настоящий аромат, когда его вырывают из земли.

— Я могу стать на колени или на корточки...

— Бесполезно. Пока не упретесь ногами в воздух, вы не почувствуете подлинного аромата цветка.

— Почему? — удивился Порядочный гражданин.

— Этого уж я не знаю, — признался человек.

— Глупости все, — изрек Порядочный гражданин и оглядел присмиривших с его появлением ребят. — Ты и ребят хочешь приучить стоять вверх ногами и сделать их хулиганами!

— Почему — хулиганами? Кому какой вред, если человек стоит на руках?

— Отойдите от него подальше, дети! Идите, идите и запомните — этот дядя нарушает порядок, не ведет себя как положено и установлено.

Ребята не хотели уходить, но Порядочный гражданин пригрозил им, что пожалуется учительнице.

— Влепит вам двойку, узнаете как стоять на руках!

Порядочный гражданин даже того не знал, за что двойку ставят.

— Идите, ребята, идите, до свиданья, — сказал человек, стоявший вверх ногами, и подмигнул им. — А что касается порядка, запомните: хулиган не тот, кто стоит

на руках, а тот, кто пытается силой заставить другого стать вверх ногами.

Ребята ушли, решив вернуться, как только Порядочный гражданин уйдет. Им очень понравился человек, стоявший вверх ногами. Чувствовали — добрый он человек.

Когда ребята отошли подальше, Порядочный гражданин повысил голос:

— Стыд! Позор! Взрослый человек и ноги задрал! Что скажут люди!

— Знаю, что скажут, и меня это не волнует! Одним понравится, а другие, вроде вас, будут возмущаться.

— Сейчас же встань на ноги! — рассвирепел вдруг Порядочный гражданин.

— Не могу, нельзя пока! Сначала должен насладиться ароматом цветов, — сказал человек. — Если мешаю вам, уйду!

— Как бы не так! Куда это уйдешь? И в другом месте могут оказаться дети, а ты подаешь им дурной пример. Стань на ноги, сейчас же стань на ноги! — негодовал Порядочный гражданин.

Человек не ответил ему.

Пошел на руках дальше.

Порядочный гражданин не отставал и все орал:

— Стань на ноги, стань на ноги!

В конце концов он так разбушевался, что совсем перестал соображать.

— Не хочешь добровольно, силой поставлю! Силой поставлю тебя на ноги!

— Вот это и будет хулиганством! Насильное вмешательство в чужие дела и называется хулиганством.

— Пусть называется как угодно, главное — соблюдать порядок, все на свете должно быть как положено! — орал Порядочный гражданин.

Тут я должен заметить, что, к сожалению, пока еще многие думают подобным образом.

Порядочный гражданин рванулся к человеку, стоявшему вверх ногами.

А человек пробормотал словно бы про себя:

— Если безмозглый хулиган пускает в ход силу, чтобы помешать тебе нюхать цветы, то и тебе придется применить силу.

И здесь я снова должен заметить, что мало кто рас-
суждает подобным образом, и это тоже, разумеется, до-
стойно сожаления.

Услышав слова человека, Порядочный гражданин ра-
стерянно отступил.

— Что ты собираешься делать?

— Руки у меня заняты, поэтому остается дать тебе
пинка в макушку.

— Дать пинка? В макушку! — Порядочный гражда-
нин расхохотался. — Вот до чего приходишь, когда стоишь
вверх ногами! Не соображаешь, что говоришь! Пин-
ком ногой дают ниже спины!

— Что поделаешь, — человек усмехнулся. — Пока
я стою вверх ногами, мне удобнее пнуть тебя выше
спины. Но, вообще говоря, все равно куда пнуть —
выше спины или ниже, у тебя это одно и то же!

— Как это так? — не понял Порядочный гражда-
нин и стиснул лоб руками, пытаясь уразуметь, на-
пряг свой умишко, но безуспешно.

Человек, верно, махнул бы рукой, но руки у него
были заняты, и сказал только:

— Сделай милость, отстань, а не то дождешься,
пинками осыплю!

— Я желаю поставить тебя на ноги, а ты еще гро-
зишься! Ну стань же на ноги, — голос Порядочного
гражданина стал просительным.

— Отвяжись, говорю! Пойми, не хочу.

— А если тебя удар хватит? — с притворным уча-
стием спросил Порядочный гражданин и сам себя по-
хвалил в душе: «Хорошо я придумал».

Но человек пошел прочь.

Порядочный гражданин не отставал от него.

На другой стороне поляны ребята кувыркалились и
упрямо учились стоять вверх ногами, некоторым уже
удавалось простоять на руках, досчитав до тысячи.

Солнце заходило. Повеял теплый ветерок. Опу-
стился вечер. На небе засверкали звезды.

А Порядочный гражданин все долбил свое: «Стань
на ноги. Не положено стоять вверх ногами!» Наконец
стал умолять:

— Ну что тебе стоит. Очень тебя прошу, стань на
ноги...

— Нельзя, нельзя мне становиться на ноги, — от-
вечал человек. — Я еще не все цветы обошел, не
всеми ароматами наслаждался. Но раз не отстаешь,
придется стать...

И стал человек на ноги.

— Вот и хорошо! Ведь так же лучше, — обрадо-
вался Порядочный гражданин. И осекся...

Человек рос, тянулся ввысь!

— Ой! — оторопел Порядочный гражданин и плюх-
нулся на землю.

Человек становился все выше. Он улыбался.

И его устремленное вверх лицо несло улыбку к
небу.

— Что с тобой! Остановись! — завопил Порядоч-
ный гражданин, приходя в себя.

— Я предупреждал тебя, рано мне становиться на
ноги! — крикнул человек с высоты. — Не могу ина-
че: если не вдыхаю аромата цветов, то должен нас-
лаждаться ароматом звезд.

— Почему, почему?! — в отчаянии кричал По-
рядочный гражданин.

— Таким уж сотворила меня природа!

— Природа?! Глупости! Это недопустимо! Я до-
ложу где и кому следует! Призову тебя к порядку! Ска-
жи-ка, природа! Я покажу ей!.. — разбушевался По-
рядочный гражданин.

— Как знаешь! — рассмеялся высоко над По-
рядочным гражданином человек.

И все рос и тянулся вверх.

Прошел через облака и коснулся головой неба.

Порядочный гражданин ошалел.

Потом растерянно спросил:

— А ты не врешь, неужто звезды пахнут?

— Звезды не пахнут, а испускают аромат, — по-
правил его человек.

— А чем от них пахнет?

— Не знаю, как тебе объяснить... По-моему, аро-
мат их схож с ароматом сна!

— И сон пахнет?! Как же он пахнет? — допы-
тывался Порядочный гражданин.

Порядочному гражданину не снились сны.

— К черту и твои сны, и твои звезды! — вскричал

он, ничего не поняв, и, ухватив человека за ногу, вцепился зубами в штанину.

А человек занес под самые облака ногу с повисшим на ней Порядочным гражданином и бросил ему:

— Видишь ли, я тебя самого могу послать подальше, чем к черту, но.. Но ты человек, хоть и тупица, и я в какой-то мере люблю тебя. Без любви к людям и цветы, и звезды ничего не стоят! Может, хоть теперь поймешь что-нибудь, ощутив высоту. Я бы поднял тебя к небу, но боюсь, ты и там начнешь наводить свои дурацкие порядки, и звезды потускнеют, зачахнут с тоски и скуки.

Вцепившись человеку в ногу, тупица трясся от страха.

Кругом были облака.

Далеко внизу светились огни Маленького города.

«Вот это хорошо, все видно», — одобрительно подумал тупица и стал отыскивать свой дом — не загорелся ли, пока его нет.

Человек еще немного подержал тупицу в облаках и сказал:

— Извини, но я устал стоять на одной ноге, — и спустил его на землю.

Потом ступил раз-другой своими длиннющими ногами и скрылся в туманной дали за горами.

Остался тупица один.

Оглядел поляну и пошел туда, где были дети.

Набегавшись и напрыгавшись, ребята спали.

«Слыхано ли — спать на земле!» — недовольно подумал тупица, но впервые промолчал.

Разбудил ребят и спросил:

— Скажите, вам сон не снился?

— Снился.

— Какой у него запах?

Ребята призадумались, пожали плечами — не знали, как объяснить. Но тут одна девочка нерешительно сказала:

— Аромат у них как у звезд, наверно!

— Глупости, — буркнул тупица, но уже без прежней злости.

Он смотрел на детей и думал: «Ясно, и они научатся ходить на руках. И ничего тут не попишешь...»

Тупица вздохнул.

Вот и вся история.

Впрочем, справедливости ради надо заметить, что если у тупицы вырвался вздох, значит что-то произошло в его голове.

А тот человек, что не может жить без аромата цветов и звезд, шагает по земле исполинскими шагами, появляясь то тут, то там. Не задерживается ни на одном месте, потому что везде попадают тупицы.

А тупицу всегда можно распознать — он не дает покоя тому, кто наслаждается ароматом цветов и звезд.

ЧУДАК

ЖИЛ некогда очень странный человек.

Дурного о нем никто бы ничего не сказал, но все считали его чудаком.

Странную вещь вбил он себе в голову.

Вреда от этого никому не было, но все же...

Чудак-человек уверял всех, будто он способен светить.

Каждый вечер он заходил в чей-нибудь дом и просил погасить свет. Горожане знали о его причуде и не возражали, молча улыбаясь и гасили свет.

Человек стоял посреди комнаты и ждал — вот вот озарит дом светом.

Напрасно простояв так, он вздыхал и виновато говорил: «Не свечу почему-то сегодня».

Его провожали сочувственным взглядом, извиняли — какой-де с него спрос, хороший человек, да ведь чудак.

Но не все относились терпимо к его чудачеству. Не раз спускали его с лестницы, награждая пинком, а то и собак спускали, науськивая: «Куси его, куси!»

Добрые люди уговаривали чудака не ходить по домам, не нарываться на неприятности.

— Хочешь светить, свети для себя, — говорили ему.

— Для себя светить? — недоумевал человек. — Нет, для себя не сумею засветиться.

— Ну, сноси тогда брань и побои, — усмехались люди.

Однажды кто-то сказал ему в шутку:

— Да какой же ты светильник без абажура!

Человек шуток не понимал, поэтому совет не обидел его и не удивил. Наоборот — пришелся по душе. Распродав он в доме все вещи и купил уйму абажуров. С тех пор, отправляясь к кому-нибудь светить, надевал на голову абажур.

В любой дом заходил он засветиться, кроме одного.

В том доме жила одинокая женщина. Ему очень нравился ее звонкий смех и хотелось озарить ее светом, но он не решался.

Однажды он зашел в дом, где жили грубые, злые люди. Они не то что засветиться, даже попытаться не дали. Изодрали на нем абажур, ухватили за руки-ноги, раскачали — раз, два, три — и вышвырнули за высокую ограду дома в преогромную лужу.

Растерянно сидел человек в луже.

Наконец он сказал себе: «Что будет — будет, сегодня все решится».

Дома он долго выбирал абажур. Взял самый красивый, семицветно-радужный, надел на голову и направился к дому одинокой женщины.

Женщина радушно пригласила его в дом. В тот вечер у нее были гости.

В ярко освещенной комнате в креслах сидели женщины. Мужчины подавали им прохладительные напитки, пирожные и рассказывали всякие смешные истории.

Видимо, им тоже нравился звонкий смех хозяйки дома.

Собравшись с духом, человек, которого считали чудачком, попросил погасить свет.

Свет погасили.

«Сейчас засвечусь, сейчас засвечусь, сейчас засвечусь», — несколько раз повторил человек.

Он чувствовал — вот-вот запылает ярким светом.

И вдруг гости расхохотались.

Звонко засмеялась и женщина.

Этого человек не выдержал.

Бросился к двери, сбил стул и сам чуть не растянулся. Вскочил, выбежал вон.

Он бежал, ничего не видя, налетал в темноте на деревья, падал, вставал, неся дальше. Колючие кусты раздирали ему лицо, руки.

«Еще немного, еще немного, и кончатся мои муки», — утешал он себя.

Человек бежал прямо к реке.

Внезапно совсем близко прозвучал голос.

Человек остановился.

Сердце разрывалось от радости — вслед ему мог звучать только голос той женщины.

Но прислушавшись, он понял — голос доносился с той стороны, куда он стремился.

— Кто-то бежит сюда, — сказал в темноте кто-то.

— Да, и мне так кажется, — заметил кто-то другой.

— Кто идет? — спросил первый.

Человеку все уже было безразлично.

Он горько рассмеялся и печально ответил:

— Я, человек, который светит.

— Светит? — голос был очень взволнованный.

— Видишь, говорил тебе, непременно придет, — так же взволнованно отозвался второй.

Человек усмехнулся.

— Даже вы смеетесь надо мной!

— О, что ты, что ты, мы жаждали тебя, — разом сказали оба, и человек понял — они верили ему.

— Раз, два, три! — воскликнул он, и все вокруг залило светом.

— Вот и засветился я, — человек тяжело вздохнул, ноги у него подкосились, и он без памяти упал на землю.

Когда он пришел в себя, увидел перед собой куст розы.

— Неужели ты со мной разговаривал?

— Да, я и мой гость.

На ветке розы сидел соловей.

— Ночь безлунная, я не умею петь в темноте. И очень горевал из-за этого. Увидишь, как я запою сейчас, — сказал соловей.

Ошалев от радости, человек не удивлялся даже, что разговаривал с кустом розы и птицей!

Тихо сидел он у куста розы и слушал соловья.

Прекрасное это было зрелище: светившийся человек в пестром абажуре и озаренные им роза и соловей...

С того вечера человек мог засветиться всегда и везде.

Но человек больше ни к кому не заходил озарить светом дом.

В безлунные ночи садился возле розы и светил соловью.

Случалось, что он невольно вспыхивал ярким светом где-нибудь на темной улице. Видевшие это люди рассказывали другим. Им, разумеется, не верили. И спрашивали человека: «Это правда?» А он опускал глаза и отвечал смущенно: «Да нет, я давно выкинул из головы эти глупости, им показалось».

И лишь одинокая женщина знала о его тайне.

Когда он выскочил из ее дома, она устыдилась своего смеха.

И побежала за ним следом...

Она слышала, как он разговаривал с розой и соловьем, видела, как он засветился.

И перестала женщина с тех пор смеяться своим звонким смехом, перестала приглашать к себе гостей.

Сидела одиноко дома и говорила себе:

«Выставила бы тогда всех гостей, и остался бы человек со мной. В доме появились бы малыши, они тоже светились бы в темноте и носились бы по комнатам в пестрых абажурах. И не было бы на свете ничего краше нашего дома».

ЛЕКАРЬ

ОДНАЖДЫ вечером на главной улице Маленького города поднялся страшный шум.

В домах распахнулись окна, люди выглянули наружу и видят: по улице сломя голову бежит их лекарь в белом халате, а за ним гонятся разъяренные горожане.

Плохой был лекарь, совсем не умел лечить. Долго терпели его горожане и вот вышли из терпения — он человека с простым насморком чуть не отправил на тот свет. И горожане сказали себе — хватит, пора проучить его.

Лекарь учуял беду, схватил свою сумку и давай бежать.

Люди погнались за ним, бранясь и угрожая.

Гнались за ним, пока не выставили из города.

Надавали ему оплеух, не пожалели пинков и тумачков. Поколотили всласть и сказали: «Духу твоего чтобы не было в городе!»

А вечером довольные горожане говорили друг другу:

- Слыхали, врача проучили.
- Да, побили и прогнали!
- Поделом ему!
- Давно бы так!

Как же они удивились, когда наутро лекарь снова появился в городе!

Шел себе преспокойно по главной улице, а вид — самоуверенный, сразу видно, ничуть не боится побоев. Наоборот, до того осмелел — прохожих останавливал, спрашивал, не болит ли что, не помочь ли?

— Наверно, мало ему было вчера — подбавим, — зло пообещал какой-то мужчина и окликнул лекаря с балкона. Этого человека сколько дней мучила головная боль, и он был сильно не в духе.

Лекарь поднялся к нему, спросил:

— На что жалуетесь?

— Голова болит, раскаляется прямо.

— Прекрасно... Это пустяки.

— Узнаешь, как прекрасно, когда у самого расколется сейчас! — пригрозил человек.

Перед домом, предвкушая потеху, собралась толпа.

Все ждали — вот-вот распахнется дверь и врач вверх тормашками слетит с лестницы.

Но ни брани, ни криков не слышалось.

Лекарь с улыбкой вышел на улицу, а хозяин дома прокричал ему с балкона вслед:

— Дай тебе бог радости!

Люди недоуменно переглянулись и уставились на него:

— Ты что, дурачился?!

— Какое там дурачусь! Мигом излечил, не лекарь — чудодей! Сами можете убедиться!

Сразу нашлись желающие убедиться. Лекарь взял их к себе домой и вылечил в два счета — даже от застарелых недугов.

Город облетела молва — лекарь совершает чудеса.

Не верилось людям, сомневались, не понимали: каким образом их горе-лекарь стал вдруг чудо-лекарем?

Но лекарь в самом деле быстро и хорошо излечивал от чего угодно.

И пришлось людям поверить.

Особенно удивляло всех то, что он не пичкал больше больного своими микстурами. Просто уединялся с

ним, просил закрыть глаза, потом прикоснулся рукой к его руке — и всякая боль тут же утихала, а рана заживала.

Горожане ломали голову — какое волшебное средство нашел лекарь, что у него за секрет?

Думали, гадали и пришли к выводу: побои пошли лекарю на пользу! А придя к такому выводу, они стали задумчиво поглядывать и на других нерадивых и бестолковых — не поколотить ли их тоже?

Надо признаться, хотя Маленький город был хорошим городом, достойных битья и порки там всегда было предостаточно.

Вероятно, так бы и начали вразумлять всех, кто плохо делал свое дело, не случись одна история.

Как-то к лекарю прибежал человек, моля помочь его сынишке.

Лекарь согласился, взял свою сумку и поспешил к мальчику.

— А что с ребенком? — спросил он по пути.

— Не ест, не пьет, лежит, тоскует, — сказал человек.

— О чем тоскует?

— Щеночка потерял и слег с того дня, горюет.

— Из-за щеночка слег? — растерянно переспросил лекарь и остановился.

— Спаси сына, сделай милость! — взмолился человек.

— Это очень тяжкий недуг, не могу я от него вылечить, — сказал лекарь и отказался идти дальше.

Человек просил, потом стыдил его, говоря — ну, какой же ты врач, ребенку помочь не хочешь!

Но лекарь упорно не шел.

Вокруг них собрались люди. Наконец кто-то выразительно помахал перед носом лекаря кулаком и сказал: «Видно, плохо тебя учили уму-разуму...»

Лекарь быстро сообразил, что ему грозит, и волею-неволею согласился. Но потребовал, чтобы мальчик спал, когда он будет его лечить.

Пожалуй, пора поведать вам, как пропал у мальчика щенок и куда он делся.

Когда горожане поколотили и прогнали своего горе-лекаря, он долго сидел у дороги, ничего не соображая. Наконец пришел немного в себя и спустился в ов-

раг, к роднику, умылся, смочил платок и приложил к распухшему носу.

Потом он прилег на траву.

Закрыв глаза — все тело болело и ныло у него от тумачков.

Лежал он, боясь шевельнуться, не зная куда деться.

Тут кто-то коснулся его руки.

И всю боль — как рукой сняло.

Раскрыл он глаза и видит: маленький щеночек приложился прохладной мордочкой к его руке.

«Да это же чудо!» — воскликнул он про себя.

Схватил поскорее щеночка, завязал ему мордочку платком, чтобы не твякнул, и сунул в свою сумку.

Он встал и пошел обратно в город.

А сзади кто-то звал щеночка:

«Цуга, Цуга, где ты?» Но лекарь даже не оглянулся...

Так стал он чудо-врачом.

Запросто лечил он с той поры больных.

Даст щенку высунуть голову из сумки, приложит его мордочку к руке больного — и все. А больному кажется, что это лекарь притронулся к нему.

Вот почему отказывался он лечить мальчика.

И теперь даже к спящему боялся войти, а вдруг ребенок во сне узнает своего щеночка!

В комнате мальчика он осмотрелся, заглянул под кровать, за шторы, в замочную скважину — не наблюдают ли за ним?

Потом завязал щеночку глаза прямо в сумке и поднес его к руке мальчика.

И случилось то, чего он так боялся и что не могло не случиться. Едва мордочка щенка коснулась руки мальчика, он тут же проснулся и позвал: «Цуга, Цуга!»

И мигом вскочил с постели.

Услышав голос мальчика, щеночек вырвался из рук лекаря.

Мальчик подхватил его, сорвал с глаз платок и приласкал.

На крик мальчика прибежали родители. Увидели его на ногах, веселого, со щенком в руках, и расцеловали лекаря.

Потом обняли сына, стали спрашивать, откуда взялся щенок.

Врач попытался незаметно улизнуть, но щенок вырвался из рук мальчика и вцепился ему в щиколотку.

— Ой! — вскричал лекарь и запрыгал от боли на одной ноге.

Щеночек никогда раньше не кусался, не умел, и мальчик рассердился на него.

Пристыженный щенок пожалел человека.

Лекарь покорно ждал, что будет дальше.

Щеночек приложился мордочкой к ноге.

Боль тут же утихла, разумеется.

— Я сам во всем виноват, — проговорил лекарь и рассказал родителям мальчика все, как было.

— Одного не пойму, сколько ни ломаю голову, каким образом прикосновение крохотного щеночка исцеляет людей?

— И нам непонятно, — развели руками родители мальчика.

— Может, ваш сынок знает? — и обернулся к мальчику, но тот уже умчался со щенком во двор. Впрочем, откуда знать ребенку.

Об этой истории узнал весь город, и люди поняли — побоями никого не исправить, никого лучше не сделать. А некий старик даже сострил: если б от побоев умение прибавлялось, наши ковры давно бы летать начали — сколько мы их колотим...

Молва об удивительном щенке разнеслась по всему миру. Самые известные ученые нашли время заняться им. Собрались в большом зале за круглым столом, поместив посередине щеночка.

Долго разглядывали они Цугу, кое-кто даже две пары очков водрузил на нос, но ничего исключительного в нем не обнаружили.

Цуга оказался самым заурядным щеночком.

Тогда щеночка измерили, взвесили, провели уйму всяких исследований...

После этого его снова посадили на середину стола, и начался диспут. Ученые широко, всесторонне обсудили данные о щеночке. Горячо спорили, судили, рядили, одни предполагали одно, другие — другое.

Цуга слушал их, слушал, потом зевнул и, спрыг-

нув со стола, улизнул в приоткрытую дверь — там его дожидался мальчик.

Увлеченные спором ученые не заметили, что щенок исчез. Они все спорили и спорили...

Теперь я расскажу вам, что было необычного в этом щеночке, но боюсь, разочарую кого-нибудь — слишком уж просто все. Признаться, я даже подумывал сочинить какую-нибудь красивую увлекательную ложь, но в конце концов предпочел сказать вам правду.

Так вот, ничего таинственного здесь не было.

Мальчик очень любил щенка. Играл с ним, когда Цуге было весело, ласкал — когда песик жалобно скулил, ухаживал и утешал — если заболел.

И щеночек полюбил человека. Любовь переполняла его сердце.

Вот и все.

Любовь — самый верный целитель на свете.

ШАПОЧНИК

ОДИН раз в месяц ясным солнечным утром по Маленькому городу разносились звуки рожка.

Родители старательно умывали своих малышей, делавших первые шаги, и наряжали, только чепчиқов не надевали, говоря: «Не нужны они вам больше».

Потом они вели малышей по узким улочкам на маленькую площадь, окруженную живописными домиками.

Взрослые оставались на тротуаре, а малышам указывали на яркие цветы посреди площади, и те, смешно переваливаясь с ножки на ножку, направлялись к большой красивой клумбе.

И тогда в домах распахивались все окна — горожане любовались сверкавшими на солнце цветами и замершими возле них нарядными малышами.

И только в высоком доме под островерхой крышей одно окно оставалось до поры закрытым.

На это окно выжидательно смотрели родители малышей.

Над окном трепетал флажок с нарисованной на нем птицей.

Взрослые знали — через щелку в ставнях за детишками наблюдает, ласково улыбаясь, человек.

Малыши стояли среди цветов и ждали. Солнце озаряло их своими лучами. Наконец ставни на окне растворялись, и в воздух летели пестрые шапки.

Шапки летели над площадью, описывали в воздухе круги и опускались малышам на голову.

Малыши смеялись. Снимали шапки, снова надевали и кричали: «Какая красивая!»

Каждому доставалась такая шапка, какая шла ему и могла понравиться. Ни малыши, ни их родители не заглядывались на чужие шапки.

Знал добрый шапочник свое дело...

Немного спустя в окне показывался и сам шапочник.

Дети с любопытством смотрели, что будет дальше.

Шапочник начинал играть на рожке, а потом поднимал руку, чтобы снять шапку и попрощаться, но шапки на голове не оказывалось.

— О, извините! — восклицал он и, скрывшись на миг, появлялся с шапкой в руке.

И кидал шапку из окна высоко в воздух.

Шапка облетала площадь и опускалась ему на голову.

Он снимал ее и кланялся малышам.

Детишки тоже снимали шапки.

И махали друг другу — шапочник малышам, а малыши — шапочнику.

Потом родители уводили детей домой.

А шапочник вешал свою шапку на гвоздь и принимался за работу.

На небе сияло солнце.

Ветерок развевал флажок с птицей.

И радовались малыши своим пестрым шапкам, которые дарил им веселый шапочник, живший в доме под островерхой крышей.

Ребятишки любили свои первые шапочки, до того любили — спать в них были готовы. Берегли, не пачкали и не бросали куда придется. Потом, когда они подрастали, им покупали другие шапки, сшитые другими мастерами, но эти, первые, они не выбрасывали, бережно хранили всю жизнь. И когда становились взрослыми и у самих появлялись малыши, они часто вынимали

из шкафа свою шапочку и натягивали на голову, буд-
то бы забавляясь, потешая детей, а на самом деле
им просто хотелось еще раз надеть ее.

Все другие шапочники в городе злились — почему горожане первую шапку для ребенка берут у этого шапочника, да еще называют его чудодеем.

«Чем он лучше нас! — ворчали они сердито. — Может, тем, что шапки подбрасывает в воздух?! Подумаешь, какое дело, это и мы сумеем...»

И принялись упражняться.

День-деньской подкидывали шапки в воздух и подставляли голову. Кое-кто так наловчился, что забросил свое ремесло и начал выступать в цирке. Многие, правда, вовремя опомнились, сообразили, что этак разучатся шапки шить, и взялись за работу.

— А может, людям флажок с птицей над его домом нравится? — предположил один шапочник, и все вывесили над своими мастерскими флажки с попугаями и павлинами.

Мало того, посадили перед мастерскими цветы, а один шапочник добился даже, что рядом с его домом лавку открыли — продавать сласти и варенье.

Но все было напрасно.

Первую шапочку для ребенка горожане все равно брали у шапочника-чудодея.

И вот почему.

Малыш, который делал свои первые шаги в шапке, сшитой шапочником-чудодеем, рос добрым и великодушным.

А ведь родителям только это и надо!

— Значит, хорошо носить его шапки, да? — возмутились завистливые шапочники. — Ладно, давайте посмотрим, что хорошего принесли они вашим детям!

Сели шапочники, припомнили одного за другим сотню людей, носивших шапки шапочника-чудодея, и злобно вскричали:

— Да они все дурачками-простачками выросли, «колпаками». Любой их одурочит и обманет.

Что верно, то верно, они и вправду легко поддавались обману, простодушными росли...

Но отчего, почему?

Сначала поведаю вам о тайне шапочника-чудодея.

Днем он шил шапки, а вечером раскладывал их на столе.

Когда смеркалось, на чердак к нему залетали птицы и садились в шапки, как в гнезда.

Мастер гасил свет, и птицы засыпали.

На заре птицы разлетались.

Но в шапках оставались их сны.

И сны эти никогда не покидали детишек.

Вы, конечно, знаете, — птицам и во сне снится небо.

Поэтому тот, кто носил шапку, в которой спала птица, всюду видел отражение небесного света и цвета, все вокруг себя увязывал с небом.

На дерево глянет — оно к небу устремлено.

На снежинку глянет — она с неба летит.

Даже у бегемота находили связь с небом, он весь под воду ушел, а взглядом тянется к небу, потому и вылуплены у него глаза...

А тот, кому все видится через бездонную голубизну неба, не бывает плохим человеком.

Но ведь того, кто все видит в голубом свете, легко одурачить, обмануть и провести.

Доверчив он.

Доверчив и легковверен в небо глядящий, о небе думающий.

Некоторые обзывают такого человека простачком, или еще обиднее — «колпаком»!

Вот этим словом и запугали горожан завистливые шапочники.

— Ваш «чудодей» дурачков множит, простачков разводит! Все ваши дети — колпаки!

Родителей охватило сомнение.

Каждому хочется вырастить своего малыша добрым, но кому охота видеть его дурачком, «колпаком», которого всякий обведет вокруг пальца.

А коварные шапочники еще один довод пустили в ход, еще одним словечком запугали людей.

— Вырастут дети дурачками, а дурачка любой обидит!

Обидит?! Их ребенка обидит?! Ну — нет...

И хотя многие родители сами были в небо глядящими, позабыли тут и небо, и цвет, и свет его.

Обозлились они на шапочника-чудодея, стали бранить его:

— Знать тебя больше не желаем! Уходи отсюда, не нужны нам твои шапки!

— Ты хочешь, чтобы наших детей обижали?!

— Убирайся из города! Сейчас же уходи!

Шапочник улыбнулся, подумал — путают они что-то, кто-то их с толку сбил...

— Что случилось, разберитесь сначала...

Но его оборвали:

— Разобрались, разобрались уже! Добром не уйдешь, пинками выгоним!

Понял шапочник — бесполезно спорить.

— Ладно, уйду, дайте мне хоть денек — вещи собирать. Чуть свет уйду завтра.

Дали ему денек, но пригрозили:

— Смотри, не уйдешь утром — пеняй на себя!

А одному шапочнику такая ужасная мысль пришла в голову:

— Давайте соберем его шапки да сожжем!

— Сожжем, сожжем! — закричали озлобленные люди и даже захолопали от восторга.

Собрали шапки и сожгли.

Смотрел на огонь шапочник-чародей, и слезы текли у него из глаз.

Но слезами беде не помочь, и сел он шить шапку.

Шил он весь день, шил до сумерек.

Прилетели вечером птицы и увидели преогромную шапку — еле умещается на чердаке.

В этой шапке шапочник проспал ночь вместе с птицами.

На заре птицы улетели.

Человек закрепил на шапке большущий зонт.

Собрал пожитки, уложил их в свою огромную шапку.

Сел в нее и сам.

Над городом вихорилось солнце, и к дому шапочника уже неслись горожане. Они бранились, грозились растерзать мастера, если он еще не убрался...

Толпой окружили они дом под островерхой крышей.

И тут раздался сильный шум.

Огромный зонт пробил кровлю и взлетел в небо, унося с собой огромную шапку.

На острие зонта развевался флажок с птицей.
Неслась над городом большущая шапка.
Разносились звуки рожка.
Потом шапка скрылась в белых облаках...

Говорят, с той поры никто в Маленьком городе не видел шапочника-чародея.

Но это не так.

Не все сожгли в тот день его шапочки.

В городе есть еще родители, которые хотят, чтобы их дети росли в небо глядящими, о небе думающими.

В теплый лунный вечер выходят они с малышом на прогулку.

Малыш без шапки.

Мама или папа ведут его за руку и взглядывают время от времени на небо.

Если на улице безлюдно, раздаются звуки рожка и в лунном свете из-за облака показывается большущая шапка.

Шапочник-чудодей смотрит вниз и кидает шапочку. Шапочка кружит, кружит в воздухе и опускается на голову малыша.

А малыш снимает ее и весело кричит:

— Какая красивая!

И машет шапочкой шапочнику-чародею.

— Смотри, никому не говори, кто дал тебе шапочку! — предупреждают малыша.

Малыш согласно кивает.

И навсегда запоминается ему озаренная луной большущая шапка с раскрытым над ней большущим зонтом...

Вот почему в Маленьком городе не переводятся в небо глядящие.

Летает в небе шапочник-чудодей, скрытый то туманом, то облаками.

Играет иногда на рожке, но звуки рожка тонут в городском шуме.

А если и услышит их кто, думает, что ему просто чудится.

Шапочник спустился бы на землю, но видит сверху — в небо глядящие и сейчас еще не в чести в Маленьком городе.

Летает шапочник-чудодей и с горечью повторяет про себя: «Эх, что им стоило потерпеть. Еще бы немножко, все в городе стали бы в небо глядящими, о небе думающими. Исчезли бы тогда зло и обман, и некому было бы обманывать и обижать детей».

БАЛЕРИНА

СТОЯЛ теплый осенний вечер.

В ярком свете витрин на главной улице поблескивали камни мостовой.

На тротуаре там и сям желтели опавшие листья.
Час был поздний.

Маленький город отходил ко сну.

Спешили редкие прохожие.

Неторопливо шла красивая молодая женщина.

Женщина эта была балериной.

В этот вечер она решила оставить сцену. Нет, не потому, что ей трудно стало танцевать. Зрители по-прежнему долго хлопали ей и закидывали цветами после спектакля, когда она стояла на сцене, усталая и счастливая...

Просто балерина поняла, что лучше, чем сейчас, ей уже не танцевать, не достигнуть большего успеха.

О своем решении она никому пока не говорила: «Скажу утром директору и уйду из театра без шума, — думала она. — А то устроят торжественные проводы, будут произносить хвалебные речи».

Задумчиво шла балерина. И все же заметила — прохожие озираются на нее, останавливаются, смотрят заворуженно.

Кинула взгляд на свое отражение в витрине и оторопела: за ней тянулись яркие цветные лучи, освещавшие ее на сцене.

Просияла балерина, залюбовалась лучами.

Лучи дробились в витринах, множились, заливали светом улицу.

Из домов выбежали люди. Ребятишки заполнили балконы и веранды.

Балерину узнали.

Люди благоговейно взирали на чудо — прекрасную женщину в пестром сиянии лучей.

Балерина счастливо улыбалась.

Внезапно зазвучала музыка. Какой-то скрипач заиграл на балконе.

И балерина стала танцевать.

Танцуя, пошла она дальше.

И казалось — все вокруг нее вовлекается в танец — чинары вдоль улиц, разряженные манекены в витринах, луна, проглядывавшая сквозь листву деревьев.

И кружились над нею, озаряя, яркие пестрые лучи.

Следовала за ней музыка.

Танцуя, проходила балерина мимо открытых веранд, мимо балконов, и отовсюду доносилась музыка. Играли на гитаре и на свирели, на скрипке и на мандолине, кто-то даже пианино ухитрился выкатить на веранду.

Танцевала балерина легко, свободно, хотя была в пальто и держала в руке сумочку. Никогда с таким упоением не танцевала она на сцене.

И ничуть не мешало ей, что с балконов и веранд доносилась разная музыка, что некоторые «исполнители» понятия не имели о настоящей игре.

Танцевала балерина.

Следовали за ней люди.

Обгоняли мальчишки, заглядывали в лицо и бежали дальше.

Время от времени балерина замедляла шаг и, чуть наклонив голову на бок, покачивалась на носках, раскинув руки, а потом кружилась. И развевались полы ее пальто.

Самозабвенно танцевала балерина и все же не наступала на опавшие листья.

Так, в сиянии лучей, прошла она улицу.

В конце улицы остановилась. Поклонилась людям. И опустив голову, пошла домой.

Люди восторженно хлопали озаренной лучами балерине.

...Ночью, когда женщина уснула, лучи выбрались на улицу и унеслись в разные стороны. Одни до рассвета светили на книгу мужчине, который зачитался и не замечал, что ему темно, другие высветили воришку, забравшегося в дом, где жили одни женщины, и уносив-

шего зеркало! Еще одни лучи озаряли комнату ма-
лыша, которому страшно было в темноте... Какой-то по-
эт нашел во сне рифму и проснулся — записать ее по-
скорее. И лучи ему тоже посветили.

Так носились лучи по городу до рассвета, а утром
вернулись к балерине. Один за другим облили ее све-
том — голубым, оранжевым, зеленым, розовым и раз-
ных других цветов, высветили пятнышки слез на по-
душке и спрятались на чердаке.

Балерину разбудил телефон.

— За вами ушли, оказывается, лучи осветительных
ламп! — кричал в трубке директор театра. — Не за-
жигаются лампы, не освещается сцена! Немедленно
верните лучи! Если сорвется спектакль, вы будете ви-
новаты!

— Одну минутку, подождите, не кладите, пожалуй-
ста, трубку, — сказала балерина.

Она вовсе не хотела срывать спектакля.

Балерина очень любила свой театр.

Огляделась по сторонам, искала глазами — где
же лучи, куда они подевались?

Подумала и догадалась.

Быстро поднялась на чердак.

Лучи обступили ее, озорно запрыгали, засверкали.

— Пойдите, пойдите, — остановила их балерина.
— Сейчас же возвращайтесь в театр.

Но лучи весело носились по чердаку, играя с бале-
риной.

«Они не понимают, наверно, слов», — решила бале-
рина и открыла оконце, указала рукой на здание теат-
ра-вдали.

Лучи застыли.

Балерина погрозила им пальцем, как грозят детям,
и спустилась с чердака.

— Не хотят они возвращаться, — сказала она ди-
ректору в трубку. — Не знаю, что и делать.

— Я пришлю вам машину и как хотите доставьте их
в театр, — крикнул в трубку директор. — Хотя нет, я
сам приеду за ними!

Директор зашторил комнату балерины — убедить-
ся, что ни один луч не останется там, а ее повел и уса-
дил в машину.

Ждали они, ждали, но не пришли лучи.

Обозлился директор.

— Покажите, где они прячутся! Узнают они у меня! — раскричался он.

Балерина подвела его к чердачной лестнице.

Забрался директор на чердак, стал браниться, но лучи не послушались его. Тогда он погнался за ними, хотел изловить. Но разве поймать свет? Гонялся он за ними, набил себе шишки, запылится весь — и без толку.

Махнул он рукой, сошел с чердака и сказал балерине, чтобы она не приходила больше в театр.

Сел в машину, стукнул дверцей и укатил.

Установили в театре новые приборы, но и они не освещали сцену.

Директор из себя выходил. Заперся в кабинете и думал — куда, кому пожаловаться на балерину.

Ночью лучи снова вылетели в город. Носились до рассвета, принося людям свет.

Когда же утром балерина поднялась на чердак, увидела, что лучи уменьшились, укоротились.

Шло время.

Каждый вечер лучи спускались к балерине, заливали ее дивным светом, а потом плясали на стенах, кружась и изгибаясь, в вихре ярких цветов.

Балерина засыпала, а лучи устремлялись в город.

Утром возвращались на чердак, все более и более укороченные. И наконец стали в пядь длиной.

Балерина переживала, боялась, что сцена не засияет больше огнями и театр закроется. И однажды вечером она решила, сказав себе: «Нет у меня другого выхода...»

Когда лучи спустились к ней с чердака, она надела пачку, пуанты, стала перед зеркалом и начала танцевать.

Лучи повеселели. Сияющей диадемой украсили ей голову и кружились вместе с балериной.

Внезапно балерина опустилась на стул.

Спрятала голову в ладони и расплакалась — нет, никогда уж не танцевать ей на сцене!

Плакала балерина.

Ласково скользили по ней лучи, утешали.

И тут снаружи донесся легкий шорох.

Балерина выглянула во двор — под окном танцевала маленькая девочка.

Глаза у девочки были закрыты, и она не видела, как трепетали над нею, озаряя ее, пестрые лучи.

Чудесно танцевала девочка.

И вспомнила балерина, что и раньше, всякий раз, когда она упражнялась перед зеркалом, раздавался тихий шорох и стук. Оказывается, девочка подражала ей! Балерина вытерла слезы, улыбнулась.

А девочка все танцевала и танцевала.

Вы, конечно, уже догадались, чем кончилась эта история.

На следующий день театр снова сиял огнями. Зал был переполнен.

Поднялся занавес.

На темную сцену вышла девочка. На голове у нее венцом сверкали пестрые лучи.

Зазвучала музыка.

Девочка танцевала.

Зрители не сводили с нее глаз.

Восхищенные девочкой директор и балерина не заметили, как вышли из-за кулис и очутились на сцене.

Девочка кончила танцевать.

И тогда директор повернулся к балерине и извинился перед всеми: «Простите, я так глупо себя вел, простите, пожалуйста...»

Лучи по-прежнему носятся ночью по городу. Отдают свет людям и иссякают.

Но на другой день они кружатся над танцующей девочкой и снова набираются сил.

После спектакля балерина и девочка вместе покидают театр.

Вместе идут они по главной улице, и тянутся вслед им пестрые лучи.

Смотрят на них прохожие, любят.

Девочка провожает балерину до самого дома. Никогда не расстанется с ней на главной улице — боятся, что лучи пойдут за ней и балерине будет обидно.

Балерина догадывается об уловке девочки и, довольная, думает: «У нее доброе сердце и поэтому танец ее всегда будет приносить людям радость».

И снится ей во сне залитая светом сцена.

В МАЛЕНЬКОМ городе неизвестно откуда **появился** однажды слон. Он стоял на улице, уронив голову и закрыв глаза.

Вокруг него столпились взрослые и дети. В зоопарке у них давно не было слона, и ребятишки во все глаза смотрели на настоящего слона.

Оглядывали люди слона и дивились, какой он большой.

Слон очнулся, обвел глазами обступивших его людей и остановил взгляд на женщине с чемоданом в руке. Женщина эта прибыла с утренним поездом и подошла посмотреть на слона.

Слон протянул хобот, и не успела женщина отскочить, как он выхватил у нее чемодан. И уставился на нее, словно спрашивая — куда понести? Женщина улыбнулась. Люди с облегчением перевели дух. Слон отнес женщине чемодан домой. И с этого часа помогал людям как мог.

Кто мебель перевозил, кто дом строил — слон переносил тяжести, если пожар случался, он первым пускался тушить его. Если кто-нибудь падал, он поднимал, ставил на ноги.

Но по-прежнему часто делался печальным.

Остановится ни с того ни с сего и уронит голову. Вздохнет, да так, словно стон рвется из груди. И вздох слона проносился внезапным порывом ветра.

Слон грустнел неожиданно, поэтому горожанам приходилось быть начеку, чтобы уберечься от вздоха.

Не раз вылетали стекла в окнах и падали с балкона цветы в горшках.

Но и польза бывала от его вздохов, пусть и случайная.

Так, однажды ночью слон вздохнул под чьим-то открытым окном. А в комнате мужчина строчил бранные анонимные письма. Вздохом расплескало чернила, забрызгало человеку лицо и загасило свечу.

В другой раз слон печально застыл у входа в дом, возле которого стоял человек с цветами. Он, видно, волновался, то тянулся постучать, то опускал руку. А когда слон вздохнул, дверь разом открылась и человек

влетел внутрь. Немного погодя человек приоткрыл дверь и благодарно поклонился слону, сняв шапку.

Был такой еще случай.

Впал слон в задумчивость, остановился, а рядом — огромная лужа.

Надо сказать вам, что луж в городе было множество. Горожане ленились засыпать ямы, а потом возле лужи или в ней самой происходила какая-нибудь история, и лужа получала название. А тогда уж никому в голову не приходило осушить ее, но если бы и пришлось, не разрешили бы. Осушить известную, чем-нибудь знаменитую лужу почему-то считалось оскорбительным для города.

Так вот, стал слон возле лужи — лужа была безымянная.

В это самое время прошел мимо спесивый человек. Слон вздохнул, и у спесивца сдуло с головы шапку. Угодила шапка прямо в лужу.

Рассвирепел спесивец — его шапка да в луже?!

— Моя шапка! Моя шапка! — завопил он. — Он мне ответит, этот слон!

— Он же нечаянно, успокойтесь, — сказал ему прохожий. Но спесивец знать ничего не хотел. Его поддерживали другие спесивцы, их в городе — вроде луж, тоже было предостаточно.

Сели спесивцы, написали длинную жалобу и забежали с ней по городу — требовали выставить слона из города.

Думаю, тут надо вам немного поподробнее сказать о спесивцах...

Спесь — это недуг, а спесивец — человек, страдающий этим недугом. У спесивца дома большое зеркало в отдельной комнате. Утром он сразу идет к зеркалу — выпятит грудь колесом, надуется, как индюк, и любит себя собой. И затем весь день старается выглядеть таким же важным. А поскольку он все время занят собой, думает, что лучше него нет никого.

И очень трудно избавить человека от этого недуга. Во-первых, у каждого спесивца своя форма спеси, и врач каждому должен подобрать лекарство. А в Маленьком городе и среди врачей много спесивцев и ленивцев. Во-вторых, не у всякого спесь заметить можно — пока не присмотришься да пока не проявится вдруг,

и не знаешь — страдает человек спесью или нет. Говорят, один человек много лет лечил от спеси, многих избавил от нее, а потом взял и сам приобрел большое зеркало и пыжился перед ним.

Но самое главное, спесь — единственный недуг, от которого не желает избавляться сам больной. Иной умереть готов, лишь бы спеси не лишаться.

Вот почему спесивцы ополчились на грустного слона. Шапка, угодившая в лужу, была просто поводом. Они старались избавиться от слона, потому что его тяжкие вздохи тронули кое-кого из спесивцев, проникли в душу и напомнили, что кроме них есть и другие люди.

Вздох слона отогревал душу, и спесивцы всполошились — не лишил бы он их спеси. Спесь — это равнодушие. Кто все время занят собой, тому нет дела до других.

Как только ни пытались спесивцы убрать слона из города! «Отправим его туда, откуда заявился к нам!» — дружно решили они сперва. Разослали людей в ближние города узнать, не пропал ли в одном из них слон?

Потом взялись за ружья, и в городе по ночам зазвучали выстрелы. Но пули не брали слона.

Ломали голову спесивцы и не могли додуматься до того, что сразу пришло бы в голову, не будь они спесивцами.

Если кто-то вздыхает — значит нужна помощь.

В Маленьком городе, к счастью, добрых людей было куда больше, чем спесивцев.

Вот почему о слоне многие заботились. Городские врачи осмотрели его, посоветовались и пришли к выводу — у слона болит сердце, оттого и вздыхает. Прописали ему уйму всяких лекарств, пичкали его таблетками, микстурами, даже шприц достали преогромный и сделали уколы.

Все было тщетно. Слон продолжал тяжело вздыхать.

Снова собрались врачи, составили новые рецепты.

И тут пришел к ним один старый врач, который не лечил слона раньше, и сказал им:

— Извините, уважаемые коллеги, но вы путаете причину со следствием. Слон вздыхает не из-за больного сердца, а оттого, что переживает, страдает из-за чего-

то, а уж от этого болит сердце. И надо узнать причину его печали, иначе не помочь ему.

Кое-кто согласился с ним, но остальные лечили по-своему — придумывали слону все новые и новые лекарства.

Старый врач очень жалел слона. Приняв больных, он шел к нему и размышлял — отчего нет слону покоя?

Он обратил внимание, что слона все время тянет к одному дому.

«Это не случайно», — подумал врач и однажды постучался в дом.

Открыла ему женщина. Она удивленно воскликнула:

— Как вы узнали, что я собиралась позвать вас? Так давно хочу вас видеть, и боюсь, боюсь, что вы подтвердите мою догадку...

Глаза у женщины были заплаканные.

— Объясните, что вас тревожит, может сумею помочь.

Женщина провела его в комнату и, указав пальцем на закрытую дверь, прошептала:

— Там мой сынишка...

— Что с ним? На что он жалуется? — шепотом спросил врач.

— У него ничего не болит, но он говорит странные вещи, уверяет, будто большой слон — это его игрушечный слоненок, которого он потерял. Просит пустить поиграть со слонем. Скажите, как я могу позволить ему играть с таким огромным животным.

— Он действительно потерял слоненка?

— Да, но при чем тут слоненок?

— Кто знает... Возможно, мальчик прав.

«Видно, и у врача не все в порядке с головой, — подумала женщина огорченно. — А я так надеялась на него».

— Как это — прав? Слоненка ему сшила я из тряпок, а на улице — настоящий живой слон.

— Все бывает, все возможно, — повторил врач. — А скажите, где и каким образом потерял мальчик свою игрушку?

— Мы ходили с ним в цирк, и там...

— О, простите, — прервал женщину врач и хлопнул себя по лбу. — Как же я раньше не сообразил, по-

чему вздыхает слон! Эх, в самом деле, видно, ^Гпостарел...

Женщина растерянно умолкла.

— Хотите, скажу, что произошло в цирке? Во время представления клоун взял вашего сынишку на руки, а мальчик держал своего слоненка...

— Вы были там?! Откуда вы знаете?

— Нет, я не был в цирке. Догадался. Но прежде чем объяснить вам все, позвольте поведать одну историю...

Давно это было, очень давно. Одна женщина повела в цирк сынишку. В цирке мальчику больше всех понравился клоун — веселый, потешный. Клоун забавно кувыркался, бегал на руках, смешил нелепыми проделками. Мальчик не отрывал от него глаз. И вдруг заметил — на лице клоуна что-то сверкнуло двумя блестками. Он удивленно притих.

Клоун продолжал развлекать ребят в зале, но мальчик больше не смеялся. А когда клоун, покидая арену, обвел публику взглядом, мальчик снова увидел, как странно блеснули его глаза.

После представления мальчик нарочно затерялся в толпе при выходе, а потом спрятался в кустах перед цирком. Мама не стала тревожиться, решила — сам придет домой — мальчик был не очень маленький, а жили они поблизости.

Публика постепенно разошлась. Наконец вышел и клоун.

Мальчик сразу узнал его, хотя на лице клоуна не красовался больше нелепый красный нос и не было на нем пестрого клоунского наряда.

Он узнал его по тем же блесткам на глазах, сверкнувшим при свете фонаря.

Клоун направился домой. Он шел, грустно опустив голову. Мальчик следовал за клоуном. Миновали тесные улочки и остановились у высокого дома. По боковой стене дома тянулась вверх ко входу на чердак винтовая лестница.

Клоун медленно поднялся по ступенькам, дошел до середины лестницы и остановился, держась за перила.

Скрытый тенью росших у стены деревьев мальчик хорошо видел клоуна. Светила луна, и в лунном свете опять блеснуло что-то на усталом лице клоуна.

И что-то жгучее упало мальчику в глаз, обожгло. Он чуть было не вкрикнул от боли, но стиснул зубы, сдержался. И протирать глаз не стал — чувствовал, надо вытерпеть.

А клоун поднялся на самый верх и скрылся за чердачной дверью. Мальчик задумчиво стоял внизу, он не плакал, хотя в глазу горело — на душе было удивительно тепло.

Старый врач тяжело вздохнул и продолжал:

— Тем мальчиком был я, а клоун тот — дедушка нынешнего клоуна. Глаз у меня долго еще горел, но на душе было отрадно. Много позже я понял, что на лице клоуна блестели слезы. Кувыркается на арене клоун, потешает и веселит людей, больших и малых, всевозможными проделками, а на глазах у него — слезы... Слеза клоуна капнула на игрушечного слоненка и оживила его, превратила в большого грустного слона... — закончил свой рассказ врач.

Женщина задумчиво помолчала и сказала:

— Знаете, я даже себе не смела признаться, но в глубине души мелькало: а не ожил ли игрушечный слоненок? Ведь я сама его сшила и помню, на ухе у него была родинка, совсем как у этого большого слона. Теперь я верю этому... Но неужели нельзя помочь слону, неужели нельзя рассеять печаль слона и клоуна?

— К сожалению, нельзя, — сказал старый врач. — Клоуны будут печальными, пока все на свете не станут счастливыми. Они ведь потому и веселят людей, чтобы развеять горе и доставить людям радость. Нам не излечить слона, постараемся хотя бы немного утешить и облегчить его участь.

Женщина понимающе улыбнулась и привела мальчика из другой комнаты.

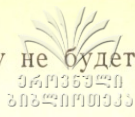
Врач повел его к слону.

Слон тотчас узнал мальчика и от радости даже подпрыгнул как мог.

Врач рассказал мальчику, как его игрушечный слоненок превратился в настоящего и о чем он печалится и вздыхает.

С тех пор мальчик часто бывал со слонем и всячески развлекал его.

Однажды он спросил старого врача:

— А можно соврать, если от этого никому не будет вреда?

Врач догадался, что задумал мальчик.

— Можно, если ты уверен, что сделаешь добро тому, кому соврешь...

— Давайте тогда обманем слона, будто все на свете уже счастливы.

И мальчик рассказал, что он надумал сделать. Старый врач одобрил его. Они пошли в типографию и упросили одного доброго наборщика помочь им. Наборщик, хоть и сомневался, что слон поверит, все же взял номер свежей газеты и допечатал следующее сообщение:

«Внимание, внимание, внимание!

Сегодня утром Совет крупнейших ученых мира определил, что на земле под небесами все уже счастливы!»

Мальчик схватил газету, помчался к слону и прочел ему новость.

Слон взял хоботом газету, поднес к глазам и долго вглядывался в текст.

Потом он вернул газету и помотал головой. Закрыв глаза, вздохнул тяжелее прежнего и понуро отошел в сторону.

Очень огорчился мальчик.

А врач сказал ему:

— Я предвидел это, но не удержал тебя, ты сам должен был убедиться, что слон сердцем чувствует, счастливы люди или нет, и не поверит никаким ученым, если сердце подсказывает иное.

Мальчик все понял. С того дня он вместе со слоном старался чем-нибудь помочь людям. Постепенно и другие мальчики присоединились к ним.

И теперь слон ходил по городу в окружении ребят. Он по-прежнему был печален и тяжело вздыхал, но с ребятами ему все же было легче, они всячески старались развеселить его.

Как-то в дождливый день слон задумался по своему обыкновению и вздохнул. А мимо шла женщина с зонтиком.

Женщину подхватило в воздух. Она покачалась немного и плавно опустилась на землю очень довольная. А потом на глазах ее почему-то блеснули слезы, она вы-

тянулась на носках, поцеловала слона в хобот и быстро ушла.

Ребятишки увидели, как покачивалась женщина над улицей, и побежали домой за зонтиками.

Когда слон вздохнул еще раз, воздушная волна подхватила ребят. И раскачивались в воздухе пестрые зонтики.

Взрослые стыдили ребят: «Нехорошо как, слон вздыхает, бедняга, а вы развлекаетесь». Но слон помотал головой, а глаза его словно говорили: «Мне все равно ничего не поможет, пусть хоть они веселятся».

Проходили дни.

Днем слон ходил по улицам, помогал людям. Ночью спал в городском саду — не хотел, чтоб его вздохи будили людей.

Ходил слон, вздыхал. Качались в воздухе ребятишки. А спесивцев в городе становилось все меньше. Одних печаль слона сделала человечными, других — радость ребятишек...

Оказывается, и чужая радость может излечить от спеси.

А многие спесивцы покинули город, боясь, что слон и их излечит от недуга.

Однажды утром мальчика разбудил стук в дверь. К нему пришел старый врач.

— Одевайся, скорее идем к слону! — сказал он.

— Что случилось? — заволновался мальчик.

— Ничего, туман окутывает город. А в туман особенно тяжело тем, кого снедает печаль. Сердце подсказывает — надо бежать к слону.

И они побежали. Впереди — мальчик, за ним, отдуваясь, — старик. Еще минута, и они опоздали бы.

Слон стоял под большим деревом, окутанный туманом. Улыбнулся слон мальчику.

И туман скрыл его. Молчали старик и мальчик.

Потом туман рассеялся, но слона уже не было — растаял, как туман.

Прошло время. Мальчик вырос и стал мастерить игрушки.

Маленький город жил своей жизнью.

В цирке выступал клоун, и на его глазах сверкали слезы.

К сожалению, не все дети замечали их — не замечали те, кого приучили видеть блестящие яркие побрякушки. А на свете столько всего, что блестит, сияет, сверкает, реллируется. Из этих-то ребят вырастали спесивцы.

А когда спесивцев становилось много, игрушечный мастер шел в цирк. Смотрел, куда падала, сверкая, слеза клоуна.

А ночью, прокравшись в цирк, брал с арены горсть опилок с упавшей на них слезой. И на другой день в городе появлялся большой печальный слон.

Мастер жалел его, но надо, надо было кому-то печалиться, иначе погиб бы город — развелись бы спесивцы, хороших людей не осталось бы.

И ходил по улицам печальный слон. Помогал людям. Вздыхал.

Качались вокруг него ребяташки с зонтиками.

Меньше становилось спесивцев.

А потом город окутывался туманом, и слон исчезал в тумане.

Тайну печального слона от поколения к поколению передавали мастера игрушек...

Город жил своей жизнью.

На глазах клоуна сверкали слезы.

Появлялся печальный слон...

— Эх!

А это у кого вырвалось?

Признаюсь, у автора.

Да, автор прекрасно знает — все должно хорошо кончаться, но... Скажу вам прямо. Насколько мне известно, печальный слон давно не появлялся в Маленьком городе.

Может быть, все на свете уже счастливы и потому? Увы, пока еще нет...

А может, спесивцы перевелись? К сожалению, нет. Их пока достаточно.

Но, возможно, игрушечных дел мастера забыли тайну печального слона? Хотелось бы верить... Мы бы напомнили им...

А что если клоуны больше не плачут? Или плачут, но слезы их неискренни?

Перевод Наты ДЖАЛИАШВИЛИ

ХРАНИТЕЛЬ

СОКРОВИЩ

Документальная
повесть

ПОСЛЕ личного приема войск в Ахалцихе генерал-губернатор Восточной Грузии и Тифлисского округа Маглакелидзе вернулся вместе со своим адъютантом в Тифлис. В середине февраля 1921 года, после того как Грузинская демократическая республика была юридически признана Европой и даже далекой Аргентиной, меньшевики, казалось, могли быть уверены в полной победе. Но предчувствие неотвратимой надвигающейся развязки не покидало их, и возникавшие то и дело в глубине души боль и тревогу они прикрывали блеском парадов и мишурой праздничных демонстраций.

Возвратившись после одного из таких парадов, генерал-губернатор прямо с вокзала отправился в Сололаки, в свою резиденцию. Неприятные известия сразу же обрушились на него: марш частей 11-й армии у границ Грузии в окрестностях Красного моста на правом берегу Храми; восстание в районе Борчалло; волнения рабочих на производствах и предприятиях Тифлиса... На какое из этих событий надо было в первую очередь реагировать молодому офицеру?

Поздно ночью, когда генерал-губернатор просматривал секретные донесения, зазвонил телефон. На линии была станция Поило.

— Что делать? Уже появились части Красной Армии. Они двинулись с Северного Кавказа и направляются в сторону Тифлиса, — кричал в телефонную трубку комендант вокзала Цулукидзе. — Они требуют разрешения на свободный переход Поилинского моста! А у меня нет подтверждения правительства республики. Как прикажете поступать?!

— Временно остановите всякое движение, — резко оборвал Маглакелидзе, — ждите нашего специального распоряжения! Я срочно переговорю с председателем правительства, сообщу вам на-

ше общее решение, — и раздраженно добавил: -- Смотрите, что бы ни один солдат не был пропущен через мост!

Покрасневший, с перекошенным от злости лицом генерал Ли-хорадочно стал звонить Жордания. Доложив председателю о создавшемся положении, Маглакелидзе сухо добавил:

— Лично я против перехода частей Красной Армии через Поилнский мост. И если ничем другим нельзя этому помешать, я взорву мост!

— Ну вот... Молодость, как всегда, торопится... Ты что, забыл — у нас с Советской Россией отличные отношения, а в Тифлисе находится ее посол. Нет... ничего спешного и тревожного пока и быть не может.

— Но ведь вопрос невозможно оставить открытым. В конце концов комендант Поило ждет ответа! — настаивал на своем генерал-губернатор.

— В таком случае мне придется созвать членов правительства. Приглашу представителя Советской России Шеймана. А если уж возникнет необходимость, свяжемся по прямому проводу с Москвой.

...Рано утром Ноэ Жордания одним из первых явился во дворец правительства. Приветствовавший его комендант сразу же заметил, что «отец грузинского народа» был явно не в духе. Его белая патриархальная борода сбилась в сторону, а обычно живое, довольное лицо выглядело поблекшим и изможденным. Следом за Жордания вошел его личный секретарь с тяжелым портфелем в руках — Гогило Цинцадзе, на редкость подвижный, худощавый мужчина средних лет, — сразу же направился к сейфу и передал Жордания секретное письмо.

Именно в этот момент дверь открыл генерал Маглакелидзе и, не мешкая, продолжил начатый по телефону разговор.

Через несколько минут появился и Силибистро Джибладзе, председатель Центрального комитета социал-демократической рабочей партии Грузии — высоченный, чернобородый, как всегда в пальто и галошах. За ним быстрым деловым шагом вошел министр внутренних дел Ноэ Рамишвили в сопровождении своего заместителя Константина Сабахтарашвили. Последним был министр иностранных дел Евгений Гегечкори — чисто выбритый, аккуратно одетый в европейский костюм, крепкий, подтянутый мужчина среднего роста. Вскоре появился представительный Шейман.

Собравшиеся какое-то время поджидали остальных членов правительства: заместителя председателя Григола Лордкипанидзе, председателя Учредительного собрания Карло Чхеидзе, начальника штаба народной гвардии Валико Джугели и других предводи-

телей меньшевистской дипломатии, которые по тем или иным причинам не смогли присутствовать на заседании.

Жордания трудно было говорить. Природа не наградила его даром красноречия, а тут еще непредвиденные события вывели его из равновесия. Поэтому он сразу предложил генерал-губернатору Восточной Грузии и Тифлисского округа Шалве Маглакелидзе ввести всех в курс сложившейся за последнее время в Грузии ситуации.

Все повернулись в сторону губернатора. Высокий, плотного сложения молодой офицер резко поднялся с места. Из кармана серой шинели он достал сложенный вчетверо лист бумаги и доложил правительству о чрезвычайном факте. В конце он заявил:

— Мое предложение — и я не вижу лучшего выхода — на насилie русских ответить силой же.

— Гогило! — обратился Жордания к своему секретарю. — Срочно соедини меня с Москвой.

Цинцадзе вышел в соседнюю комнату, где находилась телефонная аппаратура. Через несколько минут он известил собравшихся, что прямую связь с Москвой установить не удалось. Дежурный телефонист сообщил, что линия повреждена и ни с одним пунктом после Ростова связи нет. Жордания невольно вздрогнул. Члены правительства многозначительно переглянулись.

— Вы и сейчас не верите моим словам? — с некоторым злорадством бросил генерал Маглакелидзе и взглянул на Жордания, сидевшего в кресле, низко опустив голову.

— Я сейчас же распоряжусь взорвать Понлинский мост, чтобы русские не перешли Храми и нога их не могла бы ступить на грузинскую землю! — воскликнул генерал.

— Юноша, возьмите себя в руки и немного умерьте свой пыл! Вы здесь не один, — обратился к нему возмущенный Силибистро Джибладзе.

— Кто, интересно, разделил нас с вами? Если вы считаете меня посторонним, я с этой же минуты перестану принимать какое-либо участие в ваших делах! — повысил голос Маглакелидзе.

— Что за провокационные выходки! Этот молодой человек слишком много на себя берет, позволяя себе так откровенно высказываться, — во всеуслышание заявил Шейнман и покинул собрание. Следом за ним на лестничную площадку выбежал Маглакелидзе. Он настиг Шейнмана на лестнице и в ярости потрянул его за ворот. Оглушенный этой неожиданной выходкой, посол обернулся, и как только увидел разъяренного Маглакелидзе, закричал:

— Я — персона грата! Какое вы имеете право заниматься коприкладством! Я полномочный посол Советской России!

— Раз вы посмели меня назвать провокатором, ответьте мне в дете в тюрьме, — пригрозил Шейнману генерал и приказал рядом стоявшим офицерам: — Задержите его и сразу же переправьте в кутанскую тюрьму!

Офицеры бросились выполнять распоряжение генерала. Пытавшегося сопротивляться Шейнмана втолкнули в машину и повезли к железнодорожному вокзалу.

Маглакелидзе вернулся в свою резиденцию с твердым намерением срочно привести в исполнение взрыв Поилинского моста и остановить хоть на время продвижение 11-й армии.

Когда собравшиеся разошлись, оставшийся в своем кабинете Жордания погрузился в раздумья. В голове у него назойливо звучали сказанные только что Гогило Цинцадзе слова: «Связаться с Москвой по прямому проводу не удалось. За Ростовом связь прервана». Что значили сдержанные двусмысленные слова Шейнмана? И почему он так неожиданно покинул собрание? Что может означать концентрация войск Красной Армии у восточных границ? А восстание в Нижней Картли? Неужели пришел конец свободной Грузии? Неужели русский штык оказался сильнее прославленных войск Антанты? Телефонный звонок заставил его оторваться от своих мыслей. На линии был генерал Квинитадзе:

— Положение в Борчало становится все хуже и хуже. Под натиском Красной Армии и восставших наши войска с большими потерями вынуждены отступать. Ждем пополнения и ваших дополнительных распоряжений! — недовольным, раздраженным голосом выкрикивал в трубку выведенный из равновесия неожиданными событиями на фронте генерал.

Потрясенный новым известием, Жордания приказал генералу:

— Используйте все резервы и постарайтесь хотя бы до завтрашнего дня удержать позиции. Ждите пополнения!

Наскоро переговорив с Джугели, Рамишвили, Чхенкели и Чхивишвили, Жордания решил срочно мобилизовать студентов, милицию, даже охрану и отправить на фронт, а ночью созвать внеочередное заседание Учредительного собрания. Весь день звонил телефон. Известия, одно хуже другого, сыпались из разных концов Грузии: поражения на фронте, дезертирство в частях армии, восстания на востоке и западе. О каком из этих событий надо было думать главе правительства? В таком состоянии он писал докладную для Учредительного собрания.

Заседание Учредительного собрания состоялось поздно ночью. Депутаты не узнавали своего председателя. Состарившимся, по-

худевшим и осунувшимся показался им Жордания. Джугели вы-
глядел не лучше. Его сиявшее обычно лицо стало грустным,
глазах застыло беспокойство. И остальные члены правительства
сидели понурые, молчаливые.

Мир или война? — этот вопрос со всей своей неизбежностью
встал перед Учредительным собранием. В докладе Жордания не
чувствовалось никакого оптимизма. Да и о каком «оптимизме»
можно было говорить, когда у республики для продолжения вой-
ны не осталось никаких резервов. В Тифлисе не набралось бы и
пятисот человек для помощи армии, хотя Рамишвили и уверял до
последней минуты, что в его распоряжении имеется тридцать
тысяч солдат. Грузия оказалась окруженной советскими респуб-
ликами — Россией, Азербайджаном, Арменией. Войска Антанты ра-
стаяли как прошлогодний снег. Иран отвернулся от Англии и взял
российскую ориентацию. Турция Кемалья установила с молодым го-
сударством дипломатические отношения. Под Москвой красные раз-
громили войска Деникина и Врангеля. Под влияние прошедшей
огонь и воду, обожженной в борьбе и уже оправившейся России
попал весь Северный Кавказ. Но меньшевики по-прежнему не
учитывали реальных возможностей и вновь пытались втянуть в
борьбу обессиленную республику — большинство депутатов вы-
ступило за продолжение войны.

Шум в зале нарастал. Генерал Чхиквишвили тщетно пытался
образумить споривших: — Короче, говорите короче! Сегодня же
ночью надо покинуть Тифлис. К железнодорожному перрону для
членов правительства подан эвакуационный поезд. В любой момент
можно ждать налета партизан или толпы восставших! Медлить
нельзя!

Но его предупреждения остались без внимания. Спор про-
должался. Слово взял социал-федералист Тедо Глonti. Спокой-
но, рассудительно он заявил:

— Неужели вы не понимаете, что Грузия не может воевать
в нынешней ситуации? В конце концов это превышает возможно-
сти народа. Надо найти другой выход, установить деловые дип-
ломатические отношения с соседними республиками и государст-
вами.

Независимо от Глonti ту же мысль выразил и национал-де-
мократ Геронти Кикодзе. Высказывая свои соображения, Глон-
ти, Кикодзе и некоторые другие прогрессивно мыслящие лица
учитывали настроения, царившие в народе и в рядах армии, эко-
номическое положение республики. Они видели, что военное прав-
ление, политика и дипломатия меньшевиков потерпели полный
крах. У армии не было резервов, амуниции, оружия, продуктов.

Военные самолеты стояли без действия — как стало известно, договор военного министра Чичинадзе с Азербайджаном о поставках горючего был сорван. Северные границы, перевалы внутренней Грузии, Сурамский перевал, крепости и пункты самообороны не были укреплены, не были приведены в порядок дороги, мосты и переправы. Бессилию и неорганизованности меньшевиков противостояли хорошо вооруженные отряды большевиков, единение и сплоченность рабочего класса, триумфальный марш 11-й армии, революционное воодушевление, уверенность и оптимизм. В результате продолжительных дебатов и обмена мнениями Жордания в который уже раз убедился, что меньшевики проиграли борьбу и оставался единственный разумный выход — добровольно уступить власть. Жордания решительно призвал Учредительное собрание немедленно приступить к эвакуации и принять все меры по спасению музейных и церковных ценностей.

Никто не обращался по этому вопросу к профессору Эквтиме Такаишвили, который как член Учредительного собрания присутствовал на заседании, но когда речь зашла о музейных сокровищах, он невольно напрягся и насторожился. После того как все начали расходиться, Такаишвили подошел к Жордания и попросил его назначить на другой день встречу по одному важному и неотложному делу. Жордания тут же согласился.

На другой день во дворце правительства и по всему городу началась лихорадочная подготовка к эвакуации. В Коджори и Согоануги народная гвардия тщетно пыталась отразить натиск отрядов восставших. Невыспавшийся, измученный тяжелыми раздумьями Жордания принимал посла Франции Абеля Шевалье. После положенного приветствия Шевалье заявил главе грузинского демократического правительства:

— Временный кризис правительства свободной Грузии не был для Франции и, в частности для его превосходительства премьер-министра Аристиды Бриана, неожиданным. Именно поэтому французские крейсера уже долгое время стоят на рейде в Батуми и ждут вашего появления. Я думаю, настало время, и ваше превосходительство должно действовать сообразно сложившейся политической ситуации. Мы должны двинуться на запад, пока железнодорожная магистраль не перешла в руки восставших.

Любитель дипломатических реверансов, Шевалье на сей раз довольно сдержанно, без патетической жестикуляции, как бы предостерегая, говорил с погруженным в глубокое кресло побледневшим Жордания. Несколько помедлив, Жордания поднялся и рассеянно спросил:

— Как вы выразились? «Временный кризис меньшевистского правительства...» И вы действительно верите, что наш кризис временный?

— Меня вынуждает так говорить исторический опыт. Было время, когда парижские коммунары потрясли мир. Но, промучившись на баррикадах 72 дня, они испустили дух в тюрьмах Версаля и Ареса. То же ждет и всех тех, кто ни во что не ставит этот урок истории и ведет за собой на верную смерть толпу восставших.

Во взгляде Жордания застыла печаль.

— Большинство членов правительства уже убедилось, что выехать из Тифлиса необходимо... Но как прикажете быть с казной, с церковными и музейными сокровищами? — спросил он.

— Вне всякого сомнения — надо брать с собой! Здесь их оставлять нельзя ни в коем случае.

— Наши мнения в принципе совпадают, но где именно мы можем хранить эти богатства?

— Во временной резиденции свободной Грузии! А где же она может находиться, как не в Париже?!

— Разумеется, можно быть уверенным, что Париж для наших противников будет неприступной крепостью и что в Париже мы окажемся в полной безопасности. Но туда еще надо добраться, а мало ли с какими препятствиями мы можем столкнуться в пути, — как бы размышляя вслух, добавил Жордания.

— Какую-то степень риска исключить, конечно, нельзя. Время смутное... — заметил Шевалье. — Выбирать не приходится — попадут ли сокровища в руки разъяренной толпы или погибнут в морской пучине — участь их предрешена... Вы сами видите, выход один: все забрать с собой.

Неожиданно дверь в кабинет распахнулась.

— По вашему вызову явился профессор Такаишвили, — сообщил Жордания его секретарь Гогило Цинцадзе и в ожидании ответа остановился посреди зала.

— Просите.

Вскоре в кабинет, прихрамывая, вошел высокий седовласый мужчина. Мокрый февральский снег оставил влажные следы на его выцветшем старом пальто. Он прошел к столу и учтиво приветствовал находившихся в комнате.

Жордания представил Шевалье профессора Эквтиме Такаишвили и приготовился выслушать его.

Такаишвили начал беседу с вопроса:

— Вчера ночью, на особом заседании Учредительного собрания, вы затронули вопрос об эвакуации музейных и церковных сокровищ. Вы окончательно решили привести в исполнение ваше намерение?

— Да, да. Я уже поручил заместителю министра финансов Елигулашвили заняться этим делом. В сложившейся ситуации отъезд неизбежен. Вы же слышите перестрелку? Это партизаны-большевики громят нашу гвардию в окрестностях города. Ну, а когда им на помощь подойдут двинувшиеся с Северного Кавказа отряды красных, камня на камне не останется.

— А какая гарантия, что вывезенные за границу ценности когда-нибудь будут возвращены грузинскому народу? Это достояние нации, и мы не имеем ни морального, ни юридического права отнимать у народа то, чем он может и должен гордиться, — повысил голос Такаишвили.

— Да разве мы что-нибудь у кого-нибудь отнимаем?! И в эмиграции вечно находиться тоже не собираемся... Кончится временный кризис, и мы вновь вернемся на родину, — как бы не желая уже задумываться над этим вопросом, произнес Жордания.

— Я, конечно, не вправе оспаривать мнение главы правительства, — продолжил Такаишвили, — но я не могу не думать об истории, о том, как расценят наши действия будущие поколения...

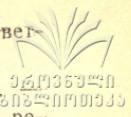
— Сейчас не время дискутировать, — оборвал его Жордания. — Послезавтра утром мы пересылаем нашу казну в Кутаис. Необходимо перевезти туда и самые ценные музейные экспонаты.

— Мне, честно говоря, и в голову не пришла бы мысль покинуть Грузию. Я не могу жить без Грузии. И о какой эмиграции мог я думать? Но, — голос Такаишвили дрогнул, — если музейные экспонаты отправляются за границу... Я большую часть своей жизни собирал и бережно хранил их... Нет, я просто не имею права выпускать их из виду, я должен быть с ними!

— Я имел в виду состояние вашего здоровья и не хотел лишней раз вас беспокоить. Собственно говоря, поэтому и не предложил вам сопровождать сокровищницу. Но раз вы сами выразили это желание, я, естественно, ничего не буду иметь против, — согласился Жордания.

— Но я лишь в том случае буду сопровождать сокровищницу, — ответил Такаишвили, — если правительство выдаст мне все полномочия по охране этого богатства.

— Вместе с Елигулашвили.

— Если хотите, вместе с Елигулашвили, но главным ответственным лицом должен быть я.

— Я и на это согласен, — устало произнес Жордания. Раз мы договорились, надо будет срочно сообщить о нашем решении во все музеи, чтобы послезавтра все экспонаты были готовы к вывозу.

Такаишвили сдержанно выслушал Жордания, дал обещание все выполнить в назначенный срок. Ему хотелось скорее выйти отсюда. Улица встретила профессора слякотью и холодными порывами ветра. Он шел, не замечая ничего, погруженный в свои мысли. «Неужели нет на свете силы, — думал он, — способной воспротивиться этому бесчеловечному решению?! Почему то, что было создано на нашей земле и хранилось здесь веками, должно быть вывезено во Францию или куда бы то ни было? Почему национальные сокровища должны стать предметом каких-то сделок и спекуляции?..»

На Головинском ему долго пришлось ждать пролетки. Город был охвачен паникой. Извозчики проносились мимо, если в прохожем не узнавали знакомого. Такаишвили очень торопился. Он запретил себе думать о чем-либо, кроме дела, — надо было успеть вовремя передать распоряжение главы правительства во все музеи, в первую очередь в Музей Грузии, бывший Кавказский, помещавшийся в то время в здании университета.

Эквтиме Такаишвили знали во всех музеях и считали его своим. Большинство хранившихся там древнейших грузинских рукописей, экспонаты археологических и нумизматических коллекций были найдены и собраны им по монастырям и заброшенным церквушкам во всех уголках Грузии. Теперь же, когда этим бесценным историческим свидетельствам, национальному достоянию грозила гибель, негодованию профессора не было предела. Он должен был спасти свое детище. В таком состоянии вошел он в Музей Грузии, в кабинет Ноэ Кипиани.

Кипиани поднялся навстречу ученому. Он сразу заметил, что Эквтиме необычайно взволнован, и стал внимательно прислушиваться к каждому слову профессора.

Такаишвили говорил без передышки:
— Послезавтра утром казна переправляется в Кутаис. Мне поручено вместе с казной перевезти и музейные экспонаты. Сегодня же ночью все должно быть упаковано в ящики, а завтра утром придет грузовая машина, на которую все и уложим.

— Да, но почему именно Кутаис, — удивился Кипиани, — разве там можно быть застрахованным от опасностей?

— О гарантиях говорить вообще не приходится. Угнетающий ^{наши дела} хватается за соломинку — вот так примерно и обстоят ^{на спор} дела. Ну, а распоряжения надо выполнять, времени нет, — ответил Эквтиме.

— А если в Кутаисе возникнет реальная опасность, куда потом?

— Вы еще сомневаетесь в том, что она возникнет?

— Но какой смысл нам сидеть в Кутаисе? — допытывался Кипиани.

— Какой смысл? Да просто Батумский порт находится гораздо ближе к Кутаису, чем к Тифлису.

— А что нас ждет в Батуме?

— В Батуме на рейде стоят французские крейсера.

— Так, значит, наша сокровищница переправляется за границу?

— Так решено, если это удастся выполнить, конечно.

— Я лично категорически против! — вспыхнул Кипиани. — Никто не имеет права вывозить за границу то, что принадлежит грузинскому народу, — это варварство и разбой! Одного я не понимаю — как вы могли согласиться с таким решением?!

— Если бы все было так просто... — горько усмехнулся Такашвили. — Против воли правительства мы пойти не можем. Я пытался воспротивиться, что-то объяснить, но когда увидел, что ничего уже не выйдет, прекратил и эти попытки. Я еще должен быть благодарен за то, что мне доверили музейные ценности, и пока я жив, никто не посмеет посягнуть на достояние нации! Мною руководит только долг, долг гражданина и ученого! Разве для того я тратил все свои знания, энергию и опыт на археологические исследования, на научные открытия, чтобы все эти бесценные реликвии попали неизвестно кому?! Нет, нет, теперь и я, и вы, и каждый просто порядочный человек должен неотступно следовать за сокровищницей. Ведь как только она попадет в руки людям ненадежным — все погубло! Поэтому, пока не поздно, хорошенько упакуйте экспонаты, составьте список, обязательно в двух экземплярах, с кратким описанием каждого предмета. Один экземпляр вы оставьте у себя, а второй положите в упаковку. Вы должны работать всю ночь! Такие же распоряжения я должен передать в Историческое и Этнографическое общества, в Общество ликвидации безграмотности, в церковно-приходской музей и Художественную галерею. Попозже я снова загляну к вам...

Кипиани внимательно выслушал эту исповедь великого историка и археолога, честнейшего человека и гражданина, и, убедившись, что другого выхода действительно нет, принялся за дело.

Подготовка сокровищницы к эвакуации вызвала смятение и переполох среди сотрудников музея. Никто из присутствующих не был согласен с решением меньшевистского правительства. Больше всех противился старейший хранитель древностей Иона Томашвили. Теперь настала очередь Кипиани успокаивать и уговаривать сотрудников. Но Иона Томашвили настаивал на своем. По его словам, Грузия погибла.

— Грузия, грузинский народ живут прошлым, своей историей. Это и древнейшие рукописи «Вепхисткаосани», и богатейшие археологические коллекции, и созданные руками наших предков образцы высочайшего искусства, предметы церковного и культового назначения. Если мы останемся без известного всему миру Ахалгорийского клада, который датирован V веком до нашей эры, без золотых украшений античного времени, найденных в некрополях Саргвешви, Ксани и Степанцминда, если достоянием наших сейфов не будут искуснейшие чеканные работы братьев Опизари, если Грузия лишится золотого креста IX века из Мартвильской коллекции или усыпанного индийскими драгоценными камнями креста царицы Тамар с историческими надписями, текста грузинского Синаксария, переписанного в X веке, и многого, многого другого, то это может означать только лишь гибель всей нации. Пока еще не поздно, мы должны присоединиться к восставшим и с оружием в руках бороться с правительством, которое принимает подобные решения.

Некоторые из сотрудников поддержали Иону Томашвили, и кто знает, чем бы все это кончилось, если бы в тот момент в музей не зашел заместитель министра финансов Иосиф Елигулашвили. Елигулашвили было поручено то же дело, что и Такашвили, и он заглянул в музей, чтобы ускорить сборы. Он сразу же уловил настроение сотрудников музея и не только не поддержал их, а приказал не терпящим возражений тоном:

— Кого действительно беспокоит судьба нашего национального достояния, должен приложить все усилия к тому, чтобы оно не попало в руки людей, которые отрицают какую бы то ни было религию, рушат церкви и монастыри, — в руки большевиков. Наивно было бы думать, что они постараются сохранить это богатство. В России, где уже четыре года бесчинствуют красные, разнесли церковные и монастырские постройки, сровняли с землей памятники старины. Поэтому необходимо как можно скорее собрать и переправить вместе с государственной казной музейные и церковные ценности! Другого выхода у нас нет! Приказываю в кратчайший срок подготовить экспонаты к эвакуации! — с этими словами он резко повернулся и вышел.

Обойдя все музеи, Такашвили вернулся домой. Он жил напротив верийского базара, в доме Мате Схиртладзе.

Нина Ивановна Полторацкая — жена Такашвили, уставшее, изможденное лицо своего мужа, перед которым она преклонялась и которого нежно любила, не выдержала и спросила:

— Что происходит, Эквтиме? Ты что-то скрываешь. Может быть, ты думаешь, что я не пойму твоих забот, или считаешь недостойным посвящать меня в общественные дела?

— Когда корабль тонет, Нино, раньше всех это чувствуют крысы и бегут с корабля. Мы же сейчас, собираясь покинуть родную грузинскую землю, убегая неизвестно куда, наверное, более жалки и ничтожны, чем те крысы.

— Может быть, пообедаем? Я ждала тебя, — тихо произнесла Нина Ивановна.

— Пообедай без меня, я перекусил на ходу и не голоден. Я должен повидаться с Иванэ Джавахишвили. Лекции, должно быть, уже кончились, и он будет дома. Кто знает, смогу ли я увидеть его завтра... — Эквтиме достал из ящика письменного стола корректуру четвертого тома «Грузинских древностей», спрятал в портфель и вышел из дома.

Иванэ Джавахишвили и Эквтимэ Такашвили, крупнейшие ученые, исследователи исторического прошлого Грузии, беззаветно преданные любимому делу, были связаны прочной дружбой. В ту пору Джавахишвили работал над четвертым томом «Истории грузинского народа». На письменном столе, на шкафу, по всей его комнате были разложены найденные в свое время Такашвили драгоценные рукописи и его же текстологические исследования: «Устав царского двора», «Церковно-монастырская эпиграфика», двухтомник «Описаний грузинских рукописей», «Жизнь Картли» — список царицы Мариам, «Палеографический альбом», «Грамота царя Баграта IV», «Евангелие из Канчаети», отчеты археологических исследований в Гурии, Мегрелии, Кахети, Ахалкалаки, Триалети. Встречи с Такашвили всегда доставляли радость Иванэ, и сейчас, улыбаясь, он вышел навстречу желанному гостю.

— Я буквально на несколько минут, батано Иванэ, — не успев войти, предупредил Такашвили. — Хочу оставить вам одну неизданную рукопись и попрощаться с вами. Возможно, мы больше никогда не увидимся...

— Батано Эквтиме, вы говорите загадками, а это не в наших правилах. Что произошло?

51135340
0110333

— Жизнь заставляет не только говорить загадками... Вы не удивляетесь, что я пока еще не лишился рассудка? До нас дошли уже слухи о решении грузинского правительства покинуть Тифлис и временно обосноваться в Кутаисе? Пусть правительство отправляется куда угодно, но зачем увозить с собой все музейные и исторические ценности? — устало произнес Такаишвили.

— Я слышал какие-то разговоры, но всерьез к ним не относился. А насколько ваши сведения достоверны? — спросил Джавахишвили.

— Достоверны ли сведения? По поручению главы правительства меня назначили хранителем сокровищ! — с горькой усмешкой ответил Эквтиме.

— Да, но если вы, уезжая, все забираете с собой, то что останется нам?

— Спросите у Жордания и Рамишвили...

— Н-да... Правительство обратилось в бегство и не преминуло захватить с собой все ценности... Надо еще быть благодарным, что хранителем их назначили такого человека, как вы.

— Что я мог сделать один, если все молчали? О чем я только не мечтал, сколько было задумано. Все это уйдет вместе со мной... Археологическая кафедра университета и Историко-этнографическое общество, в которые вложено столько сил! Собирались в ближайшее время провести серьезную научную экспедицию, развернуть археологические раскопки... Поистине, ирония судьбы... Хотел покорять вершины, а погряз в болоте...

— Самое главное сейчас — сохранить присутствие духа и сделать все, чтобы народное богатство оставалось в полной сохранности,—пытался подбодрить его Джавахишвили.—А время подскажет выход. Грузия возродится, придут новые сильные люди, без веры в это жить нельзя. Так поверим же, что они увидят настоящую правду — правду прошлого и правду будущего..

— Меня удерживает только эта надежда. Пока я жив, буду выполнять долг перед собственной совестью и перед родиной... Обещаю держать вас в курсе всех дел, касающихся сокровищницы. Надеюсь, что и вы будете информировать меня обо всем, что происходит в Тифлисе, и не откажете в любезности высылать мне необходимую литературу.

Эквтиме подошел к окну и продолжил:

— И еще у меня к вам одна просьба, батано Иванэ. Последнее время я работал над четвертой книгой «Грузинских древностей». Готовил ее к изданию. Часть книги уже набрана, я и корректуру успел прочесть. Может быть, она пригодится вам в рабо-

те. А если найдется время и вы сможете проследить за изданием этого тома, то окажете неоценимую услугу и мне лично, и нашей исторической науке. Вы — единственный человек, кому я могу доверить это важное дело.

Эквтиме Такаишвили открыл портфель и достал оттуда уже сброшюрованные оттиски. Иванэ Джавахишвили бережно взял в руки книгу, перелистал страницы и обещал другу выполнить его просьбу.

В охваченных паникой городских музеях лихорадочно упаковывали в ящики бесценные экспонаты. Когда Эквтиме Такаишвили, утомленный и удрученный, на рассвете пришел в Музей Грузии, там все уже было готово к эвакуации. Эквтиме сначала решил проверить те ящики, куда были уложены грузинские рукописи. В руки попались Ксанское, Урбнисское и Кватахевское евангелия, украшенные эмалью и драгоценными камнями. Потом взгляд его упал на вставленные в тяжелые золотые и серебряные переплеты Четвероглавы из Канчаети, Квешы и Алаверди. Эквтиме долго просматривал листы, исписанные древнейшими шрифтами грузинского алфавита — асомтаврули и нусха-хуцури. Одну за другой он брал в руки бесценные рукописи: датированные XVI веком списки «Витязя в тигровой шкуре», собрание церковных песнопений Микаэла Модрекили, переписанных в Константинополе в самом начале XI века, грузинский Синаксарий, украшенный 78 миниатюрами, «Союз богословия» Прокла Диадоха, сборник переводов Ефрема Мцире, канон веры шестого Вселенского собора, переведенный Эквтиме Мтацминдели, псалтырь, список Акафиста с 52-мя миниатюрами, иллюстрированные Четы-Минеи, большой Канон веры, сборник законов Вахтанга VI и многое, многое другое.

Такаишвили рассматривал каждый листок рукописей так, будто то ли впервые видел это, то ли навсегда прощался с ними.

Потом Ноэ Кипиани и Иона Томашвили показали ящики с археологическими коллекциями и ящики, заполненные золотыми браслетами, бусами, подвесками, золотыми кольцами и серьгами с изображениями грифонов и сфинксов, плоские золотые пряжки треугольной и ромбовидной формы с изображением драконов, золотые пояса, колокольчики, серебряные чаши и пиалы, серебряные диски, бронзовые фибулы, украшенные филигранью и янтарем, ожерелья из сердолика, бусы из белой и голубой смальты, железные наконечники стрел, листы с золотым тиснением, золотые медальоны, украшенные морскими раковинами.

Следующий ящик был набит грузинскими, византийскими, персидскими, киликийскими, римскими, китайскими, эллинскими, са-

1935040
002 010033

санидскими, парфянскими золотыми и серебряными монетами, арабскими серебряными дирхемами и колхидскими дидрахмами.

В ящиках, принесенных из церковного музея, лежали золотые кресты, иконы богоматери, оклад которых был усеян драгоценными камнями, жемчугом и эмалью, серебряные с позолотой кубки, подсвечники и кадилницы, золотые навершия епископских посохов. В другом — огромная коллекция украшенных жемчугом митр, сакосов, покрывал для икон, епитрахилей...

Все это собрание венчали ящики с мемориальными вещами и живописными полотнами. Там были и сабля Ираклия II, и ружье Соломона, царя Имерети, и трость Акакия Церетели, и золотая диадема Екатерины Дадiani, золотые чаши, пиалы и вазы, серебряные бокалы, инкрустированные ружья, всяческие украшения, живописные полотна Рембрандта, Кранаха, Прюдона и сколько еще всего, что мог вместить подготовленный к эвакуации багаж...

Такаишвили сам проверил каждый ящик, проследил за тем, чтобы они плотно были закрыты крышками, заколочены и опечатаны, а потом уже и погружены на машины. Сокровищницу до Кутанса сопровождали Иона Томашвили и несколько охранников.

Все тифлиссские музеи и церкви остались опустошенными. Пря-звонно били колокола Кашуэти и Сиони. Но там уже не было ни икон богоматери, украшенных эмальями, ни драгоценных распятий, ни других бесценных реликвий и богатейших предметов культового и церковного назначения.

Тифлиссцы еще не знали, что вся их сокровищница была отправлена по эвакуационному маршруту.

— Все вывезли! Все, чем мы могли гордиться! Ну что же вы все молчите?! Следуйте за мной, пока еще не поздно! — раздался в пустом музейном зале срывающийся голос. Кто-то выбежал на улицу.

Все оглянулись.

В кричащем узнали музейного сторожа Отиа Гавашели. С резко осунувшимся после бессонной ночи лицом, весь в густо освещенной на усах и бороде белой, как мука, пыли, он метался в беспмятстве, будто не находя и не помня дороги:

— Идемте, идемте со мной! Я найду правду!.. Ну что же вы все молчите?! — кричал бледный, будто обезумевший Отиа и порывался куда-то бежать.

Перевод А. МАРГВЕЛАШВИЛИ

Продолжение следует

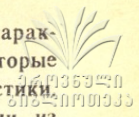
Заза АБЗИАНИДЗЕ

● **ВОЙДИ В ЭТОТ МИР** ●

КОГДА вы приглашены на торжественную встречу, вам и в голову не придет взять с собой детей, тем более — собак. Еще два десятка лет тому назад под празднично освещенными сводами грузинской прозы в обществе детей и собак разгуливали всего лишь несколько чудаковатых стариков — Лео Киачели, Илья Сихарулидзе, Родион Коркиа... Жизнь кипела, создавались хорошие, даже очень хорошие произведения, но странно — то ли время было такое, то ли старшие были чрезмерно серьезны — они, как правило, беседовали лишь друг с другом, и ребенок, случайно оказавшийся в этом степенном обществе, если о чем-либо и мечтал, то только о том, чтобы быстрее кончилось детство и взрослые, разговаривая с ним как с равным, ответили бы ему на тысячи вопросов, которые так волновали его пытливый ум и на которые он никак не мог ответить без чужой помощи.

Грузинская детская проза семидесятых годов именно тем и интересна, что вконец разрушила этот барьер «серьезности», что окончательно «снизошла» до своих маленьких читателей и постаралась ответить на многие из их «тысяч» вопросов.

И коли уж речь зашла о барьере, разве не были первыми трещинами в нем «Я, бабушка, Илико и Илларион» Нодара Думбадзе, «Половодье» Арчила Сулакаури или же «Шапки, закинутые в небо» Эдишера Кипиани — произведения, которые формально не относились к жанру юношеской литературы, но которые и своим задушевым, интимным повествованием, и лукавым юмором, всем мироощущением своих юных героев, наконец, — в равной мере были адресованы как детям, так и взрослым. Кстати, в грузинской прозе на сей день весьма зыбка грань между «взрослой» и юношеской прозой, между философской притчей и литературной сказкой, и в этом, думается, одна из новых и благотворных тенденций нашей литературы.

Для грузинской детской прозы последнего десятилетия характерен интерес к таким серьезным темам и проблемам, которые раньше входили в сферу лишь «взрослой» прозы и публицистики. Это и судьба высокогорных сел, и вообще вопросы миграции из села в город, и проблемы экологического равновесия, и дилемма нравственного выбора, которую так часто ставит перед нами жизнь и к которой так редко обращалась наша детская проза.

Естественно, что у разных писателей эта актуальность выражена по-разному: у одних она более подчеркнута, публицистически заострена; у других — угадывается во внутренних пластах повествования. Такой прием наиболее характерен для Реваза Инанишвили — писателя, привнесшего в грузинскую прозу редкий, проникновенный, лирический настрой. Когда в его рассказе «Одиночество» бабушка, хранительница очага, умоляет в письме внуков-горожан хотя бы время от времени наезжать в деревню, («...а то еще немного, и гляди—двор зарастет мальвой и крапивой»), в ее голосе нет драматических нот. Здесь драматизм глубже — в том, что это письмо может оказаться последним и не только этот двор может зарости крапивой, вся деревня может опустеть; а главное — могут исчезнуть сами эти патриархально-чистые, бескорыстные отношения, без которых немислимо человеческое счастье. Реваз Инанишвили видит в грузинской деревне и гарант этих отношений, и некий кладезь извечных человеческих добродетелей. В этом отношении символична концовка его рассказа «Дворы нашего детства»: «Бедными, очень бедными были дворы нашего детства, но кое-чего и у них было вдосталь: чистая, неогороженная земля, прохладная, свежая трава и, что главное, независтливая улыбка человеческих глаз».

Деревенская тема, доминирующая в лирической прозе последних двух десятилетий, в то же время, по давней, восходящей еще к концу прошлого века традиций, главенствовала в грузинском детском рассказе. Не удивительно, что именно из лирической прозы «пришел» в детскую литературу Мераб Элиозишвили. В недавно изданной книге его бесхитростных лирических рассказов «Бабушки и внучата» уловлено, что в доверительности и всепрощении дружбы стариков с малышами, помимо проявления родственных чувств, можно усмотреть некую схожесть стихийной философии людей, умудренных жизненным опытом, и только лишь познающих жизнь. (Так, краешком показалась здесь тема, не раз становившаяся в наш век предметом серьезнейшего эпического осмысления, начиная с «Волшебной горы» Томаса Манна и кончая «Белым пароходом» Чингиза Айтматова).

Отрадно, что традиционное для грузинской литературы романтическое видение деревенского пейзажа и быта совмещается с осознанием стоящих перед современной грузинской деревней проблем. Так, например, тема покинутых деревень звучит и в творчестве известной детской писательницы Нино Безарашвили, и в рассказе недавнего дебютанта нашей детской прозы Зазы Бацелашвили «Ожидание».

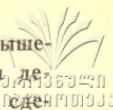
Эта благотворная тенденция выразилась и в том, что наше издательство детской и юношеской литературы «Накадули» основало специальную серию «Новая грузинская деревня», в которой отдельными книгами издаются наиболее примечательные художественные и публицистические очерки. В этой серии издана книга Нодара Цулейскири «О дубе, о стаде, о виноградной лозе», которая правдиво и доходчиво рассказывает о самых животрепещущих проблемах грузинского села. Чтобы читатель явственно представил себе пафос этой книги, приведу выдержку из ее авторского предисловия: «Конечно же, в наших селах достаточно непутевых сыновей, но и преданные не перевелись. Те люди, которые не оставили деревню, вырастили лозу, присмотрели за стадом, не дали обрушиться отцовскому крову, принесли пользу деревне, достойны поддержки и поощрения. Им и посвящается, с любовью к ним написан этот очерк».

Еще одна примечательная серия издательства «Накадули» — «Грузия в Великой Отечественной войне». В этой серии юные читатели ознакомились с документальной повестью героя-подводника Ярослава Иоселиани «Поединок под водой», «Аджимушкайской трагедией» Варлама Джанджгава, целым рядом других интересных документальных повестей и рассказов.

Суровым будням войны посвящены рассказы бывшего фронтовика Акакия Гецадзе «Была война...», интересен биографический роман Теймураза Маглаперидзе «Девять враг» о поэте и воине Мирзе Геловани.

Для писателей, пришедших в грузинскую литературу в 60 — 70-х годах, война неразрывно связана с судьбами их отцов, с суровыми, но учившими добру и состраданию годами их детства. В их ностальгической прозе тема войны опосредствованна, слышен скорее ее отголосок, эхо, но внимательный слух легко различит в нем и сладкую тоску по детству, и затаенную боль напуганной сиротством, смятенной детской души.

Таков внутренний настрой прозы Заура Цакадзе, чья первая книга под символическим названием «Отец» недавно вышла в «Накадули». (Представляя юным читателям автора, Отар Чхеидзе в предисловии отметил, что Заур Цакадзе начал писать, будучи

рабочим сцены Горийского театра. Если вспомнить, что и вышеупомянутый Заза Бацелашвили, и автор полюбившихся нашим детям стихов Гиви Чичинадзе — драматические актеры, можно сделать вывод, что грузинский театр исправно «снабжает кадрами» нашу детскую литературу).

Помимо рассказов, навеянных детскими годами, в книге Заура Цакадзе представлена и та тема «покинутых деревень», о которой речь шла выше. («Если все горные села переселятся на равнину, ведь эти горы станут похожи на кладбищенские холмы...» — размышляет вслух герой его рассказа «Последний поселенин»). Знаменательно, что в этой же книге тревожно звучит тема ответственности человека за судьбу его «разношерстных соседей», которые за тысячи и тысячи лет этого соседства стали неотъемлемой частью окружающего мира, его красоты и гармоничности, а сейчас все чаще знакомы ему лишь по унылым клеткам зверинца.

Со странным, даже страшноватым человеком делит провинциальный гостиничный кров молодой герой рассказа «Тост за медведей». Но таинственный незнакомец оказывается «освободителем медведей», специально приехавшим в эту глушь, чтобы выпустить на волю томящегося в клетке косолапого — утеху ресторанных кутил. И вот, наутро, рассказчик обнаруживает, что незнакомец исчез, исчез и медведь, а вместо него в клетке заперт разъяренный «ресторатор». В рассказе Заура Цакадзе, при всей видимой парадоксальности, прослеживается четкий замысел — очерствение сердец начинается с самой, казалось бы, незначительной мелочи, жестокость к животным в конце концов оборачивается такой жестокостью к людям, по сравнению с которой поучительное «утреннее заточение» предприимчивого «ресторатора» показалось бы актом гуманизма.

Героиня пьесы Жана Ануя «Дикарка» говорит, что на свете всегда найдется бездомная собачонка, которая помешает ей быть счастливой. Черты этого нравственного максимализма можно заметить и в грузинской детской литературе 70-х годов.

Еще с конца прошлого века темы единения человека и природы, познания истинного лица человека сквозь призму его отношения к окружающему миру, постижения удивительного языка животных и растений легли в основу детских рассказов гениального Важа Пшавела, зачинателей грузинской детской литературы Якова Гогешавили, Шио Мгвимели, Нико Ломоури, Екатерины Габашвили. Примечательно, что уже в начале нашего века эта же проблематика вдохновила Важа Пшавела на создание шедевра его философской поэзии — поэмы «Змеед».

Эта благотворная гуманистическая традиция постоянно ска-

зывалась на общем уровне грузинской детской литературы, и естественно, что наиболее ярко она выразилась в «анималистической» тематике нашей прозы.

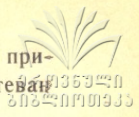
Как и во «взрослой» литературе, будь то «Собака» Нодара Думбадзе, «Мальчик и собака» Арчила Сулакаури или же совсем недавно опубликованная «Нисла» (это кличка лошади) Отара Чхеидзе, в детской прозе наши «младшие братья» как бы испытывают на доброту окружающих — и взрослых и детей, так как их немота и незащитность способны выявить самые потаенные человеческие качества — и трогательное сострадание, и ничем не оправданную жестокость.

Законы литературы универсальны: чем более полноправными персонажами рассказа становятся обитатели лесов и полей, чем причудливей его сюжет и образы, тем естественней превращается он в литературную сказку. Маленьких читателей, конечно же, не удивляет, что в рассказе (читайте — сказке) Реваза Инанишвили «Очень маленький в большом мире» (этот рассказ, как и предыдущие, входит в сборник «Далекая белая вершина») повествование ведется от лица лисенка (это он — «очень маленький»), много чего перевидавшего во время своего недобровольного путешествия из леса в деревню, а из деревни в город.

По обратному маршруту из города в деревню пропутешествует Джони — герой одноименного рассказа Георгия Папуашвили, — смысленный и верный пес, который даже улицу пересекает лишь при зеленом свете. Знакомя нас с Джони, автор хочет сказать — прислушайтесь к мнению своих собак, они прекрасные психологи. (Позволю себе полущутливое отступление и добавлю, что мое общение с собаками ни на минуту не позволяет усомниться в способностях Джони).

Так же, как в свое время прекрасная детская писательница Нино Накашидзе, с какой-то особой, материнской нежностью пишут для детей Кетеван Чилашвили, Нино Безарашвили, Марго Томадзе, Додо Вадачкория, Гугули Тогонидзе; они рассказывают детям об их сверстниках, о волшебном мире леса, об удивительной жизни его обитателей, характеры, привычки и забавы которых, тем не менее, оказываются столь похожими на наши...

Дети есть дети. И в далекие времена Андерсена и Перро, и в недавние — Маршака и Тувима, и сегодня — как естественен и как удивителен их природный антропоморфизм... Какой малыш не поверит, что жил на свете сварливый и непослушный мышонок, который еле спасся от кошки и лишь потом начал слушаться родителей и старших братьев; или же в историю о том, как разжалобила под Новый год соседей-зайчат обжора-лиса, но вывихнула

челюсть, набросившись на принесенные ими лакомства, и ее пришлось увезти на «скорой»! (Это персонажи книги сказок Кетеван Чилашвили).

Уроками доброты воспринимаются маленькие «анималистические» рассказы и сказки Эрлома Ахвледиани, Элгуджи Мерабишвили, Ростома Эланидзе, Карло Табатадзе. Раз уж речь зашла об уроках, нельзя здесь не вспомнить имя Нико Кецховели, три десятилетия назад подарившего детям, пожалуй, единственную тогда в своем роде познавательную книгу о природе Грузии — «В горах и долинах». (Мне остается добавить, что это одна из любимых книг моего детства). В семидесятых годах известный ученый и писатель также опубликовал несколько познавательных книг, сборник миниатюрных рассказов, в которых учит маленьких читателей сыновнему отношению к природе, к памятникам старины, созданным руками и гением их народа, и воспитывает в них чувство ответственности не только перед будущим, но и перед прошлым — чувство историзма.

За последнее время среди маленьких читателей стали очень популярны грузинские литературные сказки, в которых акцентируется приключенческий элемент. Дети действительно благодарные читатели подобных книг — они не разучились понимать язык природы, а их богатое воображение вполне допускает подлинность самых невероятных историй, происходящих в гуще леса, над облаками или же под водой.

Эти захватывающие дух истории рассказали детям писатели, пришедшие в грузинскую литературу в 70-х годах, — Нодар Кекелидзе, Гурам Бедошвили, Юрий Нариманидзе, Муртаз Чахава. Также новое имя в нашей детской прозе — Леван Болквадзе, автор волшебной повести «Приключения мальчика, попавшего в сказку».

Многое придется перевидать маленькому герою этой сказки, которого чары сновидения превращают в подданного капризного и злого царька. Добрый и справедливый мальчик с ужасом увидит, что в этом царстве сникли цветы, умолкли птицы и никак не могут выпечься пироги; он узнает и причину этого — доброта покинула землю злого царька; все часы остановлены в угоду ему; вершится неправый суд, а чудак-профессор, вздумавший «привить» доброту обязательными проповедями, еле спасается от своих же учеников. Мальчик будет в милости у двора — «оберфлормайстером» и «оберкондитермайстером» (ведь лишь в его присутствии распускаются цветы и пекутся пироги), будет и в немилости... Но главное, маленький герой увидит глазами и ощутит сердцем, как проросли редкие семена добра, узнает, что зло не всевластно, «что

во всем этом безбрежном мире лишь добром жила и держалась человеческая душа».

В сказках наших молодых писателей несомненно прослеживается благодатное влияние Люиса Кэролла и Астрид Линдгрэн, Януша Корчака и Юрия Олеши; думаю, сказалось влияние и опубликованной в середине 60-х годов волшебной повести Арчила Сулакаури «Приключения Саламуры», которая в силу своей богатой образности и гротескной двуплановости была рассчитана на взрослого читателя в той же мере, как и на маленького.

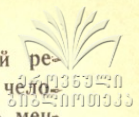
Вторая сказка Арчила Сулакаури «Волшебное платье», написанная уже в 70-е годы, продолжает традицию «Саламуры». Маленькая героиня этой сказки, Мака, одев волшебное платье, поочередно попадает в две враждующие страны — Страну монет и Страну копилков. И царь копилков, и царь монет Драхма первый горят желанием отобрать у гостыи ее золотой талисман — «охранную грамоту»; они уверены, что именно золотого сияния не хватает их медно-гипсовым царствам. Вот и талисман похищен... Но свет не без добрых людей (а если верить сказочникам, и не без добрых животных и птиц!), и ожившее гипсовое фламинго вместе с маленьким бродячим музыкантом Олиле выручают Маку, возвращают ей волшебный талисман, а вместе с ним и свободу. Излишне говорить о том, какое нравственное начало заложено в повествовании о никчемных, алчных «царях», забывших все добродетели и освященные веками обычаи, и о маленьких «бродягах», никак не усвоивших царскую «премудрость».

За последнее десятилетие стало заметным тяготение грузинской литературной сказки к притчевости. Помимо вышеприведенных примеров, можно вспомнить здесь книжку сказок «Ледяной мальчик» Давида Джавахишвили. Но наиболее отчетливо эта тенденция выразилась в сказках-притчах Гурама Петриашвили, которому во многом помогла его первая профессия — поэта. «Любовь — вот истинный врачеватель!» — говорится в одной из сказок Гурама Петриашвили, и эта нравственная максима, безусловно, приложима к обеим его лирическим книгам — «Дождь в маленьком городе» и «Сказки, найденные на чердаке».

По-новому обыгрывая характерные для грузинского фольклора образы и сюжеты, создал прекрасную книгу «Сказок Дачи» Отиа Иоселиани, в то время как сказки Чабуа Амирэджиби, объединенные заголовком «Капля меда», больше тяготеют к традиции грузинской басни, известной нам еще по образцам XVII века, принадлежащим перу выдающегося политического и литературного деятеля той поры Сулхана-Саба Орбелиани.

Отиа Иоселиани, кстати, является также автором занима-

тельной повести «Приключения озорного мальчика»; ее герой решил покорить вершину, «на которую еще не ступала нога человека века». И хотя он не сможет осуществить свою «конкретную» мечту, нетрудно догадаться, что озорной мальчишка все-таки покорил «свою вершину», так как свершил добрые дела и самым достойным образом вышел из всех трудностей и недоразумений своего путешествия.

К своеобразной, исповедальной манере повествования прибегает Тенгиз Гоголадзе в рассказе «Чем я лучше своего отца». Мир переживаний и проблем подростков интересно раскрыт и в книге его рассказов «Девочки и мальчики». Здесь же вспоминается его недавний, очень удачный, хотя и не детский рассказ «Русские мальчики», любовно воскрешающий тепло людской дружбы в дни войны.

Думаю, не случайно в прошлом веке духовный отец грузинского народа Илья Чавчавадзе, решив написать «рождественский рассказ», обратился к исторической тематике. С тех пор «Николоз Госташабишвили» — любимое произведение все новых и новых поколений грузинских читателей. Не увяло и очарование исторической повести бессмертного Акакия Церетели «Баши-Ачуки», исторической прозы Василия Барнова. (В какой-то мере эту традицию доступного юному читателю исторического повествования продолжил позднее, уже в наше время, Леван Готуа). Вместе с тем в течение многих лет историзм, в целом чрезвычайно характерный для грузинской литературы и ярко проявленный в ряде лучших ее образцов, весьма блекло был представлен на «малой» арене детской прозы.

С 70-х годов заметно преодоление именно этого несоответствия. Во-первых, появляются беллетризованные грузинские хроники «Картлис цховреба» («Житие Картли»), принадлежащие перу Вахтанга Челидзе; с неослабевающим интересом читаются и роман-хроника «Сабли без ножен» Левана Саникидзе, и книга «От Машрика до Магриба» Тамаза Натрошвили, повествующего о грузинах, добровольно или принудительно покинувших родину и в течение нескольких столетий принимавших деятельнейшее участие в политической жизни исторического Востока и Запада.

И под конец нельзя не сказать, что грузинская детская проза, становясь «взрослее», все лучше понимает младших и лишь потому вправе учить маленьких читателей различать добро и зло, знакомить их с большим миром, что сама смогла приоткрыть дверь в волшебный, удивительный, добрый мир детской души.

БЕСЕДА С ПОЭТОМ БЕСИКОМ ХАРАНАУЛИ

— Верлибр — новшество грузинской поэзии 70-х годов. У него — своя форма, свое содержание, свой читатель... В значительной мере тяготеет к нему и поэзия молодых. Все это известно, так же как и то, что верлибр, в особенности грузинский, — наименее изученная форма стиха. Процесс вторжения верлибра в грузинскую поэзию происходит на наших глазах, что затрудняет его исследование и формулирование окончательных теоретических выводов. В такой момент огромное значение приобретает взгляд самого автора на свои произведения или литературный процесс в целом. Именно поэтому мы и обратились к вам, батони Бесик. В процессе изучения грузинского верлибра у нас возникло множество вопросов; на часть из них удалось найти ответы, но они требуют подтверждения, иные же вообще остались открытыми. Думается, беседа с вами, а также и с другими поэтами о верлибре в какой-то мере будет способствовать раскрытию проблемы и окажется небезынтересной для почитателей грузинской поэзии.

Верлибр, или «свободный» стих, свободен от рифмы и ритма в том понимании, которое характерно для конвенционного стиха. Так что же делает свободный стих стихом? Отсутствие рифмы в стихотворении вовсе не означает, что это верлибр, поскольку параллельно с ним существует еще и белый стих, также не имеющий рифмы, но с четко выраженным ритмическим строем. Следует отметить, что верлибр нередко приближается к зарисовке, этюду, а это — формы прозаические. Взаимовлияние прозы и поэзии, так же как и их традиционное противоречие, здесь естественны, но если верлибр отрицает рифму и ритм, что же делает его стихом? Не только же графический рисунок?

Б. Х. — Надо сказать, что зачастую любой нерифмованный стих у нас выдают за верлибр, в то время как кроме него существует еще один вид нерифмованного стиха — белый.

К отказу от рифмы грузинская поэзия пришла естественным путем — она оказалась в достаточной степени пытливающей и не

приемлющей ограничений. Разнообразия ради пошла она на этот небольшой безболезненный риск — на некоторое время жила в сторону рифму и подвергла грузинское слово испытанию в неведомой доселе, ситуации. Таким образом, то, что в течение длительного периода имело место в отдельных прекрасных проявлениях, сегодня становится системой, правда, еще не сформировавшейся окончательно.

Свободный стих отличается от традиционного отсутствием рифмы, а от прозы — своей жанровостью. Более животрепещущим мне представляется вопрос: что отличает поэзию от стихотворчества?

Основная черта современного грузинского верлибра в том, что он органически чужд панегиризму, не приукрашивает действительности и по мере возможности говорит правду.

— Это уже семантический аспект верлибра, а не формалистический. Поиски же формы его более интересны, на наш взгляд, и поэтому мы остановимся на одной части вашего ответа... Что вы скажете о рифме? Вы, правда, отрицаете ее в своей поэтической практике, но до сих пор все достижения грузинской поэзии были связаны именно с рифмой.

Б. Х. — Рифма — великое достижение культурной деятельности человека. Для нашего читателя, исключая нынешнюю ситуацию, стих всегда был связан с рифмой. Поскольку я пишу нерифмованные стихи, иные думают, будто у меня имеется что-то против нее. Ничего подобного. Могу привести тысячу аргументов в пользу рифмы точно так же, как тысячу и один аргумент в пользу нерифмованного стиха. Этот один аргумент весьма субъективен, каждый имеет на него право... Рифма — нечто обязательное... для рифмованного стиха. Самое главное, какой из стихов органичен для поэта.

— Почему же верлибр стал органичной формой стиха в основном для поэтов шестидесятых годов, а не раньше? И потом такое всеобщее стремление к нему не может быть объяснено только субъективной, личной склонностью. По-видимому, здесь дело и в иных факторах?

Как вы думаете, является ли верлибр приобретением грузинской поэзии или же он — определенное продолжение традиций духовной поэзии и плачей в голос? А может быть, эта форма стиха — явление стихийное, отголосок литературной моды?

Б. Х. — Я и сам поначалу думал, что свободный стих — явление стихийное, но после долгих споров пришел к заключению: верлибр — вполне закономерное явление в грузинской поэзии. Вообще-то было бы неверно объяснять какое-либо литературное явление

не, исходя лишь из его формы или связей с традицией, в то время как оно, это явление, будучи результатом деятельности целых поколений или представителей различных течений, гораздо шире находит свое выражение не только в поэзии, но и в прозе, а также в других отраслях культуры. Когда дело касается верлибра, речь сразу же заходит о форме. Она бросается в глаза, и ей уделяют большее внимание, забывая о мировосприятии вообще и о таких признаках грузинского верлибра, которые могли быть порождены только нашей действительностью. Короче, грузинский верлибр — явление более широкое, чем это принято полагать. В литературе зачастую случается такое, когда художник в новом ракурсе, под иным углом видит мир и тот поэтический материал, который он отражает.

Что же касается того, приобретение ли верлибр для грузинского стиха или продолжение традиции... Скажем, приобретение. Что в том плохого? Рифма ведь тоже — явление более позднее для нашей поэзии!

— Читатель, привыкший к конвенционному стиху, да нередко и поэты, отдающие ему предпочтение, настроены антагонистически по отношению к верлибру. И наоборот, те, кто предпочитает верлибр, не только своей творческой практикой, но порой также теоретическими и критическими высказываниями противопоставляют его сегодняшней практике конвенционного стиха, высказывая сомнение в его будущем. Самый беспристрастный судья в этом споре — время и литературная жизнь, но нам хотелось бы знать ваше субъективное мнение по этому вопросу, ваше отношение к конвенционному стиху.

Б. Х. — Конвенционный и свободный стих, безусловно, разные вещи, но отнюдь не взаимоисключающие, я бы сказал, дополняющие, обогащающие друг друга. Вообще-то я философски подхожу к происходящим в литературе изменениям, ее течениям... Это естественные процессы. Мне кажется, трудно отрицать конвенционный стих, настолько он вошел в нашу плоть и кровь, настолько мы сроднились с ним.

— С каким стихом связаны ваши первые поэтические опыты — конвенционным или свободным?

Б. Х. — Стихи я начал писать еще в детстве, и вполне понятно, что они были рифмованные и не отличались оригинальностью ни по своей форме, ни по содержанию. Но вот наступил роковой момент, когда мои стихи уже не радовали меня, стали противоречить моей натуре и к тому времени в какой-то степени уже сложившимся взглядам на поэзию. Вот когда мне было очень трудно. Но потом я нашел полное соответствие между

тем, что мне хотелось сказать, и формой, в которую это облито.

— Это значит, что то, что вы хотите сказать, всегда свое выражение только в форме свободного стиха?

Б. Х. — Я давно бьюсь над одним стихом, который обязательно должен быть рифмованным, и почти столько же времени — над нерифмованным. Все никак не закончу. Что происходит? Дело тут не в той или иной форме, а в совершенстве стиха.

— Своеобразное содержание требует и своеобразной формы, только ему соответствующих средств выражения. Иначе не было бы искусства со всеми его многочисленными жанрами. Но нельзя отрицать немаловажную роль в творческом процессе и субъективной склонности творца. Поэту обращение к верлибру, вероятно, обусловлено и субъективными особенностями поэта. Здесь, очевидно, сказывается определенный тип мышления, который не стремится к четко выраженному ритмическому самовыражению и не может ограничить себя рамками обусловленного рифмой стиха.

Б. Х. — Вообще субъективностью объясняется все...

— От чего зависит длина строки вашего стиха? Закономерное чередование слогов здесь исключается, но чем объяснить, что в той или иной строке вашего стиха именно столько-то слогов?

Можно ли произвольно соединить строки в нем, чтобы он получил вид прозаического произведения? Что лежит в основе графического рисунка вашего стиха? Является ли он заимствованным из конвенционного стиха или это внешнее выражение внутренней закономерности?

Б. Х. — Длину строки моего стиха определяет мое дыхание. Она произносится за то время, которое мне необходимо для выдоха.

— Значит, фразу «Стих — мое дыхание» надо понимать в прямом смысле...

Б. Х. — Одно только — ритмическая закономерность опирается не только на дыхание. Кроме того, «ритм дыхания» как регулирующая сила стихотворных строк верлибра далеко не субъективен. Разве люди дышат не одинаково?

Читатель многое прощает поэту, простит и отсутствие рифмы, и отсутствие ритма! Он должен ощущаться в стихе хотя бы далеким фоном. Хотя бы потому, что ритм присутствует во всем, даже в стоячей озерной воде.

— Существует мнение, что конвенционным стихом гораздо труднее выразить то, что у тебя есть сказать, нежели свободным. Каково ваше мнение на этот счет?

Б. Х. — Во-первых, самое трудное — иметь что сказать. И второе, — что именно у тебя есть сказать, поскольку любая мысль, едва зародившись, уже облекается в соответствующую поэтическую форму. Если речь идет о хорошо всем известном, это требует большей поэтизации. Чем больше «незнакома» тема, тем менее устойчивы языковые и поэтические формы.

— Стало быть, в поэтических украшениях нуждается лишь сравнительно известная информация, новой же, неизвестной, они нужны в меньшей степени?

Б. Х. — Приблизительно так.

— Иными словами, если тема сама по себе непоэтична, небанальна, верлибр лишь подчеркнет эту непоэтичность, небанальность?

Б. Х. — Да.

— Только что вы сказали, что «субъективностью объясняется все», но ведь и время оказывает свое влияние не только на темы, но и на формы выражения?

Б. Х. — Безусловно, волну увлечения верлибром вызвала не антиномия, а так называемая техническая революция.

— Хотя спорадически верлибр встречался в грузинской поэзии.

Б. Х. — В том-то и дело, что раньше верлибр был спорадическим явлением, а теперь он весьма привычен и нашему уху, и нашему глазу. У него есть свой читатель. И представить себе грузинскую поэзию без верлибра уже невозможно.

Беседу вел ЛАША ИМЕДАШВИЛИ

ВНОВЬ НА ПРЕЖНИХ ПОЗИЦИЯХ

Профессор Джуаншер Ватейшвили на протяжении многих лет занимается вопросами истории грузинского книгопечатания и, естественно, мы с интересом ознакомились с его публикацией «Грузинские оттиски из Амстердама», напечатанной в «Литературной Грузии» (№ 4, 1981 г., с. 170—178). Она касается статьи «У истоков грузинской типографии» (с приложенными фотокопиями), опубликованной нами в соавторстве с венгерским картвелологом профессором Лайошем Тарди в газете «Коммунисти» (от 7 сентября 1980 года) и преследовавшей цель ознакомить широкий круг грузинской общественности с обнаруженными летом 1980 года венгерским ученым Робертом Даном в университетской библиотеке Амстердама оттисками грузинских шрифтов: асомтаврули, нусха-хуцури (церковного) и мхедрули (гражданского). Они были изготовлены в 1686-87 годах в Амстердаме по заказу царя Арчила выдающимся венгерским типографщиком и резчиком букв Миклошем Кишем (1650—1702). В связи с этим мы высказали свои соображения относительно этого весьма значительного события для истории грузинской культуры и в частности грузинской национальной типографии.

На статью, опубликованную в «Коммунисти», откликнулся выдающийся венгерский специалист по искусству типографского дела и деятельности Миклоша Киша, профессор Дьердь Хайман, который, пересмотрев ранее высказанное им предположение, полностью согласился с нашими выводами (см. Д. Хайман, Сыны другого народа... «Коммунисти», 14 июня 1981 года). Кроме того, как и надлежит истинному ученому, он в своей последней работе «Миклош Киш и начало грузинского книгопечатания» признал, что «следует внести поправки в ранее существовавшее мнение по этому вопросу (речь идет о стокгольмских грузинских оттисках), **которое сейчас уже утратило свою ценность**».

Находка Р. Дана поставила Д. Ватейшвили перед альтернативой: либо признать результаты открытия Р. Дана и подобно Д. Хайману отказаться от своей прежней точки зрения, либо каким-то образом отстаивать уже устаревшую позицию. Д. Ватейшвили предпочел второй путь.

Кстати, он и сам признает, что наша «статья содержит **интересное сообщение**» и что «новизна заключается в том, что **впервые представилась возможность визуально** ознакомиться с тисками амстердамского шрифта, который также **впервые** подтвердил изготовление венгерским мастером наряду с церковным и гражданского шрифта».

Дело в том, что Д. Ватейшвили во всех своих ранее (1973-78 гг.) опубликованных работах утверждал, что шведский (стокгольмский) шрифт грузинских оттисков — асомтаврული и нухахуцури — отлит по матрицам, изготовленным Кишем. Он с уверенностью доказывал и то, что **«наука не располагает амстердамскими оттисками грузинского шрифта, отлитого известным венгерским типографщиком Кишем Миклошем Тотфалушем в 1686—1687 годах в Амстердаме»**.

Здесь следует учесть одно обстоятельство — это заявление было сделано в 1978 году (см. «Вопросы теории и истории журналистики», VI, Тб., 1978, с. 448), то есть сразу по возвращении Д. Ватейшвили из научной командировки, во время которой он посетил книгохранилища Европы, в том числе и университетскую библиотеку Амстердама, где в 1980 году Роберт Дан неожиданно обнаружил именно тот оттиск грузинского шрифта, отлитого Миклошем Кишем, которым, по утверждению Д. Ватейшвили, «наука не располагает»!

Что же должен был предпринять исследователь после того, как, говоря его же словами, он «визуально» убедился в том, что шрифт обнаруженного Р. Даном в Амстердаме грузинского оттиска 1687 года полностью отличается от шрифта шведского оттиска 1703 года?

Д. Ватейшвили объясняет **разность** шрифтов амстердамских (1687 г.) и стокгольмских (1703 г.) оттисков не тем, что они представляют собой различные типографские буквы, изготовленные разными мастерами, в разное время и в разных местах, а тем, что эти шрифты созданы одним и тем же мастером — Миклошем Кишем, в одном и том же месте — в Амстердаме, но на разных этапах работы. И пуансоны, и матрицы одной из разновидностей этих шрифтов впоследствии были использованы в Стокгольме. Вместе с тем, Д. Ватейшвили считает, что шрифт амстердамского оттиска является результатом **раннего** опыта венгерского мастера, а шрифт шведского оттиска — уже **законченным** и **окончательным** вариантом (с. 175).

Будь это сказано наоборот, можно было бы поверить словам исследователя, поскольку амстердамский шрифт с профессиональной точки зрения гораздо совершеннее шрифта шведских оттис-

ков. Это признает и такой авторитетный специалист, как профессор Д. Хайман, который пишет: «Между прочим, стокгольмские буквы **из-за их низкого уровня** не могли удовлетворить весьма требовательных грузинских заказчиков» (см. «Коммунист», 14 июня 1981 года).

Кроме того, как быть со **ширифтом мхедрули** — имеется только его голландский (амстердамский) оттиск. Где же его совершенный, окончательный (шведский) вариант?! Куда он исчез, почему нет его стокгольмских оттисков, если допустить, что они действительно отражают окончательный, итоговый этап работы венгерского мастера? Помимо того, неужели Д. Ватейшвили искренне верит в то, что венгерский мастер **вторично мог вернуться** к уже законченной, столь сложной работе по изготовлению типографского шрифта трех видов азбуки неизвестного ему грузинского языка? Ведь в своих письмах шведскому дипломату Спарвенфельду, находившемуся в то время в Москве, М. Киш подчеркивал сложность вырезания каждой буквы!

Вот на чем основывается Д. Ватейшвили, отстаивая старые позиции и используя для доказательства своего «нового» положения интересный сам по себе шведский архивный материал, правильная интерпретация которого, в действительности, скорее подтверждает нашу точку зрения, чем нашего оппонента.

Нельзя обойти молчанием и хранящийся в шведском городе Упсале документ, о котором Д. Ватейшвили заявляет: «Среди них особого внимания заслуживает **одна из разновидностей грузинских оттисков, выявленных нами** в рукописном отделе университетской библиотеки города Упсалы» (см. «Литературная Грузия», № 4, 1981, с. 175). То же самое Д. Ватейшвили неоднократно отмечал в 1977-78 годах: «В рукописном отделе университетской библиотеки Упсалы мы **обнаружили две до сих пор неизвестные разновидности оттисков**, хранящихся в Стокгольмской королевской библиотеке, о которых мы знали из публикаций известных исследователей К. Бьёркбома и Х. Шарашидзе. Интересно, что об их существовании ничего не было известно самому шведскому историку К. Бьёркбому» («Сабчота хеловизба», № 4, 1978, с. 60) или еще: «Один из двух **обнаруженных нами оттисков различного содержания** известен грузинской историографии: на нем вместе с грузинскими азбуками асомтаврული и нусха-хуцури шрифтом нусха-хуцури набраны тексты молитв «Отче наш» и «Дева Мария, радуйся». **А на другом, до сих пор неизвестном нам оттиске, исполненном также на нусха-хуцури**, передан текст духовного содержания, озаглавленный «Слово в день введения во храм» («Сабчота хе-

ловизба», № 4, 1978, с. 60, см. также «Заря Востока», 4 декабря 1977 года, «Коммунисти», 14 декабря 1977 года).

Итак, из неоднократно повторяющегося заявления Д. Ватейшвили следует, что в 1977 году в университетской библиотеке Упсалы им были якобы впервые обнаружены ранее неизвестные три грузинских оттиска: два из них, оказывается, представляли собой ту же разновидность, что и оттиск, обнаруженный К. Бьёркбомом в 1935 году в Стокгольмской королевской библиотеке, а третий — «Слово в день введения во храм» — до сих пор был-де вообще неизвестен, в связи с чем он опубликовал вместе с другими материалами фотокопию и этого, третьего оттиска (см. «Сабчота хеловизба», № 4, 1978, с. 61).

Грузинская научная общественность с искренней радостью восприняла это известие и положила на него. Поэтому в упомянутой статье, которая была опубликована 7 сентября 1980 года в «Коммунисти», мы назвали этот оттиск «третьим текстом, выявленным Д. Ватейшвили в 1978 году».

Однако благодаря имеющимся у нас теперь материалам становится ясно, что грузинские оттиски, хранящиеся в университетской библиотеке Упсалы, в том числе и «Введение во храм», более 30 лет назад, еще в 1947 году, были обнаружены шведским ученым, университетским библиотекарем **Эриком Греном**, который сообщил об этом 20 сентября того же года академику Корнелию Кекелидзе, прислав при этом и фотокопию текста «Введения во храм». К. Кекелидзе помог Э. Грену разобраться в сути текста «Введения во храм», снабдив его необходимыми советами, на что Эрик Грен ответил письмом, в котором выразил грузинскому ученому искреннюю благодарность (см. Институт рукописей АН СССР, Архив К. Кекелидзе, №№ 442, 340, 443).

Допустим, что в 1977-78 годах Д. Ватейшвили не был знаком с этими весьма важными материалами, хранящимися в архиве выдающегося грузинского ученого, но в статье, опубликованной в апрельском номере «Литературной Грузии» в 1981 году, он обязан был учесть грузинскую научную литературу последних лет, в том числе «Описание личного архива К. Кекелидзе» (Тб., 1979, с. 102, 126) и специальный очерк П. Сихарулидзе, напечатанный во II книге сборника «Мегиоброба» («Дружба»), — «Документы к истории грузинско-шведских отношений» (Тб., 1981, с. 277, 279), где идет речь об указанных материалах.

Кроме того, во время последней нашей научной командировки в Лондон известный английский картвелолог профессор Д. Ланг передал нам письма Эрика Грена, которые еще раз подтверждают,

что шведским ученым уже давно были обнаружены грузинские оттиски, хранящиеся в Упсале.

Вместе с тем, особо следует отметить, что упсальские **уже давно были отражены в иностранной научной литературе.** Так, в 1958 году в Будапеште выходит труд Ласло Орсага, который, оказывается, великолепно осведомлен о них и даже приводит фотокопию «Введения во храм». Кроме Л. Орсага, на грузинские оттиски, хранящиеся в Упсале, ссылаются Д. Хайман (Будапешт, 1972), Ж. Яко (Бухарест, 1974), Р. Дан (1980) и другие.

К сожалению, Д. Ватейшвили не учел первоисточников и специальной научной литературы и потому допустил в своей статье и другие неточности, а также фактические ошибки. Вот некоторые из них.

Полемизируя с нами по поводу второго приезда в Россию известного голландского ученого и политического деятеля XVII—XVIII вв. Николы Витцена (1641—1717) и его знакомства с царем Арчилом, Д. Ватейшвили пишет: «Здесь допущена неточность: будущий бургомистр Амстердама Никола Витцен побывал в Москве в 1664-65 годах в составе голландского посольства, возглавлявшегося Я. Бсрелем. После этого в Россию он не приезжал. Царь Арчил же впервые прибыл в Москву в начале 1685 года. Поскольку они лично не были знакомы, заочное общение между ними, а затем и переписка завязались через И. Г. Спарвенфельда, который проживал в Москве не в 1686 году, а в 1684-85 годах (тесные отношения с Арчилом на основе некой общности научных интересов сложились у него именно в 1685 году, до возвращения в Стокгольм в начале 1686 года)».

Здесь исследователь допускает целый ряд неточностей и фактических ошибок, на которых мы вынуждены остановиться.

Во-первых, Никола Витцен впервые приехал в Москву в 1664 году вместе с голландским посольством, возглавляемым тогда Яковом Борелем, и этот факт хорошо известен из биографии Витцена, то же самое мы отмечали в работе, опубликованной еще в 1978 году (см. «Сабчота хеловнэба», № 1, 1978, с. 42). Однако, следует отметить, что биографы Николы Витцена (А. И. Ван Дер Ла, И. Ф. Гебгард, К. Мюллер, П. Пекарский, В. Герье, А. Браудо, С. Бахрушин и др.) так и не пришли к единому мнению по вопросу о втором приезде Н. Витцена в Москву — одни отрицают эту версию, другие — поддерживают. Что касается известного исследователя грузинской колонии в Москве Вл. Татишвили, он не ставил под сомнение факт второго приезда Витцена в Москву и его личного знакомства с Арчилом (см. «Грузины в Москве»,

202.00010033

Тб., 1959, с. 257). Однако мы имеем в виду совершенно **другое:** царь Арчил в своем известном письме от 17 декабря 1687 года сообщает Витцену: «Потом мы узнали от **занимающего Ваше место** покровителя Барно Клара...». Итак, Арчил здесь совершенно ясно пишет Витцену, что «покровитель Барно Клара», то есть резидент Генеральных штатов Голландии в Москве барон Иоганн Виллем Келлер «занимает Ваше место»! Итак, из слов Арчила следует, что барон Келлер находился в Москве вместо Н. Витцена, иными словами, Келлер занял пост резидента Голландии в Московском царстве вместо Витцена. Когда же это должно было произойти? Нам доподлинно известно, что в 1664-65 годах, во время первого приезда Витцена в Москву, он не занимал официального поста в посольстве Бореля; 23-летний молодой человек был увлечен тогда чисто научными интересами.

В таком случае как же следует понимать приведенные слова в письме Арчила? Они нуждаются в объяснении, а не в огульном заявлении — «здесь допущена неточность», тем более, что за этим заявлением следует, как было отмечено, целый ряд неточностей, допущенных Д. Ватейшвили, в частности не соответствуют истинные сведения исследователя о том, якобы «И. Г. Спарвенфельд проживал в Москве не в 1686 году, а в 1684-85 годах». В действительности, из монографии шведского ученого Карла Якобовского (Стокгольм, 1932) точно известно, что выдающийся дипломат и ученый Иоганн Габриэль Спарвенфельд (1655—1727) находился в Москве со 2 мая 1684 года до 19 августа 1687 года, следовательно, ошибочно и второе заявление Д. Ватейшвили о том, что «И. Г. Спарвенфельд вернулся в Стокгольм в начале 1686 года». Однако более всего поражает настойчивое утверждение Д. Ватейшвили, что «царь Арчил впервые прибыл в Москву в начале 1685 года», в то время как сегодня в грузинской научной литературе уже с документальной точностью установлено (Ал. Барамидзе, Г. Пайчадзе), что царь Арчил впервые приехал в Москву не в начале 1685 года, а в конце, точнее 14 декабря 1685 года! Так что следующее суждение Д. Ватейшвили о том, что «у Спарвенфельда на протяжении 1685 года, когда он проживал в Москве, установились довольно тесные, доброжелательные отношения с царем Арчилом, что подтверждается не одним историческим источником» (с. 174—175), вызывает просто недоумение. Какие «исторические источники» имеет в виду Д. Ватейшвили, если из всех исторических источников, которыми располагает наша наука, известен единственный неопровержимый факт — царь Арчил впервые прибыл в Москву 14 декабря 1685 года! Так каким же образом Спарвенфельду на протяжении 1685 года удалось «установить доволь-

но тесные, доброжелательные отношения» с Арчилем в Москве, если грузинский царь еще не прибыл в столицу Российской империи? Спарвенфельд не мог установить этих отношений с царем Арчилом и в последующем 1686 году, поскольку, по утверждению самого Д. Ватейшвили, шведский дипломат уже «в начале 1686 года вернулся в Стокгольм», в то время как из документального сведения К. Якововского (Стокгольм, 1932, с. 50—78) известно, что Спарвенфельд находился в Москве со 2 мая 1684 года до 19 августа 1687 года и действительно имел тесную связь с царем Арчилом, который прибыл сюда 14 декабря 1685 года (см. **К. Якововский**, Иоганн Габриэль Спарвенфельд, Стокгольм, 1932, с. 63, 69, 71, 92, 376).

Неверно также и другое сведение Д. Ватейшвили о «неоднократных отъездах царя Арчила из России в Грузию» (с. 171). Из исторических источников нам хорошо известно, что Арчил **всею один раз** — летом 1688 года — отправился из Москвы в Грузию и после вторичного приезда в Москву в 1699 году навсегда поселился там.

Явно надуманно утверждение Д. Ватейшвили, что отливке грузинского шрифта, которую осуществил известный русский типографщик М. Ефремов в Московской казенной типографии под непосредственным руководством царя Арчила, а также изданию в 1705 году в России первой грузинской печатной книги «Давитни» («Псалмы Давида») во многом способствовали изготовленные Кишем в Амстердаме пуансоны и матрицы грузинского шрифта, пересланные из Стокгольма Александром Батонишвили и использованные в качестве образцов (с. 177—178).

Известный историк грузинской типографии Х. Шарашидзе уже давно установила, что «сличение пробных шрифтов «Давитни» 1705 года и стокгольмского 1703 года **не показало их тождественности**. Это обстоятельство **отрицательно решает** вопрос использования Арчилом во время печатания «Давитни» шрифта, отлитого в 1686—1687 гг.: «Давитни» **напечатан другим шрифтом**» (см. «Грузинский шрифт в Амстердаме», 1937, с. 30).

С этим заключением Хр. Шарашидзе согласился К. Бьёркбом и другие. Что касается недавно выявленного Р. Даном амстердамского шрифта грузинских оттисков, то и его сличение с московским шрифтом «Давитни» 1705 года **не показало их тождественности**. Так что полностью исключается вопрос об использовании пуансонов и матриц шрифта Киша в качестве образцов при издании в 1705 году в Москве «Давитни», также как и тот факт, что М. Киш выслал Спарвенфельду из Амстердама в Швецию грузинский шрифт, который был использован для грузинских от-

тисков, изготовленных в Стокгольме под руководством Арчиловича.

С той же легкостью Д. Ватейшвили решает вопрос о том, что «сын царя Арчила Александр, будучи участником «Великого посольства» 1697-98 годов в Голландии, **не проявил заботы** об изготовлении грузинского шрифта, полагая, что эта трудноосуществимая тогда задача уже выполнена» (с. 171).

Здесь Д. Ватейшвили совершенно очевидно имеет в виду («согласно принятому в специальной литературе мнению») версию пересылки Кишем матриц грузинского шрифта, изготовленных им в Амстердаме, Спарвенфельду, который должен был передать их в Москве Арчилу. Однако ранее «принятое в специальной литературе мнение» сегодня уже окончательно опровергнуто открытием Р. Дана.

Что касается утверждения Д. Ватейшвили о том, что в 1697-98 годы, «будучи участником «Великого посольства» Петра Первого в Голландии, сын царя Арчила Александр не проявил заботы об изготовлении грузинского шрифта», мы должны сказать: до сих пор в научной литературе не принимается во внимание благодарственное письмо царя Арчила Н. Витцену, составленное либо в конце 1699, либо в начале 1700 года на латинском языке, из которого следует, что, будучи участником «Великого посольства» в Голландии, сын Арчила Александр «благодаря любви и заботам» амстердамского бургомистра Николы Витцена «обогатился различными знаниями», а сопоставление сведений Я. Схельтема, И. Копиевского, а также П. Пекарского показывает, что под этим «обогащением различными знаниями» подразумевалось овладение Александром Батонишвили в Амстердаме типографским искусством. Это не удивительно. Следовало ожидать, что Арчил специально поручит Александру Батонишвили изучить типографское искусство. Ведь царю, инициатору создания грузинской типографии, предоставлялась прекрасная возможность: его сын отправлялся в Голландию, страну, где книгопечатание находилось на высоком уровне развития, а пост бургомистра Амстердама занимал его давний друг Н. Витцен, с помощью которого Арчил еще в 1687 году собирался получить грузинский шрифт и оборудование для типографии! Поэтому у нас нет никакого права считать, что, будучи участником «Великого посольства» в Голландии, Александр Батонишвили не проявил никакой заботы об изготовлении грузинского шрифта.

Думается, приведенных примеров вполне достаточно, чтобы внести ясность в данный вопрос.

ВРЕМЯ, УЩЕДШЕЕ В КНИГУ

5.

1858 год начался террористическим актом: итальянский конспиратор Феликс Орсини покушался на жизнь Наполеона III. Император отделался испугом, конспиратор был схвачен и вскоре казнен. Инцидент, однако, этим не ограничился. Волна политической подозрительности прокатилась по стране, ущемляя и без того ущемленные свободы. В письме к матери (20 января) Бодлер так комментирует наступившую реакцию: «Я прочел в «Монитере»... декрет императора, запрещающий деятельность одного журнала и одной газеты («Ревю де Пари», «Ле Спектатер»)... боюсь, не начало ли это нового периода ЕЩЕ БОЛЬШЕГО НАСТУПЛЕНИЯ НА СВОБОДУ. Речь императора во дворце Тюильри полна угроз... Если станут запрещать периодические издания, если подчинят цензуре театры и книжную торговлю, как мы тогда жить будем?»

К счастью, страхи Бодлера довольно быстро рассеялись. Наполеоновский тоталитаризм воочию проявлял симптомы внутреннего разложения. Окрики «сильного» человека создали лишь суету в рядах блюстителей порядка, и то не надолго. Коррупция в социальном организме империи так глубоко укоренилась, что практически диктовала свои неписанные законы, при помощи которых она извлекала пользу, в том числе и из свобод. Бодлер, став в результате процесса «скандальным» литератором, находил себе неожиданных покровителей в среде цинически настроенных бюрократов и даже сановников. Некоторые исследователи считают даже, будто поэту весьма ловко удалось приспособиться ко Второй империи, день создания которой он называл самым «черным» днем в своей жизни. А чем они это подтверждают? Очевидно, лишь тем, что именно после процесса чиновники, используя мизерные фонды на нужды науки и литературы, предостав-

Окончание. Начало см. в №№ 3 и 4.

ленные министерству просвещения, а затем переданные министерству двора, одаряли поэта жалкими подачками, особенно после того, как Фульда сменил Валевский, побочный сын Царя на I и польской аристократки Ванды Валевской. Так, в период работы над вторым изданием «Цветов Зла» (1858 — 1861) Бодлер получил 1200 франков в качестве разных поощрений за публикации своих переводов, эссе и критических статей, а последние 200 франков ему вручили... как компенсацию за моральный ущерб, причиненный... процессом! Вот до чего всепильный Валевский ненавидел министра внутренних дел Бийо.

Если в этом усматривать «приспособление», то не Бодлер «приспосабливался» к империи, а она в лице отдельных своих приспешников своеобразно «приспосабливалась» к нему. Что же толкало их к выражению симпатий по отношению к поэту? Скорее всего снобизм. Им часто одержима посредственность, когда ей приходится играть роль, явно превышающую ее возможности. А такую роль играла не только официальная политика, но и официозная пресса, литература и искусство. Окруженный торжествующей пошлостью маленьких французов, играющих роль великих выразителей великой нации, Бодлер духовно задыхался в этой затхлой атмосфере, а не «приспосабливался» к ней. В своем знаменитом письме к Рихарду Вагнеру от 17 февраля 1860 года, которое он назовет КРИКОМ, поэт отметит: «...этот крик может иметь весьма СВОЕОБРАЗНОЕ значение, поскольку исходит от француза, а это значит от человека, мало расположенного к энтузиазму, и уроженца страны, где мало что смыслят как в поэзии и в живописи, так и в музыке... я бы еще долго колебался засвидетельствовать Вам письмом мое восхищение, если бы мне ежедневно не попадались на глаза недостойные и глупые статьи, авторы которых прилагают все усилия, чтобы исказить Ваш гений. Вы не первый человек, сударь, перед лицом которого мне не раз приходилось страдать и краснеть за свою страну».

Встреча с Вагнером, о творчестве которого Бодлер напишет эссе (май 1861), была очищением через ВЕЛИКОЕ, очищением от всего мелкого, гадкого, пошлого. По мнению поэта, в музыке великого немца «все представляет величие, все толкает к величю. Во всех Ваших творениях я нахожу торжественность великих шумов, великих аспектов Природы и торжественность великих человеческих страстей». Да, он знал психологию Второй империи, чутко реагировал на все происходящее и в стране, и в Европе. Популяризатор Эдгара По, поэт вместе с тем выступал и как убежденный критик АМЕРИКАНИЗАЦИИ жизни; апологет Гофмана, Вебера и Вагнера, он видел и гримасы прусского ду-

ха. Но больше всех Бодлер ненавидел среднеарифметическую Францию. Маленьких французов, болтунов и фанфаронов, их официальную культуру, рассадницу пошлости. Вскоре он доверил матери: «...верю в предстоящий развал Империи.. Ни для кого не секрет тяжелое состояние здоровья императора. В случае худшего для него никто не верит ни в прочность конституции, ни в прочность регенства.. Однако все те, кто желает возвращения принцев из орлеанской ветви, те, кто верит в возможность Республики без беспорядков, и те (их очень мало), кто воображает, будто имперская конституция будет сохранена, все они желают одного: БОЛЬШЕ СВОБОД; мы слишком долго были их лишены». Это писалось 25 июля 1861 года, за девять лет до окончательного развала империи, до чего поэт не дожил, как не дожил и до Коммуны, в которой, я убежден, он принял бы участие, как в дни своей молодости — на июньских баррикадах 48 года.

Год 1858 встревожил Бодлера не только зигзагами имперской политики, последствия которой, казалось, способны осложнить его профессиональную жизнь. 11 января он сообщает матери: «...очень трудно ходить, опухла правая нога и не сгибается... одни говорят — судорога, другие — невралгия... с желудком, правда, лучше благодаря эфиру, а колики утихомирил опиум. Но опиум имеет жуткие последствия». Через девять дней, однако, поэт отметит: «Нога восстановилась. Что с ней случилось — понятия не имею, длилось это, однако, долго и причиняло немалую боль». Как долго — трудно точно высчитать; легче предположить, что тревожное сообщение от 11-го числа продиктовано крайностью. С другой стороны, в декабрьских письмах минувшего года Бодлер на здоровье не жаловался, скорее наоборот — строил планы более интенсивной работы и обвинял лишь свою «лень»; следовательно — понятие «долго» укладывается в рамки одного месяца. Симптомы, отмеченные в письме, у венерологов особых сомнений не вызывают. Нет, это еще не кризис, а лишь начало постепенного разрушения организма. «Первый звонок» поэт зафиксирует ровно через год: «Позавчера ощутил своеобразное кризисное состояние...»

Да, конечно, Бодлер знал, что вынашивает в себе преждевременную смерть, но эти внезапные напоминания в возрасте 36—37 лет отнимали последние надежды на более или менее прочный запас времени. Как известно, внутренняя паника самый страшный враг. Поэт уже не мог обходиться без наркотиков; они приносили ему временное облегчение, но они же, частично отодвигая болезнь, увеличивали и долги. Еще через год, обращаясь к матери, он не без отчаяния в голосе подытожит: «Если бы ты знала, какие мысли одолевают меня: страх умереть, не завершив

то, что предстоит мне сделать... ужас при мысли об юридической опеке (приходится произносить это слово), подвергающий меня пытке и днем и ночью; наконец, а это, возможно, печальней всего остального, страх никогда не излечиться от своих пороков. Вот она, повседневность моих мыслей. А пробуждение! С глазу на глаз с реальностью: имя мое, бедность моя...»

Ухудшение здоровья, договорные обязательства перед Мишелем Леви (собрание сочинений Эдгара По), перед Пуле-Мальассе (отдельные книги критики и эссеистики) и даже перед юстицией (перездание «Цветов Зла»), несостоявшаяся личная жизнь, материальные расходы, связанные с проживанием в отелях, и, наконец, с годами все более усиливающееся чувство одиночества еще накануне 1858 года приводят Бодлера к мысли покинуть столицу и обосноваться у матери в Онфлере, в ее домике с видом на Па-де-Кале.

После смерти генерала между матерью и сыном постепенно устанавливаются теплые отношения, скрепленные обоюдным ощущением одиночества. Целый год ведут они оживленную переписку на предмет переезда Шарля и совместной их жизни. Переписка подкрепляется пересылкой личных вещей поэта и размещением их в комнатке с видом на море. Мешают издательские дела. Идет набор «Пима» с четкой верстки и корректур; предстоят срочные поставки материалов для журнала «Ревю контампорэн», предусмотренные контрактом. И разного рода другие дела: погашение или отсрочка неотложных долгов, роман с Мари Добрен, этой смутной и уже последней надеждой на счастье в интима. В начале января 1859 года, прося у директора аванс, поэт объяснит: «...1000 франков... возможно и помогут мне сбежать из Парижа... уже год, как я усердно вынашиваю этот проект. Живу в страшной суете; все мое время проходит в бесплодной беготне до такой степени, что даже опасаясь, сумею ли я здесь «родить» для Вас последние страницы «Опнумоеда»; только там, в том маленьком уголке, о котором я Вам говорил...»

В Онфлере Бодлер предполагал не только завершить «Опнумоеда» (основу «Искусственных эдемов», 1860), но и вплотную приступить ко второму изданию «Цветов Зла». Наконец, 27 января 1859 года поэт поселится в своей комнатке, где безвыездно проживет до конца марта, а затем вернется на май и июнь. К сожалению, срочные (издатели), неожиданные (болезнь Жанны) и запутанные дела (кредиторы) так и не дадут поэту возможности постоянно проживать в Онфлере, но мечту об этом он будет вынашивать до самой смерти. Он очень хотел жить в Онфлере, там работать, вслушиваясь в шум морского прибоя, проводить ве-

чера у камня рядом с единственно близким ему человеком — матерью. Но смерть назначила ему свидание в другом месте. На чужбине. В Бельгии.

Работа над вторым изданием «Цветов Зла» совпала с периодом завершения целого ряда важных творческих замыслов Бодлера. Прежде всего он осуществлял многолетний труд над переводами сочинений Эдгара По (вышли «Необыкновенные истории», 1856, и «Приключения Артура Гордона Пима», 1857; в работе находились «Эврика», «Элеонора» и «Страшный ангел»); предстояло подготовить, переделывая, дописывая и пополняя, уже обещанную Мальвасси «Эстетическую смесь», другими словами — обобщить двадцатилетний опыт в области литературной критики, не говоря уже об очерках, посвященных Теофилю Готье и Рихарду Вагнеру, о переводе исповеди Томаса Кинси, требующих безотлагательной сдачи в набор. Что же касается поэзии, то Бодлер осмысливал и уже частично осуществлял замысел книги стихотворений в прозе, которая выйдет уже посмертно под названием «Парижский сплин» или, как ее иногда титрируют, «Сумерки Парижа».

Как читатель помнит, Бодлер считал «Цветы Зла» вполне завершенной книгой и не приступал бы к ее пересмотру, не появившись на то воля трибунала. Дело в том, что существовал такой закон, странный или скорее лицемерный, предусматривающий в ОБЯЗАТЕЛЬНОМ порядке переиздание осужденных книг со внесением исправлений, указанных в приговоре. Изъятие из «Цветов Зла» шести стихотворений требовало замены их, как минимум, ровным таким же количеством или, по желанию то ли автора, то ли издателя, большим. Казалось бы, что проще: запретили шесть из ста одного стихотворения, переиздавай разрешенные 95. Так нет же. Ты должен доказать, что «исправился», следовательно — замени запрещенные ПРИЕМЛЕМЫМ, иначе книга не будет считаться ИЗДАННОЙ. Когда мы говорим ВТОРОЕ издание, то следуем лишь логике событий, ибо то, что мы называем ПЕРВЫМ в соответствии с истиной, на языке правосудия называлось АННУЛИРОВАННЫМ изданием. Бодлеру предстояло издавать книгу как бы ВПЕРВЫЕ, а не просто приступать к очередному ее переизданию. Творческой необходимости в этом не было. Поэт уже создавал новую поэтическую книгу. К счастью, юстиция не указывала конкретных сроков сдачи осужденного творения, ограничиваясь формулировкой «ЧТОБЫ КНИГА МОГЛА БЫТЬ ИЗДАННОЙ». Разумеется, Бодлеру нужно было сделать ВСЕ для того, чтобы книга БЫЛА! Но как заменить то, что в замене не нуждалось? И чем заменить, если то, что подлежало замене, носи-

ло принципиально содержательный характер? Речь ведь шла об изъятии ЦЕЛОЙ ТЕМЫ. Таким образом, поэту предстояло не создавать НОВУЮ ТЕМАТИЧЕСКУЮ ЛИНИЮ или же, скорее, существенно обогатить РАЗРЕШЕННОЕ в содержании. Бодлер сделал и то и другое, в результате — фактически написал как бы «на полях» старой книги вторую НОВУЮ книгу, насчитывающую не шесть, а тридцать два новых названия.

19 сентября 1858 года журнал «L'Artiste» напечатал сонет Бодлера под латинским названием «Duellum», содержащий в финале призыв: «Бездна эта — ад, населенный друзьями... бросимся в нее, чтобы увековечить ярость нашей ненависти!». АД обозначал окружающую действительность, куда предстояло окунуться, ибо «сломались наши мечи, как и наша молодость». Сонет, очевидно, написан незадолго до его публикации, где-то в июле или августе. Целый год Бодлер стихов не писал, не считая, конечно, заготовок к поэтической прозе. Метрический стих предназначался для «Цветов Зла», и потребовался немалый срок, пока он смог вновь вернуться к сонетам и прочим рифмованным формам. Так, 12 февраля он пожалуется матери: «И эти проклятые «Цветы Зла», к которым придется вернуться! А для этого нужен покой. Возвращаться к поэзии, причем искусственно, одним усилием воли, возвращаться в колею, которая казалась окончательно проторенной, заново братья за сюжет, исчерпавший себя, и все это ради подчинения воле трех законников...» Как видим, творчески Бодлер уже отходил от рифмованной поэзии, но «браться за сюжет, исчерпавший себя», было необходимо. Не без скрипа работа возобновилась.

5 ноября Бодлер посылает Мальасси для его аленсонской газеты сонет «Одержимый» с припиской: «Начинаю верить, что вместо ШЕСТИ ЦВЕТОВ сочини двадцать». Цифрой 20 поэт будет долго себя ограничивать; он даже внесет ее в контракт. Печатавать «Одержимого» Мальасси, однако, отказался, поскольку усмотрел в нем возврат к теме запрещенного порока. В сонете поэт «тушит лампаду солнца» и «зажигает луну», которой он предлагает «развевать скуку» в местах, «загроможденных Безумьем»; он предлагает ей, новой своей подруге, превратиться в «черную ночь» или в «красную зарю», ибо все фибры в его душе кричат: «Обожаю тебя, дорогой Вельзевул!» А ведь судьи особенно подчеркивали тлетворное присутствие в поэзии Бодлера фигуры дьявола.

Прежде чем Бодлер вплотную приступил к работе над пополнением «Цветов Зла», ему было сделано предложение издать книгу в ее первоначальном виде в Бельгии, о чем он сообщит в феврале

1858 года матери: «Вопрос серьезный, и я не знаю, как поступить, ибо возможны осложнения». В письме к Мальасси того же года поэт сводит серьезность вопроса к следующему: «В ОТНОШЕНИИ ВТОРОГО ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ для Бельгии, я думал о Вашем возражении, точнее о том, что издание в Бельгии отрицательно повлияет на продажу эниного количества экземпляров Вашего второго французского издания». Мальасси, однако, особых возражений не выдвигал, но это не успокоило щепетильного Бодлера. Через несколько дней он ответит: «Вы сочли нужным компенсировать меня, давая мне полную свободу в отношении бельгийского издания, но я этим не воспользуюсь. ТО, ЧТО СИЖУ БЕЗ ГРОША, — ЕЩЕ НЕ ПОВОД СОВЕРШАТЬ ГЛУПОСТИ. Лишь одно, на мой взгляд, способно примирить наши интересы, а именно — если бельгийский издатель возьмет на себя обязательство реализовать весь тираж за четыре или пять месяцев. Но не кажется ли Вам абсурдной такая гипотеза?». Действительно, «гипотезу» эту разумной не назовешь, но и не в этом суть. 7 марта поэт окончательно отвергнет предложение: «Я ничего не сделал в отношении Бельгии; нахожу предмет слишком серьезным, чтобы действовать без Ваших советов... Чувствую, что, в итоге, поврежу французскому изданию». Так что же В ИТОГЕ чувствовал Бодлер? Думаю, коммерческая сторона дела не была для него решающей. Ведь бельгийское издание особых сумм ему не сулило. Восстановить книгу в Бельгии было, правда, заманчиво, но это от обязанности выпускать новое издание во Франции не освобождало. Вместе с тем, действия в обход французского законодательства могли вызвать новое судебное разбирательство, а это означало бы АННУ-ЛЯШЮ и второго издания. Бийо еще сидел в кресле министра.

10 ноября 1858 года Бодлер сообщает Калонну: «Новые ЦВЕТЫ ЗЛА» начаты; но Вам я дам стихи лишь тогда, когда их наберется целый ЛИСТ. Трибунал требует замены шести пьес. Я же, возможно, напишу ДВАДЦАТЬ». Поэт подписал с де Калонном, редактором журнала «Ревю контампорэн», контракт на регулярную ежемесячную сдачу материалов, в том числе и стихов, а если быть точнее — то ПРЕЖДЕ ВСЕГО стихов, ибо Калонн весьма невысоко ценил Бодлера-критика, переводов же из Эдгара По поэт ему поставлять не мог из-за запрета издателя Леви, купившего все права на издание этого американского писателя.

1 января 1859 года Калонн получит первые два стихотворения от обещанного «листа» — «Танец смерти» и сонет «Сизина». О первом будет сказано: «Вы отметите в стихах о СКЕЛЕТЕ мое тяготение к кричащей прозе старинных ПЛЯСОК СМЕРТИ и к средневековым аллегорическим образам. Эта небольшая доза сти-

хов ничуть не помешает той большой (несколько более неожиданной), которую собираюсь изготовить для Вас в Онфлере. Хочу знать, понравились ли Вам сонет и ПЛЯСКА СМЕРТИ». Сонет «Сизина» связан с некоей Элизой Ниери, экстравагантной женщиной, гостившей у Аполлонии Сабатье. Итальянское происхождение прототипа и сравнение Сизины с Теруань, молодой парижанкой, вдохновлявшей в свое время санкюлотов на взятие Бастилии, показались редактору подозрительными с точки зрения политического момента: покушение на Наполеона III.

Что же касается «Танца смерти», то эта пьеса устроила придирчивого редактора главным образом оригинальностью и необычностью темы. Лишь посвящение стихотворения скульптору Кристофу смутило его. Бодлер спешит успокоить своего редактора: «...пишу эту фамилию в знак благодарности... Заверяю Вас, г. Кристоф — человек, более чем достойный, так что имя его не скомпрометирует Ваш журнал. Он — автор фигуры «Больш», показанной на Всемирной выставке, а также превосходной скульптуры для Лувра». Такая рекомендация успокоила Калонна, но слово «gouge», которым поэт именуется смерть, вызвало его возражения. В письме от 11 февраля поэт защищает это слово, приводя аргументы, вполне подходящие для выявления основной идеи стихотворения: «GOUGE» — превосходное слово, уникальное, применяемое к ПЛЯСКЕ СМЕРТИ и современное эпохе, когда такие пляски практиковались. Налицо ЕДИНСТВО СТИЛЯ, ибо первоначально это слово обозначало КРАСАВИЦУ, впоследствии им стали называть куртизанку, следующую за армией в эпоху, когда не только солдаты, но и священники в поход отправлялись, имея в арьергарде куртизанок... Разве СМЕРТЬ — не та же куртизанка, повсюду следующая за ВЕЛИКОЙ ВСЕМИРНОЙ АРМИЕЙ и из объятий которой никто ПОЛОЖИТЕЛЬНО ВЫРВАТЬСЯ НЕ МОЖЕТ? Здесь все точно — колорит, антитеза, метафора... ПЛЯСКА СМЕРТИ — не лицо, а аллегория».

Воспоминание — первый гость, посетивший поэта в Онфлере. Оно явилось в рокоте бушующей рядом стихии. Как мы уже знаем, воспоминание у Бодлера неразлучно с морем, его поэтической колыбелью и первым грандиозным потрясением в жизни. Поэт вспомнил спутников своего индийского путешествия: команду капитана Сализа, попутчиков своих — породистых лошадок, отправляемых в Индию, и, конечно же, белых могучих альбатросов, в облаках сопровождающих корабль. В эстетических рассуждениях, где символом творца выступали КОШКИ, существа земные, не хватало птиц, хотя и присутствовало ПАРЕНИЕ в виде вознесения творца над землей. Альбатрос должен был восполнить этот про-

бел. Стансы, созданные поэтом, поражают своим сопряжением реалистических деталей (игры матросов с птицей, упавшей на палубу) и аллегорической экспрессии. Альбатрос, упавший с небес, творец, которому «гигантские крылья мешают ходить по земле».

Море стало фоном и для глубоких раздумий в самом большом по объему цикле «Плавание», финала второго издания «Цветов Зла» и ключевой пьесы в разделе «Смерть». В море происходило рождение поэта. В океане желал он встретить смерть, ибо смерть — «наш капитан», а подлинные творцы — матросы ее. Бессмертие объединяет их. Несмышленому ребенку, «влюбленному в карты и эстампы», мир кажется ОГРОМНЫМ; в глазах же Воспоминания он — «НИЧТОЖНО МАЛ». Чуть повзрослев, мы рады покинуть насиженные места, «убаюкивая собственную бесконечность конечностью морей». Не находя СОВЕРШЕНСТВА дома, мы ищем его, блуждая по свету, так как верим в ПРОГРЕСС. «Странные путешественники», возвращающиеся с глазами, «глубокими, как море», так что же повидали вы? — вопрошает их поэт. Ответ приведу в очень точном переводе Марины Цветаевой:

Но чтобы не забыть итога наших странствий:
От пальмовой лозы до ледяного мха —
Везде — везде — везде — на всем земном пространстве
Мы видели все ту ж комедию греха:
ЕЕ, рабу одра, с ребячливостью самки
Встающую пятой на мыслящие лбы,
ЕГО, раба рабы, что в хижине, что в замке
Наследственном: всегда — везде — раба рабы!
Мучителя в цветах и мученика в ранах,
Обжорство на крови и пляску на костях,
Безропотностью толп разнузданных тиранов —
Владык, несущих страх, рабов, метущих прах.
С десятков или два — ЕДИНСТВЕННЫХ религий,
Всех сплошь ведущих в рай — и сплошь вводящих в грех,
Подвижничество, так носящее вериги,
Как сибаритство — шелк и сладострастье — мех.
Болтливый род людской, двухдневными делами
Кичащийся...

В Онфлере родилась и идея введения во второе издание НОВОГО раздела под названием «Парижские картины», долженствующего сгруппировать в одном месте все урбанистические зарисовки. Бодлеру показалось, что они недостаточно полно представлены в первом издании. Три замысла в этом направлении, воз-

никшие в Онфлере, поэт завершает в начале апреля в Париже и уже 29-го отсылает их Мальасси: «Сделаны новые ЦВЕТЫ». Ломают все, словно взрыв газа в мастерской стеклодува. «Взрывом» оказались пьесы «Лебедь», «Семь стариков» и «Старушки», посвященные Виктору Гюго. Стихотворение «Семь стариков» поэт отослал Морелю в журнал «Ревю франсез» со следующей припиской: «Труд, которого эти стихи мне стоили, решительно не может служить доказательством в пользу их качества; это первое стихотворение той новой серии, которую я пытаюсь создать, хотя и боюсь, не выхожу ли я здесь за пределы самой поэзии». Морель согласился с тем, что Бодлер за эти пределы вышел, и стихотворение не напечатал. Что же так смутило его? Полагаю, гротескность совершенно нового свойства, воспринятая как явление поэзии лишь в наш XX век. Семь уродливых старцев, похожих друг на друга, как близнецы, вышли навстречу поэту из влажного, подернутого туманом парижского сылина. Аллегория ли это на тему «вечной юдоли»? Символы ли некой «метафизической» изменности? Или кошмарный сон, наполненный таинством абсурда? Вопросы и только. Трудно было поверить современнику в то, что группировка вопросов уже сама по себе способна составить глубокую поэтическую идею. Отвергнутое Морелем стихотворение это появилось (совместно с циклом «Старушки») в журнале Калонна. Не Бодлер убедил ловкого редактора, а фигура поэта, которому эти стихи посвящались. Виктор Гюго, добровольно поселившись на английском острове Джерси в знак протеста против воцарения Наполеона-«маленького», продолжал оставаться в центре внимания. Вторая империя кокетничала с великим изгнанником, который неоднократно клеймил ее оружием своей грозной сатиры, кокетничала в надежде на примирение. Кокетничал и Калонн, следуя примеру сильных мира того.

Наступала осень 1859 года, когда вопрос о печатании был решен и поэт мог отправить адресату «Семь стариков» и «Старушек»: «Стихи, которые я прилагаю к письму, давно поселились в моем мозгу. Вторая пьеса возникла из желания ПОДРАЖАТЬ ВАМ... В художественных галереях я иногда встречал несчастных маля, копирующих шедевры великих мастеров. Хорошо или плохо, а вкладывали они в свои подражания порою нечто, идущее непосредственно от них самих, высокое или тривиальное. В этом возможно (возможно!) оправдание моей смелости». Конечно же, никакого подражания Гюго в цикле «Старушки» нет, если не считать общих идеалов милосердия из романа «Отверженные», о котором, кстати, Бодлер высказывался скорее снисходительно, нежели восторженно.

Мотив одиночества, воспоминания и боли звучит и в стихотворении «Лебедь», отправленном Гюго месяцем позже двух первых (7 декабря 1859 г.). Последнее стихотворение особенно вышло Гюго. Отвечая Бодлеру, он скажет: «Как все, что Вы пишете, Ваш Лебедь — идея. Как в каждой истине, здесь есть глубина. Лебедь в пыли имеет под собой больше глубин, чем если бы он плавал в озере. Отсюда тот трепет, который ощущаешь, читая Ваши стихи».

Осень 1859 года возвращает Бодлера к мотиву СПЛИНА. На этот раз тема усугубляется печалью последней любви. В «Осеннем сонете» Мари Добрен появляется как символ ОСЕННЕГО СОЛНЦА; к ней апеллирует поэт и в «Осенней мелодии», прося помочь ему вкусить «в предпоследнем времени года прощальный желтый луч», ибо он ощущает уже, как «зима овладевает всем его существом», ибо слышит, как во дворе сколачивают то ли эшафот, то ли гроб... В оде «Мадонне» Бодлер окончательно прощается с Мари. Как бы на обочине сплиннов возникают и две аллегорические пьесы—«Маска» и «Скелет-землероб». Первая представляет собой поэтическое осмысление скульптурной фигуры Кристофа «Больш», вторая продолжает мотив «плясок смерти», навеянный чтением книги Ланглуа.

1 ноября 1859 года Бодлер пишет Мальасси: «В конце этого года, может быть даже месяца, у меня появится возможность сдать Вам четыре книги: ЦВЕТЫ, СМЕСЬ, ВОЗБУДИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА, ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ, не считая брошюры («Ворон» и генезис стихотворения)». Под «возбудительными средствами» поэт подразумевал «Искусственные эдемы», книгу, которую он действительно к этой дате сдаст; сдаст он и брошюру, содержащую перевод «Ворона» Эдгара По с подробным литературоведческим разбором. Что же касается «Цветов Зла», то через две недели Мальасси получит уточнение: «За исключением четырех или пяти названий, ЦВЕТЫ окончены». 8 декабря он заверит мать, что «том «Цветов Зла» почти готов», а 13-го числа пояснит издателю: «...в январе сумею Вам сдать ВСЕ, кроме ЦВЕТОВ. Могу ли быть уверенным, что создал три новые пьесы?» Речь идет о затее Бодлера зарифмовать и уложить в метр три пьесы в прозе, о чем он сообщит Мальасси 15 декабря: «Когда закончу ДОРОТЕЮ (воспоминание об острове Бурбон), ДИКУЮ ЖЕНЩИНУ (клятва одной любовнице) и СОН, когда напишу ПИСЬМО-ПРЕДИСЛОВИЕ, касающееся Вейю и которое мы совместно обсудим, ЦВЕТЫ ЗЛА будут завершены». При чем тут критик Вейю — не совсем ясно, Мальасси, однако, ухватился за идею предисловия, особенно через несколько дней, когда поэт дополнил свою мысль:

«ПРЕДИСЛОВИЕ (огромное дело) нужно составить так, чтобы больше не подставлять бока правосудию, столь глупому, столь злобному». Ободрял ли он этим издателя? Скорее всего. Давние отдельные наброски Бодлер не пошел. Через год он объяснит матери: «Имею предисловие в прозе, выдержанное в буффонно-резком тоне. Не решаюсь печатать его, но, вместе с тем, и Францию никогда не перестану оскорблять». Предисловия у него не было. «Округление» это для матери, но обдумывание предисловия и работа, ушедшая на наброски, впустую отвлекли поэта от завершения работы над вторым изданием.

Год 1859 поэт подытожит в письме к матери следующим образом: «Прошел год, не так глупо заполненный, как прошлые, но и он составляет лишь четверть того, что надлежит сделать в следующем. Ведь я могу стать инвалидом или ощутить истощение умственных способностей раньше, чем успею сделать и завершить все, что обязан и в силах сделать!.. Написан целый ворох стихов, и я прекращаю их писать, во-первых, потому, что ждут меня более спешные и важные дела, во-вторых, потому, что плодовитость эта не знает границ...» Год несомненно был плодотворным, особенно благодаря онфлерским месяцам. Помимо «вороха стихов», он завершил «Искусственные эдемы», очерк о Теофиле Готье и аналитическую работу о «Вороне» Эдгара По, не говоря уже о критической и переводческой текучке. Но здоровье сдавало, а мысль о предстоящей смерти не только пугала, но и стимулировала поэта. Предстояло работать над «Парижским сплином», второй и уже, увы, последней поэтической книгой. Три оговоренные пьесы он так и не зарифмует, зато в предстоящем году создаст еще 12 стихотворений, ибо «плодовитость не знает границ».

1 января 1860 года Бодлер подписывает контракт сразу на издание четырех книг: «Цветы Зла», увеличенные двадцатью новыми пьесами, «Опиум и гашиш» (окончательный титул — «Искусственные эдемы»), «Литературные мнения» (от слова «заметки» Бодлер откажется) и «Эстетическая смесь». Эта последняя «перекочевала» из старого контракта в новый. Тираж каждой книги — 1500 экземпляров, но оплата гонорара на этот раз реализации книг не касалась. Независимо от объема поэт должен был получить за каждый том 300 франков, из которых 50 процентов в виде аванса, остальное — после сдачи в набор последнего листа корректуры. Аванс Бодлер взял сразу за все четыре книги, в итоге же сдал лишь две («Искусственные эдемы», май 1860, и «Цветы Зла», февраль 1861).

Через неделю после подписания контракта поэт сообщает матери: «Мальясси требует ПРЕДИСЛОВИЯ для новых ЦВЕТОВ ЗЛА». Да, издатель спешил. Хорошо зная характер своего автора, он в договоре не указал конкретные сроки сдачи книг, предпочитая «давить» на Бодлера не юридически, а психологически. Спешил, потому что дела фирмы шли плохо. Бодлер знал об этом и, естественно, сочувствовал своему другу, но со сдачей именно «Цветов Зла» не спешил: «Вы претендуете закончить ЦВЕТЫ к маю, приурочив их выпуск к провинциальной выставке! Отметьте, однако, мне нужен целый месяц пребывания в Онфлере, где останутся все мои бумаги, чтобы закончить начатые ЦВЕТЫ, дописать предисловие и, наконец, отредактировать САЛОНЫ 45 и 46... Что же касается ЦВЕТОВ, то им не хватает всего лишь трех стихотворений»: Письмо датировано 4 февраля. Если бы все уже было готово, то Мальясси мог бы поспеть к намеченной на май провинциальной выставке.

Пройдет март, пройдет первая половина апреля, и Бодлер назовет новый срок: «Если к 1 мая не закончу ПРЕДИСЛОВИЕ и ТРИ ПЬЕСЫ, о которых я Вам говорил, — пожертвую этим». Мальясси перестал возражать, так как приступил к набору «Искусственных эдемов» и новинка эта поспешила к выставке. Поэт же явно затягивал. 26 апреля, однако, уже Бодлер начинает спешить: «Итак, нужно спешить с ЦВЕТАМИ, а то рискуем запустить книгу в самый разгар лета... я пожертвую, если нужно, ПРЕДИСЛОВИЕМ И ТРЕМЯ НАЧАТЫМИ ПЬЕСАМИ».

В чем дело? Дело в том, что, наконец, свершилось то, что давно и очень глубоко поселилось в душе поэта. Еще в феврале 1858 года он делился с матерью: «...иногда я с ужасом думаю о том, как пролетают годы; в сущности — состоят они из часов и минут; но, теряя время, отмечаешь лишь раскол его, а не общую сумму». Так что же свершилось? Родилось стихотворение «Часы» — гениальный финал раздела «Силли и идеал» во втором издании. Универсальная идея ВРЕМЕНИ получила в нем адекватное своему значению поэтическое воплощение. Был создан шедевр мировой поэзии, столь же вечный и прочный, как и само понятие времени, единицы измерения не одной отдельно взятой жизни, а жизни как совокупности истории, ибо настоящее время — лишь связующая грань единого понятия ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ. Этого стихотворения Бодлеру не хватало для завершения своего поэтического подвига. То небольшое, что он еще создаст в стихах, теперь уже существенного значения для него иметь не будет. Поэту шел тридцать девятый год, когда он перешел свой Рубикон.

Да, теперь он очень спешил. В начале августа он доверится

матери: «...я очень недоволен своим здоровьем... Жуткая тошнота, о которой я так часто говорю, становится чем-то привычным, даже натошак...» Это уже подготовка к очередному кризису, который разразится в мае следующего года и накануне которого (март) Бодлер сообщит Мальасси: «...нахожусь на грани самоубийства; от этого удерживает меня не трусость, даже не сожаление. Гордость удерживает меня, гордость при мысли, что после меня останутся запутанные дела... Я почувствовал себя больным той самой болезнью, которой страдал Жерар, а именно — страхом, что не смогу больше ни думать, ни писать». Речь идет о Жераре де Нервале, покончившем с собой в 1855 году. Но был ли этому причиной характер «страха», отмеченный Бодлером? Бодлероведы обычно сводят личное знакомство поэта с Нервалем к случайным встречам. Одно из двух: или Бодлер «придумал» Жерару эту болезнь, или же был значительно ближе с ним знаком, чем это считают его биографы. Думаю, последнее вернее.

Наконец, 11 ноября 1860 года поэт сообщит матери: «Цветы Зла» в печати. Жуткое дело. Эта книга всегда будет продаваться, если, разумеется, вновь не вмешается правосудие». Не следовало, разумеется, исключать и мысль о вмешательстве правосудия. Но ведь, с другой стороны, то, что так смушало суд, было изъято судом же, а во вновь написанном ЗЛО ПЕРЕСТАЛО ВЫРАЖАТЬ СЕБЯ ЧЕРЕЗ ПОРОК. Возвращаться к «Цветам Зла» в такой ситуации означало бы для юстиции изменить первоначальному принципу — «ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЮ». Так оно и случилось: суд не вмешался.

Книга печаталась в Париже, в типографии Симона-Расона, выполнявшей заказы Мальасси, но лишь в конце ноября стали поступать первые листы корректуры. Наступил 1861 год, и в первый же день нового года поэт известит мать: «ЦВЕТЫ ЗЛА» окончены. Сейчас изготавливают обложку и портрет. В книге 35 новых пьес, а все остальное основательно переработано. Впервые в жизни я почти доволен. Книга ПОЧТИ ХОРОША, и она останется как свидетельство моего отвращения и ненависти ко всему вокруг». Бодлер сильно преувеличивает, когда заявляет об основательной переработке старых стихов. Через неделю он напишет издателю: «От Расона получил последний лист, титул, шмуцтитул, посвящение, но не обложку. Титул совершенно черный. Предполагаю, таким он не останется». А через два дня: «Получили ли Вы последний лист, титул, шмуцтитул и ОГЛАВЛЕНИЕ? Последнее мне не нравится. Почему, сам не знаю. Оно похоже на оглавление другой книги». Да, Бодлер еще точно не знал, создавая разрозненные шедевры, что идея ЕДИНСТВА книги, ее ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНИЯ, так

до конца и не прочитывается. Другая книга? Нет, ДВЕ В ОД-
НОМ.

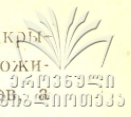

20 января 1861 года все, наконец, было готово и можно было приступить к тиражированию. Вскоре поэт вышлет матери экземпляр нового издания с припиской: «В оглавлении я отметил для тебя все новые стихи. Нетрудно догадаться, что все они специально подогианы, чтобы вписаться в замысел. А ведь это книга, над которой я работал двадцать лет и которую, впрочем, ПРАВА НЕ ИМЕЮ НЕ ПЕРЕИЗДАВАТЬ». Итак, двадцать лет работы оказались подытоженными вторым изданием «Цветов Зла». Выходит, начало работы над ними следует отнести к 1841 году, а если уйти от строгой арифметики, то это совпадает с индийским плаванием. Был ли доволен своей работой поэт? Выделенное им в конце приписки вызывает определенные сомнения. Ведь он не мог ее «НЕ ПЕРИЗДАВАТЬ», так как «ПРАВА НЕ ИМЕЛ». Не морального же. Юридического. Творчески и идейно Бодлер перерос замысел изображения УЖАСА ВО ЗЛЕ. Этот этап был им уже пройден. Новое составляло сборник философской, психологической и интимной лирики и, хотя в общих чертах «ВПИСЫВАЛОСЬ» в рамки старой книги, относилось уже к другому этапу его творчества, БОЛЕЕ ВЫСОКОМУ И СОВЕРШЕННОМУ, но все-таки к другому...

Активность критики вокруг первого издания (1857) спровоцировала не только юридический процесс; она объективно свела проблематику всей современной поэзии к «Цветам Зла» и к фигуре их автора — Шарля Бодлера. Судебное разбирательство лишь приостановило дискуссии и дебаты вокруг этого явления. Именно приостановило, но не БЛОКИРОВАЛО. 15 января 1858 года журнал «Ревю контампорэн», которым тогда еще не руководил известный нам Калони, опубликовал крайне враждебную статью Жан-Жака Вейеса, названную Бодлером в одном из писем к матери «ужасной». Несколько позже (май) поэт в общих чертах поспешит успокоить мать: «На протяжении трех или четырех лет я окончательно привык к оскорблениям. Иногда высылаю тебе их, чтобы развлечь тебя; но ты не можешь чувствовать то, что чувствую я. По правде говоря, должен тебе признаться, что люди, удручающие меня, не обязаны знать, какую силу и какое здоровье заключает мой мозг. В сущности, я раскрыл лишь ничтожную часть того, на что способен. Жестокая лень! Ужасная мечтательность! Решительность моей мысли — тяжкий контраст для меня самого...» Не бравада это уязвленного автора, а объективное понимание им самой диалектики искусства, самокритичность же — стимул к самосохранению. Что же касается статьи Вейеса, то к ней Бодлер

вновь вернется в письме к Калонну, недавно принявшему руководство враждебным поэту доселе журналом: «Профессора-протестанты с болью констатируют, что в моем лице они имеют дело с неисправимым католиком. Я же хочу быть правильно понятым; сначала очень тихо, затем очень громко. Благодаря такому методу я сумею подняться до выявления самых низменных страстей. Лишь люди, наделенные чувством абсолютной недоброжелательности, в состоянии не замечать безличности моей поэзии». В слова «протестант» или «католик» нет смысла вкладывать какое-либо религиозное содержание; Вейс ПРОТЕСТОВАЛ против НОВОЙ поэзии Бодлера, считая не его, Бодлера, а себя НОВАТОРОМ. «БЕЗЛИЧНОЕ» начало «Цветов Зла» их автор увязывал с правом поэта на ОБОБЩЕНИЕ, на типизацию, с правом поэта выявлять не только СУБЪЕКТИВНОЕ. В этом и состоит реализм Бодлера, а следовательно — его «католицизм». За три года до этого поэт писал в одной из своих критических статей: «...прежде всего, имеет ли реализм определенный смысл — дискуссия серьезная. Каждый хороший поэт всегда был РЕАЛИСТОМ». И Вийон им был, и Ронсар им был. Вот они, «католики».

В июне 1858 года небезызвестный нам «Фигаро» опять заденет Бодлера, но на этот раз с неожиданной для него стороны. Анонимный автор упрекнет его в пренебрежительном отношении к романтизму, течению, которому он обязан всем. Поэт, видите ли, не чтит своих учителей, платит им черной неблагодарностью. Пройти мимо такой провокации было нельзя. Ведь были еще живы многие учителя: и Ламартин, и Гюго, и Сент-Бёв, и Виньи. В травле поэта они не участвовали; более того, так или иначе, а выражали ему свои симпатии. Гюго прислал телеграмму об «ослепительном блеске» его книги; Сент-Бёв снабдил адвоката указаниями, как лучше защищать Бодлера перед Трибуналом; Ламартин, правда, немного сплетничал, но ведь не публично, а так — в обществе милых дам; Виньи за литературными процессами не следил, но когда узнал (с большим опозданием) о творчестве Бодлера, отозвался о нем положительно и не где-нибудь, а под куполом Французской Академии, когда речь шла о признании заслуг поэта. Смысл провокации, заключенной в статье «Фигаро», был ясен: лишить Бодлера покровителей в стане великих романтиков, изолировать его от них, выдавая его творчество за явление, враждебное им. Нужно было ответить, и он ответил открытым письмом. Ответ был достойным автора «Цветов Зла», поскольку в нем предельно обнажалась подоплека писаний борзописцев из «Фигаро» — их желание скомпрометировать его в глазах «учителей».

«Учителя» поняли поэта правильно, и дело казалось закрытым. Как вдруг, через несколько месяцев и тоже совсем неожиданно, последовал косвенный удар, но уже не из стана врагов — друзей поэта. Литератор Бабу, приятель и «свой», в филиппике, метившей в Сент-Бёва, запускает фразу: «Он восславил «Фанни», этот порядочный человек, но промолчал по поводу «Цветов Зла». И ведь не в бровь, а в глаз. Бездарный роман Фейдо восхитил «порядочного человека», а ведь мог же он своим авторитетом, куда большим, чем авторитет Тьерри, поддержать «Цветы Зла» в период готовящегося процесса. Так-то оно так, но ведь Сент-Бёв не совсем молчал, ведь он «подпольно» помогал Бодлеру готовить защиту. Этому «подпольщику» поэт был, разумеется, благодарен и отнюдь не собирался портить с ним отношений. Глупо получилось у Бабу, мог бы ведь «согласовать», если не знал о «подпольном» союзе своего приятеля с авторитетным критиком. В феврале 1859 года Бодлер напишет Сент-Бёву: «...я протестую против этой строчки», а в письме к Мальасси отметит: «Необходимо воздать ему должное, ибо он не поверил, будто бы я внушил Бабу подобную мысль. Я сказал ему, что комплименты и советы, которые он мне прислал в период моего процесса, находятся у Вас, и что мы намерены использовать их (развивая) в предисловии ко второму изданию».

Что скрывать, дело было не только в сугубо личной щепетильности, Бодлер надеялся еще и на отзыв Сент-Бёва по поводу второго издания. Скорее всего, критик действительно не поверил, что рукой Бабу водил Бодлер, но публично принимать сторону автора «Цветов Зла» в его расчеты не входило. Так или иначе, а книга восстановила против себя политические силы империи, осторожный же Сент-Бёв предпочитал придерживаться нейтралитета в глазах властей. Официальная позиция Мериме ему не импонировала, но и пример великого изгнанника Гюго представлялся ему крайностью. Он считал себя третьей фигурой в литературе после этих двух, поэтому и избрал для себя золотую середину. Так и не дождался Бодлер печатных похвал первого критика эпохи, если не считать строчки в одной из «Бесед по понедельникам», где сказано, что талант его «своеобразен». А какой подлинный талант не СВОЕОБРАЗЕН? Скупое, что и говорить.

Единственным приятным исключением в период между первым и вторым изданиями было выступление лионского критика Армана Фреза. В феврале 1860 года поэт отметит в письме к Мальасси: «Речь шла о «Цветах» в «Салю публик» в связи с «Юмористическими сонетами». Я не видел статьи». Статья Фреза, напечатанная в местном журнале, представляла собой рецензию на

сборник сонетов Суляри, талантливого лионского поэта. Критик положительно отзываясь о книге, отмечая в ней влияние «Цветов Зла». Впоследствии, ознакомившись с этой статьей, Бодлер почувствует удовлетворение и законную гордость за свой труд. Не ждал, конечно, поэт, что именно Лион, где он провел томительные годы своего школярства, воздаст ему должное, отметит не просто его осужденные «Цветы Зла», но и действительное их влияние на текущий литературный процесс. Это уже было признанием Бодлера как поворотной фигуры в истории французской поэзии. В частном разговоре Сент-Бёв сказал ему: «ВОТ ВЫ И СТАЛИ МЭТРОМ». Да, он стал мэтром, пока что, правда, для провинциального Суляри. Вскоре он станет им и для столичного Гляттини. Вскоре, а пока, отсылая некоторые новые «цветы» Надару, он отметит: «...тщеславие заставляет меня дать тебе прочесть некоторые куски... которые, совместно с другими новыми вещами, омолодят, надеюсь, мою увядшую книгу. Ты убедишься в том, как мало я прислушиваюсь к критике и с каким усердием погружаюсь в собственную ЗАСКОРУЗЛОСТЬ». В СЕБЯ, в правду СВОЕГО поэтического поиска «погружался» Бодлер, готовя второе издание, уверенный в том, что ПОСЛЕДНЕЕ слово останется за ним.

В целом, выход в свет второго издания был встречен критикой скорее сдержанно. Экземпляры второго издания на предмет рецензирования были разосланы во все редакции, где у автора или издателя были какие-то связи, но только редакция журнала «Ле Конститусьонель» пошла им навстречу, опубликовав 10 февраля (прямо на старте книги) положительную заметку, в которой нетрудно обнаружить явную «установку» Бодлера: «Несомненно, странным он может показаться, этот сборник интимных и колоритных стихов, подлинный расцвет поэзии зла, рожденный, развиваемый и подавляемый в глубине встревоженной, но мужественной души. В этом подлинно новом издании каждый стих был переработан; исчезли те места, которые, неправильно интерпретированные, могли бы вызвать слишком серьезные сомнения, а 35 новых названий, самого высокого качества, обогатили и укрепили собой этот компактный том, несомненно один из самых интересных для мыслителя и художника, появившихся после великих литературных дебатов 1830 года».

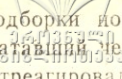
Автором заметки оказалась та женщина, которой поэту так не хватало во время процесса. Под псевдонимом «Анри Дерош» скрывалась герцогиня Сен-Мар. Бодлеру было важно, чтобы критик указал на то, что все старое в книге ОСНОВАТЕЛЬНО ПЕРЕРАБОТАНО, что было, конечно, ложью. Большого он от рецензента не требовал и, конечно же, никак не ожидал столь лестного и про-

зорливого финала. Действительно, после 1830 года, даты премьеры «Эрнани» и полного торжества идей романтического движения такого явления в поэзии, как «Цветы Зла», не было, но не в 1861 годом следовало отметить это событие, а 1857-м, когда вышло ПЕРВОЕ издание.

Старт удалось взять хорошо, хотя и без поддержки авторитета. Тон, заданный Анри Дерошем, подхватывает 2 марта журнальная «Гиллюстрасьон». Критик Леон Вейли уже совершенно от себя и абсолютно объективно заявляет: «Книгу отличают многие качества: выразительность слога, свобода и органичность мысли и экспрессии, известная сила, заключенная в самой фактуре стиха, святое отвращение к банальности; правда, все это порою доведено до крайности; энергия доходит до терпкости, едкости даже; независимость соседствует с пороком и цинизмом; оригинальность переходит в странность, и, вообще, как в деталях, так и в сумме — слишком много, как мне кажется, тенденциозности. Однако, в итоге, перед нами ярко выраженная индивидуальность, а в наш век обезлички уже одно это качество способно компенсировать недостатки книги». До более высокой оценки критик, ограниченный вкусами своей эпохи, подняться и не мог. Это понимал Бодлер. Этого и только этого он от критики эпохи и добивался; остальное — знал сам.

Правда, и отрицательные залпы разразились, но на этот раз уже во вторую очередь. В конце марта «Ревю фантастик» пером Амеде Пишо обзывает стихи Бодлера «кровавыми привидениями фантазмагорического поэта». Журнал предпочитает «Цветам Зла» сусальное сочинение Огюста Лакоссада «Стихи и пейзажи», демонстрируя этим перед историей свои подлинные вкусы и оценочные возможности. 2 мая «Фигаро», уже испытанный в своей травле Бодлера, в рубрике под циничным названием «Откровенные слова», которую вел Альфонс Дюшен, сам себя превзошел, определив «Цветы Зла» «...грязной смесью языческой развращенности и крайней католической суровости». Вот эту-то формулировку следовало бы переадресовать себе. «Суровые» католики из «Фигаро» пожела-ли, однако, показать и свою объективность, отмечая совершенство поэтического мастерства Бодлера. Какой поэт! А чем занимается? Господи боже.. Летом журнал «Ревю де Де Монд», накануне первого издания поддержавший поэта развернутой подборкой, тоже отрицательно отозвался о «Цветках Зла» в обзоре Понмартена «Французская поэзия в 1861 году». Но это не в счет. Вернее — это лишь «личные счета», поскольку Бодлер в своем эссе «Искусственные эдемы» весьма остроумно «ужалил» Понмартена.

Особую позицию заняли журналы, печатавшие подборки новых «Цветов...» Калонн из «Ревю контампорэн», напечатавший четыре подборки (в совокупности 11 пьес), формально отреагировал полным молчанием, запретив, однако, своим сотрудникам заказывать рецензию на «Цветы Зла». Глупее выглядел журнал «Ля Козери», год тому назад напечатавший подборку и предоставивший свои страницы Лорену Пиша для желчной и тупоумной заметки. Достойней всех повел себя журнал «Л'Артист», специально «Цветы...» не рецензировавший, однако его литературный обозреватель Валери Вернье, удивляясь молчанию авторитетной критики, отметил: «...а ведь мысль Бодлера находится в авангарде прогресса в искусстве; он — творец в области ритмики, творец на почве анализа и песенного откровения, религиозно ревностный хранитель поэтической формы».

Лишь в декабре появился положительный отзыв, подписанный авторитетной фигурой эпохи — Леконт де Лилем («Ревю эролеэн»). Но это не был отзыв критика. Это было слово поэта в защиту поэта. Де Лиль, как всегда, опаздывал, но никогда НЕ ОТСУТСТВОВАЛ. В заключение отмечу и то, что можно было бы и не отмечать, — маленькие журнальчики («Ревю фантазист», «Диожен», «Папийон»), столь же быстро возникающие, как и исчезающие, единогласно поддержали «свояка». Погоду они не делали, но чувствовали, что делает ее именно Бодлер. Очевидно, везде, где есть литература, где так или иначе развивается она, можно их встретить — скромных, незаметных, порою незадачливых, но, как правило, всегда честных ТРУЖЕНИКОВ МЕЧТЫ.

6.

Явились стихи.

Поэт ощутил себя фоллиантом на высокой полке богатой библиотеки. Возвышаясь над пеплом латыни и греческой пыли, он смотрит в ночь Воспоминания. Два голоса звучат в ночи. Первый, вкрадчивый, уверяет поэта в прямолинейности всех связей в мире. В сущности, все просто, доступно, открыто; мир — сладкий пирог, в меру вкушай от него, будешь сыт и доволен. Второй голос, резкий, приглашает в другие пределы, где витает мечта, где нет ВОЗМОЖНОСТИ, а есть НЕВОЗМОЖНОСТЬ, в пределы НЕПОЗНАННОГО. Два голоса звучат в ночи. Поэт следует зову второго. Иначе не может, ибо ощущает в себе БЕЗДНУ; она же и глубокая рана в пространстве судьбы. В бездне живет ОДИНОЧЕСТВО, превращающее носителя его в пророка, влюбленного в пу-

станию и море, в бездны других одиночеств. Влюбленному в бесконечность трудно живется в укороченном пространстве мира, в горе смеется, в радости плачет, факты за ложь принимает. Плачет и только. И тогда избранный им голос утешает его: «Храни свои грезы, ибо грезы безумца прекраснее грез мудреца».

В бездне, заселяющей тебя, — величие твое, ищущий истин, ибо все БЕЗДНА — действие, желание, мечта, слово, ибо бездна — все, чему нет и не может быть конца, ибо БЕЗДОННЫ как ВЕРХ, так и НИЗ. Как в первом, так и во втором — свои глубины, кручи, своя тишина, пространство свое. Из каждого окна, из которого смотришь, видишь всегда БЕСКОНЕЧНОСТЬ. И ты завидуешь бездне, завидуешь себе самому. И боишься ее, как боишься во сне, погружаясь в него, как в яму. Закономерны как зависть твоя, так и страх твой. Но, живя на земле, никогда не выходи за пределы ЧИСЕЛ и СУЩЕСТВ.

И смотрит человек НАВЕРХ, где такая же бездна, как ПОД НИМ, но если НИЗ присыпан твердью, то ВЕРХ прихлопнут КРЫШКОЙ, имя которой НЕБО. Прикрытое этой крышкой, кипит неохватное зрением огромное человечество. Что варится в этой кастрюле под названием земля? Ответа нет, тайна терроризирует тебя. И смотришь ты с тревогой в эту верхнюю бездну, прихлопнутую крышкой — небом. Кем бы ты ни был — рабом Христа или Порока, нищим или богатым, бродягой или домоседом, горожанином или крестьянином, умным или глупым. И где бы ты ни был — на море или на суше, в огненном климате или под ледяным солнцем. Вот она, ТАИНА, тайна бездны — бездонная тайна. Вот оно, НЕБО; для одних — стены погреба, для других — иллюминированный потолок над сценой, где играют буффонаду; развратнику небо внушает панический страх, безумцу-монаху — надежду.

Человек — язычник, ибо молитва его обращена к СЛАДОСТРАСТИЮ. Оно же — пытка его души, пламя, бушующее в его подземелье. А ведь сладострастие — всего лишь эластическое привидение в обличье сирены из плоти и бархата. От демона унаследовал человек роковую гордыню, вечное состояние НЕПОКОРНОСТИ. С точки зрения ангела, он нечестивец. «Люби, — говорит ему ангел, — всех БЕЗ РАЗБОРА — нищего, злого, вознесенного и павшего, люби их всех ОДИНАКОВОЙ любовью и этим соткешь ты триумфальный ковер милосердия, подложив его под ноги Христу. Но нечестивец вопит в ответ: «НЕ МОГУ!»

Откуда она, эта строптивость в схватке с божеством? Из недр человеческих она, из бездны его, имя которой СЕРДЦЕ. Там происходит драматическая схватка не столько с божеством, сколько с САМИМ СОБОЙ, ибо каждый человек, достойный этого имени,

носит в своем сердце желтую змею, которая в ответ на его **ХО-ЧУ** всегда говорит **НЕТ**. Когда он предается пороку, змея гово- рит — «**ДУМАЙ О ДОЛГЕ!**» Но когда он утверждает, что **Хочу** делать детей, деревья сажать, шлифовать стихи, мрамор точить», она лукаво вопрошает: «**А ДОЖИВЕШЬ ЛИ ТЫ ДО ВЕЧЕРА?**» Ведь нет в жизни человека такой минуты, чтобы он не слышал предупреждения невыносимой змеи. Отсюда и его полуночные терзания, когда само Время в облике настенных часов итожит прожитый день. «Так что же ты хотел, человек, сегодня свершить?» — «По-божески жить, покоряться Христу, не лгать, совершенствовать ум, дух свой крепить». — «А что получилось на деле?» — «Жил как еретик, богохульствовал, оскорблял то, что люблю, хвалил ненавистное, приветствовал глупость... Но главное, заключает грешник: «Пил, не испытывая жажды, ел, не испытывая голода». Часы заключают: «Человек слеп, глух, хрупок, как стена, изглоданная насекомыми». Возможно. Но откуда тогда его желание **ВОЗНЕСТИСЬ**? Икарова жажда полета? Стремление объять небеса? В зрачках сохранять воспоминания от встреченных солнц? — Все это от бездны, откуда зовет к нему все **ПРОСТРАНСТВО**, вся **БЕСКОНЕЧНОСТЬ ВСЕЛЕННОЙ**. Знает Икар: могила его бездной зовется.

Но вот наступает **ЗАКАТ**. Встречая его, вспоминаешь **ВОСХОД**, око его, словно трепещущее сердце, преобразившее все — цветы, ручьи, межу. Не поздно ли? Не думай о восходе, встречая закат, а думай о закате, встречая восход. Закат, он есть бог, «уходящий в себя», спешит поймать хотя бы косою луч. Ведь скоро **НОЧЬ**, черная, влажная, мрачная, полная шорохов и запахов могил. Исчезнет свет и, слабой ногой шаря, очутишься на краю **БОЛОТА**. Но если **БОЛЬ** оставила в тебе глубокую память, если **СТРАДАНИЕ** укрепило тебя — не бойся наступления **ВЕЧЕРА**. Сумерки окутали город, **КНУТ НАСЛАЖДЕНИЯ**, беспощадный палач, правит людской суетой. Мы же с тобой, **БОЛЬ МОЯ**, встречаем прожитые годы, встречаем не жало, а улыбку укора. И когда на западе умирает солнце, с востока спускается сладостная ночь.

Дай волю слезам, слезы — как жемчуг. Ведь лик Красоты — это Грусть, не мудрости облик. Мудрость — пейзаж без реки, цветы без дождя. Ты плачь, ибо **ПЛАЧ** выявляет суть красоты, рожденной в сердце, пережившем **УЖАС БЫТИЯ**, в сердце, над которым повисла мрачная туча прошлого. Вне страдания нет Красоты, как нет без него и жизни достойной. Лишь только **ГОРЕ** способно зачать красоту, а значит, искусство, поэзию. Лишь тогда, смертный, сравнишься ты с поэтом, когда в снах твоих откроет-

ся Ад. О да, «Цветы Зла» осудили не зря, увидев в них сюжеты для сатурналий и оргий. Но тот, кто брал уроки риторики у таны, этого хитрого декана, чей глаз способен проникнуть в бездну, читая меня, научится меня любить.

Мысли и образы, пересказанные мною, взяты из так называемых **НОВЫХ ЦВЕТОВ ЗЛА**, создававшихся в 1861, 1862 и 1863 годах и опубликованных в периодике после выхода в свет второго издания.

Начну с пересказанной тематики и образности **НОВЫХ ЦВЕТОВ ЗЛА**. Если до сих пор Бодлер проходит свои «круги Ада», следуя в этом за Данте, то здесь мы обнаруживаем скорее замысел создания собственного «Фауста». Поэта явно уже не занимает «объективизация» Зла, не влечет и не манит к себе страна экзотического идеала; нет, в сущности, и обычных пейзажей свлина, городских зарисовок, настойчивого ощущения **УЖАСА ВО ЗЛЕ**. Происходит философская кристаллизация поэтического «я», поиск принимает иное направление, более отвлеченное от контекста конкретной эпохи; это уже не показ страдающего современника как такового; это ощущение только себя как прототипа современности, поиск современности в самом себе, поиск философской опоры для исповеди. Исповеди, правда, еще нет, есть лишь философская преамбула к ней. Старую книгу восстановить невозможно, шесть запрещенных пьес перечеркнули одну из ее граней. «Восстановление» книги через второе издание, о чем я уже говорил, вылилось в **УКРЕПЛЕНИЕ** оставшихся граней, способствовало **ОДНОСТОРОННЕМУ** обогащению ее тематики. Этот путь исчерпал себя.

Такова коротко творческая сторона вопроса. Она фактически сводит работу над «Цветами Зла» к перспективному выходу на другие книги. Вместе с тем формально, в издательском плане, возникает вопрос о дальнейшем тиражировании книги, ибо, как справедливо утверждал поэт, «книги, которые не переиздаются, забываются». В глубине души он верил в бессмертие своей поэзии, но сомнения недооцененного своим временем автора вынуждали его действовать, принимать практические меры, способствовать утверждению «Цветов Зла» в литературе как чего-то состоявшегося и необратимого. Наряду с высокими помыслами, не следует забывать и о долгах, кредиторах, бедственном положении самого автора, о надеждах путем продажи своих книг как-то решить проблемы быта, творчества, жизни. И тут-то мы вплотную приближаемся к ним, деловым людям издательского бизнеса. До сих пор мы были близко знакомы лишь с Огюстом Пуле-Мальасси, другом поэта и первым издателем «Цветов Зла». Продолжим наше знакомство.

После выхода в свет второго издания над фирмой Мальасси Де Брузаз сгущаются тучи в виде надвигающегося банкротства. Конечно, дело не только в «малоприбыльном» авторе Шарле Бодлере, но, как кажется издателям, каждый франк делает теперь погоду, а автор «Цветов Зла» задолжал фирме целых пять тысяч таковых. Он должен был сдать не только второе издание, но и другие рукописи, за что получил аванс, передать в распоряжение фирмы и права на переиздание двух книг своих переводов из Эдгара По («Чрезвычайные и новые чрезвычайные истории» и «Приключения Артура Гордена Пима»), срок на выпуск которых истек у мощного конкурента Мишеля Леви. Но обещанные книги не писались, Мишель затягивал аннуляцию контракта, а Огюст при всем своем расположении к Шарлю ждать больше не мог. Бодлер пошел на крайность. 24 мая 1861 года он уступает Мальасси «в качестве погашения долга» ВСЕ права на издание и переиздание ВСЕХ своих произведений, как вышедших, так и будущих. Этот «королевский жест», увы, лишь на год отодвинет окончательный крах фирмы.

Став «хозяином» творчества Бодлера, Мальасси замышляет переиздание «Цветов Зла», но не просто путем дополнительного тиражирования, а в виде роскошного подарочного издания стоимостью 25 франков экземпляр (вспомним, обычное издание продавалось за 2 франка). Бодлер не возражает, да и теперь права такого не имеет, но в письме к матери читаем: «Странная идея, нахожу ее плохой! Какая мамочка решится преподнести своему ребенку в качестве новогоднего подарка «Цветы Зла»?». Действительно. Но Мальасси не «мамочек» имел в виду, он надеялся запустить издание в «высокие сферы», где смакуют скандальные книги. Пусть, дескать, смакуют, но и раскошеляются. Впрочем, и это было наивно, тем более, что еще до выручки предстояло вложить кругленькую сумму в нарядное художественное оформление, в его клиширование и в особый типографский набор. А ведь денег не было.

Бодлер не возражал, Мальасси настаивал и глумил, а его компаньону Де Брузазу нужен был предлог, чтобы выпутаться из создавшегося положения. Он согласен вложить в это издание собственные деньги в обмен на окончательный выход из дела. Осенью, когда гравер Бракмон сдаст роскошное оформление, Де Брузаз «хлопнет дверью», а Мальасси окажется единоличным хозяином повисшей на волоске фирмы. Карусель завертелась. Не проглядеть бы нам, однако, очень значительной детали: поэт предлагает Мальасси назвать это подарочное издание **ОКОНЧАТЕЛЬНЫМ** и **УВЕЛИЧЕННЫМ СОРОКА ДВУМЯ ПЬЕСАМИ**. Это осень 1861

года, всего несколько месяцев спустя после выхода второго издания, увеличенного тридцатью двумя названиями, но **лидированное** шести. Почему такая спешка? Почему сразу **ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ**? Это тоже подтверждает мою догадку о желании «избавиться» от замучившей поэта книги. Затея с подарочным изданием в итоге лопнет, как лопнет сама фирма, но не это желание.

Шли месяцы. Деньги не прибывали, а убывали, не было средств воспользоваться правами «хозяина» бодлеровского творчества. Права превращались в клочок бумаги, а пять тысяч выданного аванса прельщали Мальасси куда больше призрачных прав. Бодлер пытается урезонить своего друга, отговаривает от затеи с подарочным изданием в пользу обычного тиражирования книг. В письме от августа 1862 года читаем: «У Вас нет уверенности, что приобретение собственности на «Цветы» и «Эдемы» стоит пять тысяч. Сегодня, возможно, это и так; но позже это даст **НАМНОГО БОЛЬШЕ**. Одни «Цветы», думаю, способны погасить все мои долги перед Вами». Но уже поздно. К сентябрю 1862 года дефицит Мальасси составит 33545 франков, а в активе оставались только права на бодлеровское творчество. Это, конечно, немало в перспективе истории, но что прикажешь делать сегодня? Мальасси ждала долговая тюрьма, и он в нее попадет 12 ноября 1862 года.

Арест издателя огорчил Бодлера не только в чисто человеческом плане. В воздухе повисли все его изданные книги. У Мишеля Леви, правда, осталась перспектива завершения переводов сочинений Эдгара По, поскольку контракт был аннулирован в отношении только двух первых томов. Но что делать с собственным творчеством, с «Цветами», «Эдемами», критикой, эссеистикой? А как быть со стихотворениями в прозе, работа над которыми углубилась и обещала вылиться в нечто значительное? И тут на сцене появляется новое действующее лицо — издатель Пьер-Жюль Этцель, о чем 13 декабря 1862 года поэт известит Мальасси, уточняя: «...Он хочет купить для одноразового тиража «Цветы» и стихотворения в прозе», но тут же добавит: «Это не входит в мои расчеты». Письмо отправлялось в тюрьму. Что это, другу в утешение? Очевидно, поскольку в тот же день поэт доверится матери, что крах Мальасси ставит «Цветы» и «Эдемы» под угрозу прозябания. Допустим. Но ведь суд еще не состоялся. Он состоится лишь в конце апреля следующего года. Пока же его приговор неясен, неясны и дальнейшие намерения Мальасси в отношении своей фирмы. Окончательно ли он от издательского дела откажется или сохранит за собой собственность на приобретенные ранее контракты. Все это еще не ясно, следовательно — сам Бодлер еще остается

«собственностью» Мальасси. При чем тогда переговоры с Этцелем, пока не выяснены отношения с Мальасси? А знает ли вообще Этцель, что он приобретает книгу и замысел, которые уже известны? Нет, Этцель пока этого не знает, он готов приобрести только Бодлера-поэта, и то для одноразового издания. Этцель проубет. Что же касается Бодлера, то, выходит, он готов заключить незаконную сделку. Некрасиво. Но попробуем разобраться в возможном ходе его мыслей.

Во-первых, Огюст — друг, сочувствующий и верящий в его талант, озабоченный его, Бодлера, состоянием дел и здоровья. Он поймет и простит, тем более, что поэт выручит за сделку деньги и сумеет ему вернуть эти пять тысяч, когда он, Огюст, выйдет из тюрьмы и будет в них несомненно нуждаться. Спасибо еще скажет, а старый контракт порвет или заключит нечто новое с учетом возникших изменений. Во-вторых, и тут вновь всплывает моя догадка, можно будет благодаря Этцелю избавиться от «Цветов» и полностью засесть за стихотворения в прозе, обеспечивая им таким образом гарантированный выход. Поэт не надеялся больше на возможность окончательного решения ключевой творческой проблемы завершения «Цветов Зла» КАК ЕДИНОГО ЗАМЫСЛА, у него возникает идея: а что если завершить этот замысел КРУЖНЫМ ПУТЕМ — превратить стихотворения в прозе в своеобразный прозаический томик, продолжающий проблематику стихотворных «Цветов». Нечто подобное действительно проглядывает в доведенном до половины замысле прозаических миниатюр.

13 января 1863 года Бодлер подписывает с Этцелем договор на пять лет эксплуатации «Цветов Зла» и «Стихотворений в прозе», за что получает аванс в сумме 1200 франков. Этцель, поразмыслив, от одноразового тиража отказался, предпочитая пять лет, ибо чувствовал хитрец, что атмосфера вокруг имени Бодлера меняется к лучшему, что вскоре начнется его эра и поэзия его станет ходовым товаром. И еще одно условие поставил Этцель — сначала сдача «Стихотворений в прозе», после чего только — «Цветов». Ох, лукав же и мудр этот Этцель! Он знал, что стихотворения в прозе еще в работе, что, возможно, работа над ними затянется еще на год, а следовательно, с одной стороны, понятие «пять лет» расширяется, с другой же — блокируются «Цветы Зла». Этцель ждал наступления популярности Бодлера, поэтому тянул срок. На чем же основывался его прогноз?

В начале 1862 года Бодлер привлек к себе внимание выходкой, одновременно и комической и экстравагантной. Он представил свою кандидатуру во Французскую Академию! Бодлер под куполом Академии! Скандал в стане добропорядочных «бессмерт-

ных», но и всеобщая потеха, которую Сент-Бёв назовет «безумством Бодлера». Шокинг и буффонада. Только мудрый и добрый Альфред де Виньи отнесется к этой выходке серьезно. А это кое-кто заметил, возможно и Этцель. Конечно же, Бодлер знал, что у него нет и малейшего шанса, и, не дожидаясь выборов, сам же свою кандидатуру снял. Это был вызов. Но и разведка.

Нечто более серьезное и значительное произошло 2 августа того же года. Вышел в свет четвертый том антологии Эжена Крепэ «Французские поэты», где Бодлеру отведено почетное место. Подборку представляет сам Теофиль Готье. В тот же день Бодлер ему ответит: «Благодарю тебя от всего сердца за статью обо мне в коллекции Крепэ. Впервые в жизни я удостоился той похвалы, о которой мечтал». Это было признанием не только друга. Об их дружбе мало кто знал, зато вся Франция знала, что Готье — поэт номер два после Виктора Гюго. И еще одна деталь удивляла. Составитель оказал Бодлеру честь представить в этом томе семь поэтов, в том числе самого Гюго. Выходило, Бодлер представляет поэта номер один, а его лично представляет поэт номер два. Уж кто-кто, а Этцель в этих нюансах разбирался.

Назревало национальное признание, подкрепленное 6 сентября появлением в лондонском журнале «Спектатор» статьи Чарльза Свишберна о «Цветах Зла». Об этой статье Бодлер узнает лишь годом позже и ответит тогда английскому поэту в следующих словах: «Однажды г-н Р. Вагнер, благодаря меня за брошюру, которую я написал о его «Тангейзере», сказал мне: «Не думал я, что французский литератор может так легко понять столько разных вещей». Отнюдь не будучи патриотом, я принял его комплимент как прелестное выражение непосредственности. Позвольте и мне, в мою очередь, сказать Вам: «Не думал я, что английский литератор способен так легко проникнуть в суть французской красоты, в ее намерения и версификацию». Но, прочитав Ваши стихи («Август»), напечатанные в том же номере журнала и проникнутые чувством, одновременно столь реальным и столь утонченным, я перестал удивляться; лишь поэты способны хорошо понимать друг друга». Статья Свишберна явилась первым восторженным иностранным откликом, первым камнем в монументе его мировой славы. Выходит, прогноз Этцеля имел под собой реальную почву. Бодлер же в это еще не верил, он предполагал славу только после своей смерти. Никто не ошибся. Бодлер умрет через четыре года, а слава придет к нему в срок, точно рассчитанный Этцелем.

В конце сентября 1863 года Мальасси, отсидев около года в долговой тюрьме и отпущенный судом, покидает Францию. В

Брюсселе у него крохотное представительство, которое он надеется превратить пусть в скромное, но более или менее устойчивое предприятие. Вскоре он займется контрабандным изданием эротических книг и политических памфлетов против Второй империи. Бизнес, как видим, рискованный, но в случае удачи — реальный путь к возобновлению легального дела во Франции. Занятый своей конспиративной деятельностью, Огюст на какое-то время закрывает глаза на переговоры Бодлера с Этцелем, тем более, что речь идет только о поэтических произведениях. Вот именно. А что делать с другими книгами («Эдемами», критикой, переводами)? Нужен был еще один издатель. И тут мы должны вернуться к личности Мишеля Леви.

Фирма Леви процветала, и в это процветание внес свой вклад и Бодлер-переводчик, еще в 1856 году уступивший все свои переводческие права Мишелю. Мишель долго и упорно не верил в поэтическую звезду автора «Цветов Зла», не верил и в его талант критика, а раз не верил, то и ломаного гроша не желал вкладывать в это имя. Огюст Мальясси был идеалистом, человеком широкой эрудиции, тонкого вкуса, отсюда и его коммерческие неудачи. Мишель Леви представлял собой противоположный тип издателя: эксплуататор до мозга костей, когда дело шло об авторе, гибок и поворотлив в оценке конъюнктуры на рынке, отсюда и его коммерческие успехи. Таков закон буржуазной торговли.

Не без досады уступил Мишель права на два тома, поэтому и не желал выручать Бодлера, когда Мальясси сел в тюрьму. Еще до Этцеля (август 1862) поэт предлагает ему «Цветы Зла», пытаясь прельстить следующей тирадой: «К третьему изданию, которое я назову **ИЗДАНИЕМ ОКОНЧАТЕЛЬНЫМ**, я добавлю 10 или 15 новых пьес; к ним обширное предисловие, где я объясню мои «трюки» и мой метод и научу других **ИСКУССТВУ ТАК ЖЕ ПОСТУПАТЬ**. А если не хватит храбрости ломать эту серьезную комедию, то дам в качестве предисловия превосходную статью Т. Готье о «Цветах Зла», напечатанную в четвертом томе «Французских поэтов». Мишель отказался, его не прельстила даже статья Готье. Заключив договор с Этцелем, поэт признается матери в августе 1863 года, что он этой сделкой недоволен, что желал бы **ВСЕ** оптом продать Мишелю: «Я понял, что рискую попасть в руки жутких мошенников, поэтому, все взвесив, решил: пусть лучше он меня обкрадывает, чем другие. Надеюсь, он не пропустит такой легкий случай, каким является **ЭКСПЛУАТАЦИЯ МОЕЙ БЕДНОСТИ**». Надежда и на этот раз не оправдалась. Мишель решил «пропустить». О да, он был упрям. И добился своего. 1 ноября 1863 года Бодлер продаст ему **НАВЕЧНО** права

на ВСЕ свои... переводы. Коварный Мишель оценит 4 тома мизерной суммой — 2000 франков. Итак, поэзия у Эццеля, переводы у Леви; остается критика и эссенстика.

7 августа 1863 года Бодлер обратится к министру Двора с просьбой о денежной субсидии размером 600 — 700 франков, мотивируя ее следующим соображением: «Собираюсь на некоторое время покинуть Францию с целью выступить в иностранных кругах с лекциями о живописи и литературе». В субсидии отказали. Менялись времена. Валевский, сменивший Фульда, сам был, в свою очередь, смещен. Итак, Бодлер — лектор! Не новая ли это выходка? Ничуть. Тут сработал, очевидно, Мальасси, ибо предложение выступить с лекциями в «Литературном кружке» Брюсселя действительно поступило. Бодлер ответил согласием. Нет, конечно, не лекторство его прельстило и даже не гонорар (обещали 100 франков за лекцию). Поэт устал в своем гордом одиночестве, устал от неопределенности издательских сделок, от назойливости кредиторов, от пошлости окружающего. Ещё за год до получения приглашения он доверится матери: «Ты себе не представляешь, до какой степени деградировала раса парижан. Это уже не тот обаятельный и любезный мир, в котором я когда-то вращался: художники ни о чем не ведают; литераторы ничего не знают, даже орфографии. Сплошная низость, ниже, пожалуй, чем светское общество. Я чувствую себя СТАРЦЕМ, мумией, и мне не прощают то, что я смыслю чуть больше других. Какой упадок! Исключая д'Оревилли, Флобера, Сент-Бёва, никто меня не понимает. Даже Теофиль Готье понимает только тогда, когда я говорю о живописи. ЖИЗНЬ МНЕ ОПОСТЫЛЕЛА. Повторяю, бежать хочется при виде человеческого лица, особенно если это лицо француза». Бодлер прав: измельчала французская интеллигенция в последние годы Второй империи, обуржуазивание коснулось буквально всех, подчиняя все и вся барометру биржи.

Но не только это. Оставались непристроенными критика и эссенстика, а там, в Бельгии, где его ожидали лекции, была и возможность пристроить непристроенное. Об этом он и пишет матери 25 ноября 1863 года: «Надеюсь пробыть в Брюсселе не больше шести недель (и то много). Выеду в начале декабря... поездка моя имеет и другую цель: продать ТРИ тома критики издательству, купившему «Отверженных». Издательство, о котором речь, действительно выпускало книги Виктора Гюго, да и сам писатель часто бывал в Брюсселе, где постоянно проживала его семья: жена, взрослые сыновья и их семьи. И это обстоятельство имел в виду Бодлер в надежде на получение рекомендации к хозяевам фирмы Лакруа и Фербекховен. Пройдет зима, и лишь в апреле следую-

шего года поэт отправится в Бельгию, где пробудет не шесть недель, а целых два года, причем самых последних в своей творческой жизни.

Между тем, Этцель ждал обещанные книги и, прежде всего, конечно, «Стихотворения в прозе». Бодлер же, которому нужно было время для спокойной работы над неоконченной поэтической прозой, отсылает ему экземпляр второго издания «Цветов Зла» с рукописными вставками новых стихотворений. Это произошло в октябре 1863 года. Подчеркиваю, поскольку этот экземпляр пропал и нам остается только гадать, какие именно новые пьесы должны были «увеличить» третье и ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ издание. К этому времени поэтом было создано 16 новых стихотворений, в том числе один поэтический перевод («Трубка мира» из поэмы Лонгфелло «Гайавата»). Можно утверждать, что перевода в этих вставках не было. Остается 15 названий. Читатель помнит, что, упрасывая Мишеля Леви купить «Цветы Зла», поэт предлагал добавить 10 или 15 названий. Выходит, больше новых стихов не было. Эту загадку, думаю, разрешить нам уже не удастся, если, конечно, кто-нибудь чудом не обнаружит сей злополучный экземпляр.

Накануне отъезда в руки поэта попал контрабандный томик, изданный в Бельгии и озаглавленный «Сатирический Парнас XIX века», где фигурировали все шесть запрещенных Трибуналом пьес. Это была подпольная продукция Мальасси. Не понравился Бодлеру и сам контекст книги: «С досадой обнаружил я, как простигуют мое имя в книгах, противоречащих моему вкусу». Поэт был прав, издание действительно компрометировало пьесы, которые он считал незаслуженно осужденными, ибо попадали они именно в тот контекст, который имел в виду суд, запретивший их. Сатиры в томике было мало, зато порнографии сколько угодно. Неужто «мстил» Мальасси? Скорее всего отчет себе в этом не отдавал, занятый лихорадочным налаживанием дел. Впрочем, вскоре они встретятся и дружба их возобновится. Годом позже Бодлер напишет Сент-Бёву: «...Я очарован его мужеством, деятельностью и неисправимым оптимизмом. Он приобрел удивительную эрудицию по части самых серьезных предметов... Что же касается тех СРАМНЫХ книг, которые он выпустил, то и в них я совершенно неожиданно для себя нашел пользу — БОЛЕЕ ЯСНОЕ ПОНИМАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Когда люди начинают подобным образом развлекаться, то уже в этом — прогноз грядущей революции». Бодлер имеет в виду романы маркиза де Сада и Ретиф де ля Бретона, изданные Мальасси. В них и на деле вдумчивый читатель обнаружит в картинах поголовного разложения верхних слоев общества, в сценах глумления над простолюди-

намн явные симптомы, выявляющие наступление революционной волны. Как видим, даже опускаясь до «срамной» продукции, ассн оставался верным своим радикальным убеждениям. Это многое объясняет во взаимоотношениях автора и издателя «Цветов Зла».

В Брюсселе поэт остановился в отеле «Гран мируар», вскоре превратившемся для него в подлинную больницу, в место физических страданий, морального надлома, апатии и одиночества. 2 мая 1864 года он прочел свою первую лекцию, посвященную живописи Эжена Делакруа. Матери он сообщил об «ошеломляющем успехе», на деле прием был скорее сдержанным. Вторая лекция посвящалась поэзии Теофиля Готье, а три последних ушли на чтение «Искусственных эдемов». Больше лекций не было, так как устроители, ссылаясь на сезон летних отпусков и на отсутствие денег, отменили их. К тому же они самым беззастенчивым образом обманули лектора: вместо обещанных 100 франков за лекцию выплатили всего 25. Но главное разочарование ждало его у издателей, которые категорически отказались печатать труды автора «Цветов Зла».

Потерпев фиаско, Бодлер торопился в Онфлер, в свою комнату, где ему так хорошо работалось, но болезнь не отпускала, пугала, сковывала волю. Порою, правда, наступали «просветления». Тогда он не только работал, но даже путешествовал по Бельгии. 13 октября Бодлер подробно опишет Анселию свои бельгийские впечатления: «Сами судите, как трудно мне, начавшему знакомство с водой и небом в Бордо, на островах Бурбон и Маврикия, в Калькутте, сами судите, как тяжело мне в стране, где деревья черны и где ЦВЕТЫ ЛИШЕНЫ АРОМАТА! Многие здесь с любопытством УЛИЧНЫХ ЗЕВАК толпились вокруг автора «Цветов Зла». В их восприятии автор подобных ЦВЕТОВ неминуемо должен был выглядеть чудовищным эксцентриком. Все эти каналы ожидали монстра, но когда увидели, что я холоден, сдержан и вежлив, что мне противны все эти вольнодумцы, прогресс и прочие современные глупости, то заключили (предполагаю), что я — НЕ АВТОР СВОЕЙ КНИГИ... выходит, проклятая книга (которой я очень горжусь) плохо доступна пониманию, темна! Мне долго еще не простят смелость небесталанно зафиксировать зло. Какое скопление каналов! — а мне казалось, что именно Франция — страна поголовного варварства. Теперь я вынужден признать, что есть страна, где варварства еще больше!». Свою новую книгу он хотел назвать «Бедная Бельгия». Бедный Бодлер!

Не в силах возвращаться в Париж, поэт обращается к книго-торговцу Жюльену Лемеру (не путать с издателем Альфонсом

Лемерром) с предложением представлять его, Бодлера, издательские интересы (на процентах, разумеется) и найти ему фирму, готовую издать критику и эссеистику. Поэт дает понять, что готов пойти на разрыв с Этцелем в случае, если фирма, взявшись за критику, потребует дополнительно прав и на «Цветы Зла».

Не знает поэт пока и того, что в Париже его «Цветами Зла» зачитываются мало кому известные молодые люди — Малларме и Верлен, готовя о них восторженные статьи. Незадолго до удара он успеет их прочесть и отметить в письме к матери (одном из самых последних): «Они талантливы, эти молодые люди; но сколько глупостей! Сколько преувеличений и какая самонадеянность молодости! За последние годы я обнаруживал то тут, то там подражания и тенденции, вызывавшие во мне тревогу. Никто так не компрометирует, как подражатели, и нет ничего дороже ощущения того, что ты — ОДИН. Но это невозможно, кажется существует уже ШКОЛА БОДЛЕРА». Эстафета принята.

Наступает новый, 1865 год, самый последний «кругло-осознанный» год в жизни поэта. Замыслы превращались в ОБЛОМКИ. Мальасси предложит поэту издать в своем подполье небольшую книжку, составленную из них. Само название «Книга обломков» принадлежит, по-видимому, ему. Книжечка выйдет в самом начале следующего года, о чем Бодлер уведомит Катюля Мендеса: «Вскоре Вы получите от меня небольшую книжечку... Ее делали без моего участия. Вы найдете в ней некоторые мелочи, неизвестные Вам, даже буффонаду. К сожалению, в нее включили шесть запрещенных пьес из «Цветов Зла», а это исключает свободную продажу... Я не в обиде, но мне бы не хотелось, чтобы сборничек попал в недружеские руки». В книжечку, которую Мальасси ловко печатает в амстердамской типографии «Под вывеской петуха» и станет распространять контрабандным путем, войдут двадцать три стихотворения.

В июле разбитый болезнью Бодлер срочно отправляется в Париж. Он еще не знает, что это его прощание с родным городом, что через год, когда его туда привезут, он окажется вне сознания, в полной прострации. Поездка вынужденная, прямо-таки неотложная. Назрел конфликт вокруг оставшихся фондов бывшей фирмы Мальасси. Читатель уже знает, что Огюст смотрел сквозь пальцы на незаконное пристраивание книг Бодлера, а ведь на это только он имел юридическое право. Ситуация резко изменилась. На авансцену вышел главный кредитор Мальасси — Пэнсбурд, требующий остаток фондов в виде компенсации по неуплаченным долгам. Бодлеру грозил переход «в руки» Пэнсбурда, а следовательно — скандал, даже возможный процесс. Необходимо было

выкрутиться, не попадая в собственность преемника Огюста. Нужно было объясниться и с Этцелем, и частично с Леви, но главное — достать деньги, на первых порах хотя бы две тысячи наличных, чтобы Пэнсбурд аннулировал контракт, теперь переходящий от Мальасси к нему, и дал ему, Бодлеру, свободу. На остальные три тысячи поэт был готов дать долговую расписку сроком хотя бы на год. Десять дней пробудет Бодлер в Париже и уговорит мать дать ему этот минимум. Что же касается Этцеля, то поэт не без удовлетворения напишет Мальасси: «Я видел Этцеля, который теперь занимается только книгами для детей, и он потребовал вернуть ему 1200 франков аванса, когда я найду себе другого издателя». Воистину королевский жест, немало удививший Бодлера. Поэт, однако, не знал, кем уже «владел» этот умный делец, — в его руках оказался молодой Жюль Верн, «золотая жила», сулящая миллионы. Очень скоро они ему достанутся. Это была победа и для Бодлера. 20 июля 1865 года он вернул себе права на собственное творчество. Но это не исключало поисков издателя.

9 августа Бодлер даст последние указания. Лемерру: «Прежде всего, ЦВЕТЫ ЗЛА, увеличенные несколькими пьесами и несколькими статьями и письмами, относящимися к первому и второму изданию... Все это поместить В КОНЦЕ, как это сделал Сент-Бёв для своего «Жозефа Делорма»... Отметьте, что книга посвящена Теофилю Готье и что предисловие рядом с посвящением создадут своеобразный эффект. ЦВЕТЫ ЗЛА — самая срочная публикация, так как уже два года напролет и повсюду книгу требуют, а это значит, что можно будет продавать ее по довольно высокой цене. Если в будущем издатель намерен выпустить подарочное издание, то он сможет приобрести все клише и заставки у фирмы Пупар-Давиль». Письмо требует некоторого комментария. Как видим, количество новых пьес сведено к слову «несколько». Очень возможно, что такая расплывчатость объясняется передачей Лемерру того злополучного экземпляра, который находился у Этцеля. Далее, мы здесь находим то, что сделали Асселино и Банвиль, выпуская третье посмертное издание. Они воспользовались, следуя этому указанию, статьей Готье, поместив ее в виде предисловия, а материалы, связанные с двумя прижизненными изданиями, сохранили в виде приложения в конце книги. Наконец, ссылка на широкий интерес к ней соответствует действительности. Второе издание становилось уже библиографической редкостью, а первое продолжало оставаться под запретом. Интерес к Бодлеру рос, о нем все чаще писали...

Юридический опекун поэта Ансель в подробном письме про-

информирует Бодлера об отрицательном отношении профессора Дешанеля к «Цветам Зла», на что автор «Цветов Зла» гневно и гордо ответит: «Вы проявили наивность, забыв, что **ФРАНЦИЙСКИЙ** **НЕНАВИДИТ** поэзию, **ПОДЛИННУЮ** поэзию; она признает только Беранже и Мюссе... Поэзия глубокая, но сложная, горькая, дьявольски холодная (внешне) менее всего подходит извечной фривольности... В эту **ЖУТКУЮ** книгу я вложил все свое **СЕРДЦЕ**, всю **НЕЖНОСТЬ**, всю свою **РЕЛИГИЮ** (извращенную), всю **НЕНАВИСТЬ**... Правда, я мог бы написать и обратное, мог бы поклясться всеми богами, что это книга **ЧИСТОГО ИСКУССТВА**, кривляния, жонглирования; и соврал бы, как зубодер». Тем, кто хочет видеть в поэзии Бодлера реализацию формулы «искусство для искусства», полезно было бы помнить это последнее и прощальное **УКАЗАНИЕ** поэта.

Лемерр подвел Бодлер делает последние усилия заполучить издателя, превращая в своего «агента» на этот раз Ансея. Он даст ему список издателей с характеристикой каждого. И здесь мысль о Мишеле Леви не покидает поэта... Понимая свое унижение, он предчувствовал, что никуда ему не деться от Мишеля. Так оно и случилось, но прежде явилась смерть, Мишель купит именно **ВСЕ** и на **МАКСИМАЛЬНЫЙ СРОК** — 40 лет. Новое законодательство заменило понятие «**НАВЕЧНО**» более справедливым — «**ПЕРЕХОД В ОБЩЕЕ ДОСТОЯНИЕ**» после максимального срока.

4 декабря 1868 года Мишель Леви уплатит кредиторам Бодлера 1750 франков и ни сентима больше. Другьям поэта Шарлю Асселиню и Теодору де Банвилю он поручит составление **ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ШАРЛЯ БОДЛЕРА**, второй том которого, предшествуя первому, выйдет уже спустя несколько дней. Теперь Мишель уже не «тянул», поскорее желая продать семь томов. В самом конце того же года появятся в качестве первого тома «Цветы Зла». Завершит издание Леви 7 мая 1870 года, уже после Парижской Коммуны. Лишь в 1917 году, когда творчество Бодлера станет **ОБЩИМ ДОСТОЯНИЕМ**, появится возможность постепенно навести порядок в этом хаотическом нагромождении материалов. Заслуга в этом принадлежит основателю научного бодлероведения Жаку Крепэ, сыну того самого Этьена Крепэ, который удостоил Бодлера чести занять почетное место в антологии «Французские поэты». Хорошая традиция сложилась в семье Крепэ. Спасибо им от всех нас на этой планете, читающих и почитающих Бодлера, спасибо от всех поэтов, которые учились и продолжают учиться в его школе.

ЕЩЕ ОДНА СТРАНИЦА ДРУЖБЫ

ТЕМА Великой Отечественной войны занимает достойное место в литературах советских народов, а наше литературоведение постепенно осваивает этот неисчерпаемый материал. Созданы прекрасные исследования различных жанров, в которых рассматриваются отдельные стороны темы или большой круг вопросов. Однако поле деятельности настолько широкое, что работы хватает на многие поколения исследователей. Особым вниманием ученых пользуется один из актуальных и значительных аспектов военной темы — взаимосвязи советских литератур, имевшие большое значение в те трудные годы. Тема эта только начинает разрабатываться. Почетной задачей советской литературной науки является изучение «поведения» советских литератур в 1941—1945 годах, их участие в деле разгрома фашизма.

Книга Б. Микадзе «Русская советская литература периода Великой Отечественной войны» (изд. ТГУ, Тб., 1981) — первый опыт монографического изучения данного вопроса. Конечно, в связи с отдельными проблемами как критики, так и литературоведы затрагивали некоторые аспекты темы, но монография эта первая. Подобной работы, насколько нам известно, нет и в союзных республиках. Отсюда и актуальность труда Б. Микадзе.

Другая сторона актуальности книги связана с общей направленностью литературоведческой работы в республике. За последние годы здесь появилось несколько учреждений научного, издательского и учебного характера, в центре внимания которых находится и комплекс тем о взаимоотношениях грузинской литературы с другими литературами Советского Союза и мира в различные периоды, в том числе и в годы Великой Отечественной войны. Книга Б. Микадзе находится в русле этой тематики.

Первое, что обращает на себя внимание при ознакомлении с монографией, это объем работы, проделанной автором. Ведь произведения русских писателей публиковались в республиканской, городской и районной русской и грузинской периодике (наряду с центральной прессой, регулярно получаемой в республике). В книге речь идет и о публикациях на языках других национальностей. Собрав по крупицам этот поистине неисчерпаемый материал, Б. Микадзе стремится показать специфический характер взаимосвязей литератур двух братских народов в условиях одного из самых напряженных периодов в истории нашей страны.

Здесь имеются художественные, документальные, очерковые произведения, письма, оригиналы и переводы, высказывания писателей и о писателях и т. д. Часть всего этого, публиковавшаяся в республиканских газетах и журналах, то есть лежавшая на поверхности, уже использовалась учеными, но в основной своей массе этот весьма разнообразный материал менее известен. Он впервые систематизирован, описан и введен в научный оборот, что и является несомненным достоинством книги, которую отличает ясность построения.

Кроме краткого предупреждения «От автора» и «Предисловия» имеется глава «К вопросу о художественном переводе в Грузии в годы войны», где решается ряд теоретических проблем: каких произведений требовала война, на каком языке, как достигалась оперативность в доставке информации адресату. Упоминается и качество переводов при выполнении их «с листа».

Далее следуют главы («Поэзия», «Художественная публицистика и очерк», «Рассказ», «Повесть. Роман», «Драматургия»), расположение которых обусловлено не только наличием материала, но и той последовательностью, какую популярность этих жанров получила в годы войны.

Б. Микадзе рассматривает весь этот материал с точки зрения углубления и укрепления взаимодействия русской и грузинской культур в 1941—1945 годах, выявления того нового, что привнесла война с фашизмом во взаимоотношения двух народов и их литератур, причем делает это на самом высоком уровне, убедительно показывая, что произведения двух братских народов, вообще советских писателей разных национальностей, в условиях полного сродства социально-политической, экономической, идеологической жизни, вызванного войной, создали единый мощный поток борющейся литературы, направленной, прежде всего, на разгром общего врага. Поэтому эти произведения при всех национальных особенностях, разных уровнях мастерства, реализации художественных задач, но при наличии идейно-политического сродства одинаково были близки советским людям, становились достоянием всего многомиллионного советского народа.

Кроме того, в книге не только назван основной материал — очерки, статьи, выступления, письма и т. д., но и выбраны основные темы (оборона Москвы и Ленинграда, битва за Кавказ, сражение под Сталинградом и т. д.), основные произведения (стихотворения К. Симонова «Жди меня», «Убей его» и другие, «Вставай, страна огромная!», ставшее буквально гимном, «В землянке» А. Суркова и другие, «Наука ненависти» М. Шолохова, «Что мы защищаем», «Рассказы Ивана Сударева» А. Толстого, статьи И. Эренбурга и т. д.), показано их звучание в трудное для нашего государства время.

Такой прием избирательности данных, ставший в руках автора одним из главных, позволил экономно и действенно подать однородный материал.

Рассматривая опубликованные в Грузии произведения русских авторов в оригинале и в переводе, исследователь не только определяет место каждого произведения, более того, каждого жанра в жизни республики, но и сопоставляет их с аналогичными произ-

ведениями грузинских авторов. Тем самым Б. Микадзе говорит об общих тенденциях и о различиях каждой литературы при решении общих кардинальных задач. Получилась любопытная картина многообразия творческих почерков, стилей, жанров, что является лучшим свидетельством богатства и разнообразия форм социалистического реализма.

Наконец, не вдаваясь в детальный анализ переводов произведений русских писателей, автор посвящает целую главу общему состоянию переводческого дела в Грузии в те годы. На примере самых значимых произведений русских писателей, нашедших вторую жизнь на грузинском языке, формулируется вывод, согласно которому искусство художественного перевода в республике находилось тогда на подъеме, оно оперативно отвечало на требования момента и одновременно являлось дальнейшим развитием богатых переводческих традиций в Грузии.

Как и всякое большое дело, книга Б. Микадзе не свободна от недостатков. Уже говорилось, что наличие материала определило положение, при котором главы о поэзии, очерке, рассказе оказались более глубоко проработанными, чем, скажем, глава о драматургии, носящая скорее информационно-идеологический, чем исследовательский характер.

Конечно, краткость — сестра таланта, но достоинство в крайнем своем выражении способно перейти в свою противоположность. Книгу Б. Микадзе отличает необычайная сжатость, прямотаки «спрессованность» данных. Поскольку автор не был ограничен жесткими рамками размера, можно было несколько расширить самые «напряженные» части монографии. Это дало бы возможность полнее использовать тот метод изложения данных, который применен, скажем, для сообщения о стихотворениях «Жди меня» и «Убей его!» К. Симонова, «Землянка» А. Суркова и других, для большинства тем.

И еще. Библиография тут содержит в основном перечень научной и критической литературы по теме. Но автором выявлено большое количество произведений русских авторов, публиковавшихся в оригинале и в переводах в периодике Грузии. Часть этих данных вошла в книгу, но все вместить, естественно, оказалось невозможным. Поэтому представляется необходимым подготовить полный список всех публикаций в хронологической (или другой) последовательности и опубликовать это библиографическое пособие, которое, убежден, поможет многим интересующимся разобратся в этом море материала.

Да и тираж книги, ограниченный всего 500 экземплярами, очень уж мал для работы такого типа, являющейся еще одной страницей русско-грузинских литературных взаимоотношений и рассказывающей о функционировании произведений русской литературы в Грузии в самый трудный период существования Советского государства.

Д. ТУХАРЕЛИ

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

УДК 94(075)42
ЗПЗ 2010033

ТРЕТИЙ том сборника трудов «Дружба» («Мегиброба»), выпущенный в конце минувшего года на русском языке издательством «Мецниереба», продолжает ставшую уже традиционной публикацию исследований, посвященных взаимосвязям грузинского народа с братскими народами нашей многонациональной страны.

В отличие от двух предыдущих томов этой серии, изданных в 1979 и 1980 гг. и касающихся взаимоотношений в области истории, литературы, науки и искусства, новая книга представляет собой целевое издание, полностью отведенное вопросам литературных взаимосвязей грузинского народа с братскими республиками нашей страны и зарубежными странами. Такая целенаправленность позволила его авторам более глубоко и широко осветить исследуемые проблемы. А то, что сборник вышел на русском языке, значительно расширило географию его распространения, сделав его уже библиографической редкостью.

Композиционно книга состоит из двух разделов. Первый, основной — включает статьи и исследования, второй — публикации.

Из статей прежде всего привлекают внимание три работы, посвященные А. С. Пушкину. Это исследования С. С. Лекишвили «Из каких источников черпал Пушкин сведения о Грузии?», М. В. Нинидзе «Пушкин в дореволюционной детской периодике» («Джеджили», «Накадули») и Н. В. Гегашвили «Произведения А. С. Пушкина в сценической интерпретации грузинских советских художников».

Задача С. Лекишвили — изучить, какое место занимала литература о Грузии в личной библиотеке Пушкина. Интересны новые сведения, приведенные исследователем о соученике великого поэта по Царскосельскому лицей, литераторе и историке Д. А. Эристове (Эристави), который, как выясняется, не относился к числу многочисленных ассимилировавшихся в России поселенцев грузинской колонии, постепенно утративших все связи с покинутой родиной и остававшихся грузинами лишь по рождению. Д. Эристави был тесно связан с тогдашней грузинской действительностью. Он внес весомый вклад в распространение и пропаганду среди русской общественности разнообразных сведений о Грузии. В известном «Энциклопедическом словаре» Плюшара им опубликовано свыше пятидесяти статей, в том числе восемнадцать высококвалифицированных работ о политическом, историческом и культурном прошлом Грузии. С. Лекишвили, безусловно, прав,

01335340
302 00110333

утверждая, что Д. Эристави «должен был явиться одним из эрудированных информаторов А. С. Пушкина, тем источником, из которого великий поэт мог щедро черпать интересующие его сведения из жизни Грузии, о ее многовековой и богатейшей культуре».

М. Нинидзе рассматривает переводы творений Пушкина и посвященные ему статьи, опубликованные на страницах дореволюционных детских журналов «Джеджили» и «Накадули». «Пушкинские материалы... — справедливо замечает М. Нинидзе, — характеризуются искренней любовью, теплотой и знанием детской психологии. Все это возбуждало у юных грузинских читателей любовь к А. С. Пушкину на всю жизнь». В этом видела свою задачу дореволюционная грузинская детская периодика, и эту задачу, как показывает автор статьи, она успешно и последовательно решала.

В работе Н. Геташвили впервые анализируется сценография пушкинских спектаклей, поставленных на грузинской советской сцене. По крупицам собрав интересный материал, хранящийся в музеях тбилисских театров, в Республиканском музее театра, музыки и кино, в музее имени А. Бахрушина, в московском и ленинградском пушкинских музеях, а также в частных коллекциях, автор высококвалифицированно анализирует работы Дм. Тавадзе, Д. Какабадзе, В. Иванова, Г. Волчинского, И. Штенберг, Д. Нодия, И. Шарлеманя, В. Шухаева, К. Кукуладзе, И. Параджанова, М. Чиковани, Г. Гуния, М. Мурванидзе и других. Это, несомненно, ценный вклад в решение такой важной и большой проблемы, как «Пушкин и грузинский театр».

В исследовании Т. Орнатской «Кавказский дневник Александра Николаевича Островского» приведены новые материалы, связанные с поездкой великого русского драматурга в Грузию в 1883 году. Автор вносит существенные поправки в текст дневника, опубликованного в 13-м томе 16-томного собрания сочинений А. Н. Островского, устанавливая, что в свите М. Н. Островского (брата драматурга) был не А. В., а И. П. Архипов (профессор Московского университета), что Островских вместе с Николадзе встречал А. В. Бахметьев (брат жены драматурга, живший в Тбилиси), что именно с ним, а не с Архиповым драматург ездил по Грузии и Кавказу, что А. Н. Островский сделал визит 27 октября 1883 года не мифическому Масолову, а Л. А. Магалову (Магалашвили) и т. д. Очень интересен впервые публикуемый Т. Орнатской отрывок из мемуаров пасынка А. В. Бахметьева — Михаила Андреевича Шателена (в 1883 году гимназиста), проливающий дополнительный свет на пребывание А. Н. Островского в Грузии.

В работе Л. И. Емельянова «Хаджи-Мурат». Материалы тифлисских корреспондентов Льва Толстого» анализируются те сведения, которые были посланы Л. Толстому, но не «продитированы» в его повести. «Тифлиские корреспонденты Толстого, — пишет Л. Емельянов, — собрали для него обширнейшие сведения, в том числе такие особо важные в данном случае материалы, как «Кавказский сборник» (о нем впервые сообщил писателю И. П. Накашидзе), как переписка Хаджи-Мурата с генералом Ключенуа, присланная С. С. Эсадзе, история Куринского полка и многое другое. Независимо от того, были ли «продитированы» эти материалы в повести, важность их для Толстого не подлежит никакому сомнению, ибо сам характер их в высшей степени отвечал характеру именно той художественной задачи, которая стояла перед Толстым в тот последний период работы над повестью». Данный тезис убедительно раскрывается в работе, созданной на основе глубокого и многогранного осмысления любопытного материала.

В исследовании Л. А. Сарибековой «Русский реализм начала XX века и грузинская литература (Статья II. Вопросы восприятия творчества Леонида Андреева в Грузии)» впервые всесторонне подвергнуты анализу статьи Г. Туманишвили, Е. Николадзе, И. Рамишвили, Г. Вешапидзе, К. Абашидзе, Д. Онашвили и других, а также переводы произведений Л. Андреева на грузинский язык, выполненные Ир. Евдошвили, И. Полумордвиновым (Зедгенидзе), И. Хирсели, Ч. Ломтатидзе, И. Зурабишвили и другими.

Автор убедительно показывает, что грузинские критики и переводчики воспринимали Л. Андреева как многосложного, но целостного писателя, как фигуру в высшей степени характерную и показательную для эпохи, воплотившую ее существенные тенденции и черты. «Сложный процесс переплетения и взаимодействия в творчестве Андреева разнородных идейно-стилевых явлений, — читаем в исследовании, — рассматривается как отражение специфических закономерностей развития литературы переходного времени».

Работой Л. Сарибековой завершается изучение вопросов литературных взаимосвязей дореволюционного периода. Остальные материалы, помещенные в третьем томе «Дружбы», касаются нашей советской эпохи.

Эта часть сборника открывается трудом Е. Н. Киясашвили «К вопросу становления советского переводческого искусства (Статья I. Переводы П. Антокольского из грузинской современной поэзии)», в котором определяется художественная ценность переводов П. Антокольского, рассматриваются методы и принци-

9.18.1959
202.52.0110333

ды переводчика, изучается его творческий процесс. На основе глубокого и всестороннего осмысления обширнейшего материала (в том числе и впервые вводимых в научный оборот архивных источников) Е. Киасашвили приходит к следующему выводу: «Высокая поэтическая культура, глубокий историзм, оригинальность мастерства обусловили успех П. Антокольского в деле перевода грузинской современной поэзии. Его переводы — не механическое переложение текста оригинала, а вдумчивое, внимательное прочтение. В известном смысле переводчик является истолкователем оригинала, для чего требовалось глубокое знание истории Грузии. Таким образом, высокий уровень переводов П. Антокольского, несомненно, — результат и большой творческой работы и в то же время близкого знакомства с культурой и поэзией этой страны».

О том, какое место занимала Грузия в русской поэзии, прозе, драматургии, говорилось немало. Хуже обстоит дело в этом отношении с художественным очерком, который специально не исследовался. Теперь этот пробел в определенной мере может считаться восполненным благодаря работе М. К. Кшонзер «Русский советский путевой очерк о Грузии 20—30-х годов», где на основе разбора очерков М. Горького, В. Маяковского, К. Паустовского, М. Кольцова, А. Белого, М. Ромма, В. Гольцева, З. Рихтер и других показана та большая роль, которую играет личность автора и избранный им способ подачи материала в идейно-художественной концепции очерка.

Сопоставляя «Анзора» С. Шаншиашвили с «Бронепоездом 14—69» Вс. Иванова, Н. Н. Джорбенадзе в своей работе «К вопросу о восприятии ранней русской советской драматургии в Грузии (Статья I. О творческой истории пьесы С. Шаншиашвили «Анзор»)» определяет ту роль, которую сыграло творческое усвоение русской советской драматургии в Грузии. «Революционная классика... усваиваясь грузинской драматургией, — пишет Н. Джорбенадзе, — становилась отправной точкой ускоренного становления, импульсом к ее развитию. Отвечая на многие вопросы современности, общие для двух республик, русская драматургия органически привносила свои черты в национально-грузинскую литературную традицию. Она не просто знакомила с новыми художественными формами, но и давала толчок исканиям художников в их оригинальном творчестве». Это положение доказывается на примере известных пьес Вс. Иванова и С. Шаншиашвили.

В статье «Маяковский и грузинские писатели» И. С. Богомолов рассказывает о дружбе великого поэта революции с грузинскими писателями, о его отношении к грузинской литературе и к грузинскому языку.

Большой интерес вызывает труд С. Г. Исакова «Новые материалы по истории эстонско-грузинских революционных и культурных связей», почти целиком написанный на основе обнаруженных автором архивных материалов. Работа эта расширяет рамки книги того же автора «Сквозь годы и расстояния» (1969) и проливает дополнительный свет на статьи о Грузии и грузинах, помещенные в эстонской прессе конца XIX — начала XX вв., на сведения об эстонцах, живших и работавших здесь, на участие грузин — тартуских студентов — в эстонском революционном движении и т. д.

А. Г. Мхитарян выступает в сборнике со статьей «Александр Ширванзаде и Грузия», в которой анализирует высказывания выдающегося армянского писателя о Грузии и грузинской литературе, отношение грузинских писателей к А. Ширванзаде, постановки пьес армянского драматурга в Грузии и т. д.

Первый раздел третьего тома «Дружбы» завершает исследование М. А. Филиной «Переводы грузинской советской поэзии на польский язык», в котором впервые всесторонне рассмотрены переводы некоторых произведений Г. Табидзе, С. Чиковани, Г. Леонидзе на польский язык. Импонирует не только глубокое знание автором предмета исследования, но и его форма. Работа М. Филиной воспринимается как эссе, как плод глубоких раздумий над спецификой грузинского и польского поэтического мышления, осмысления значимости творчества названных поэтов, сложности передачи их на инородном языке, стремления одолеть эту сложность.

Во втором разделе сборника впервые публикуются письма Г. Сундукяна к дочери Тинатин, неизвестные и малоизвестные материалы, связанные с кончиной Н. В. Шелгунова, отрывки из записных книжек В. М. Саянова, связанные с Грузией, и дневниковые записи А. Я. Яшина, относящиеся к периоду его посещений нашей республики.

Привлекает многогранность интересов авторов книги, их стремление исследовать малоизвестные или же вовсе неизвестные аспекты литературных взаимосвязей.

В предисловии к «Дружбе» говорится о том, что данная книга «положит начало серии проблемных сборников, предусмотренных в будущем». Надо полагать, это заявление имеет под собой реальную почву и позволяет надеяться на выход новых томов, посвященных литературным взаимосвязям.

И. МОДЕБАДЗЕ

«ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО...»

НА ТРЕТИЙ день после начала Великой Отечественной войны, 24 июня 1941 года, было создано Советское Информационное Бюро. В его задачу, как говорилось в постановлении Центрального Комитета партии и Советского правительства, входило руководство всей работой по освещению международных событий, внутренней жизни страны, а также военных событий.

Люди старшего поколения помнят, что передачи московского радио каждый из 1418 дней войны начинались с исполнения песни «Священная война». А вслед за этой песней (и это тоже примета того грозного времени) передавалось сообщение Советского Информбюро. Миллионы людей в огромной стране, затаив дыхание, слушали информацию с военных действий на фронтах, о героических подвигах советских воинов.

В сводках Совинформбюро было названо свыше 14 470 фамилий солдат, сержантов, старшин, офицеров, генералов, отличившихся в боевых действиях против немецко-фашистских войск. Среди них — много сынов грузинского народа.

Совинформбюро не только публиковало сводки о боевых действиях на фронте. В подготовленных им статьях, очерках, репортажах раскрывался справедливый, освободительный характер войны советского народа против фашистских захватчиков. В час тяжелого испытания выдающийся грузинский писатель Шалва Дадяни напомнил в статье, написанной для Совинформбюро, слова из старой исторической хроники: «Не принято у нас, грузин, когда мы видим идущего на нас врага, в бессилии обратиться к нему спину, даже если нам угрожает смерть». Он с гордостью писал о тысячах грузин — героев Великой Отечественной.

О той же записи в средневековой летописи напоминает в статье «Кавказ борется!» Георгий Леонидзе. Герои прошлого, «мужественные образы предков» вдохновляют современников поэта на самоотверженную борьбу с фашистами.

О высокой культуре народов Кавказа, которым угрожали гитлеровские орды, писала критик Р. Миллер-Будницкая. По ее спра-

ведливому замечанию, великая поэма Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в дни войны служила духовным оружием грузинского народа.

Русский писатель Павел Лукницкий, запечатлевший в своих произведениях героическую оборону Ленинграда, в очерке, написанном для Совинформбюро, рассказал о фронтовом хирурге Рафаиле Коридзе, спасшем жизнь многим раненым воинам.

Живыми впечатлениями о постановке оперы Гокиели «Патара кахи» в Тбилиси проникнут очерк Н. Лабковского. И здесь ощущается время грозных испытаний: по улицам возле театра, где идет спектакль, громяхают гусеницы танков, уходящих на фронт...

* * *

Публикуемые материалы были написаны для зарубежной прессы. Они хранятся в фонде Советского Информбюро в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (Москва).

Семен КРАСИЛЬЩИК

Шалва ДАДИАНИ

В ВЕЛИКОЙ СЕМЬЕ НАРОДОВ

Грузинский народ прошел последние два десятилетия замечательным путем достижений. Это пробудило в нем веру в свои силы и укрепило чувство связи с великой семьей братских народов.

Грузия всегда высоко ставила обычай побратимства, воспетый в бессмертной поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», которая повествует о верных друзьях — Таризеле, Автандиле и Фридоне.

В наши дни грузинский народ еще более расширил высокую идею побратимства, видя ее осуществление в нерушимой дружбе народов.

Сегодня каждый грузин, как и его братья — сыны братских народов — явственно сознает, что он патриот не только вскормившей его Грузии, но что его родиной является теперь весь Союз ССР.

Каждый грузин понимает сегодня, что он призван быть преданным и верным сыном страны, защитником ее чести и достоинства.

Час тяжелого испытания наступил. Вероломный враг вторгся глубоко в пределы Советского Союза. Вот когда должны были полностью выявиться все возможности, все лучшие качества грузинского народа: его непоколебимость, неустрашимость перед лицом врага, его готовность на самопожертвование, героизм.

В старой исторической хронике, носящей название «Жизнь Грузии», приводятся слова одного грузинского военачальника: «Не принято у нас, грузин, когда мы видим идущего на нас врага, в бессилии обратить к нему спину, даже если нам угрожает смерть».

И истинно, — в этой беспримерной Великой Отечественной войне советского народа Грузия дала не одного и не двух славных сынов. Их имена исчисляются уже тысячами. Многие из них проявили величайший героизм и мужество, заслужили почетное звание Героя Советского Союза, получили высокие награды.

28 октября 1942 года.

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

В течение 3 ноября наши войска вели бои с противником в районе Сталинграда, северо-восточнее Туапсе и юго-восточнее Нальчика. На других фронтах никаких изменений не произошло.

Из сообщения Совинформбюро
3 ноября 1942 года

КАВКАЗ БОРЕТСЯ!

«...Не принято у нас, грузин, когда мы видим идущего на нас врага, в бессилии обратить к нему спину, даже если нам угрожает смерть...»

Так гласит летопись Грузии. В XIII веке сделана эта запись, и спустя многие века эти слова, запечатленные в сердце народа, повторялись людьми, защищавшими Родину в минуты опасности.

Повторялись они как клятва, как боевой клич, как священный лозунг на знамени.

В 1795 году в Крцанисском сражении под Тбилиси, в кровавой неравной борьбе 70 000 персов разгромили маленькую трехтысячную армию храброго, но уже обессиленного старостью и изменами царя-полководца Ираклия. Тогда жители осажденного Тбилиси взяли в руки оружие. Горстку тбилисских граждан повел в бой Мачабели, любимый певец города. Вместо копья он взял в руки чонгури. Тронув струны, он запел веселую свадебную мелодию и пошел впереди отряда. Знакомую песню подхватили сотни голосов. В наше время это назвали бы психической атакой. Тогда это была атака чувств и веры. Отряд горожан дошел почти до самых знамен Ага-Магомед-хана. Восточный тиран, видевший много упорных боев, воскликнул, не в силах сдержать восторг:

— С детства до сегодняшнего дня я видел много. Я участвовал во многих сражениях, но еще не видел такого яростного сопротивления, такой отваги...

Сегодня над Родиной вновь нависла опасность. Сегодня чаще, чем когда-либо, наш народ повторяет слова своих мужественных предков. Как будто о наших днях написаны стихи Ильи Чавчавадзе:

Кавказ одною мыслью жив,
И чувство в нем одно,
Священный гнев в его груди
Клокочет с грозной силой...

Банды Гитлера подступили к предгорьям Кавказа. Но, кроме естественной преграды — гордых Кавказских гор, они встретили преграду еще более твердую — содружество народов, их закаленную волю. Кавказ не помнит такого крепкого единства, как в эти суровые дни: не помнит такой ярости, с какою русские, грузины, армяне, азербайджанцы кинулись на врага.

Седой Кавказ, старая Грузия помнят времена «кровавых дождей», времена страшных пожаров. Но ни орды Тамарлана, ни орды Чингисхана, ни войска Шах-Абасса не были так опасны для Кавказа, для его культуры, для национальной независимости населяющих его народов, как чудовищно опасны рвущиеся к снежным горам черные корпуса Гитлера. Мы это знаем. Это понимает каждый. И потому в боях за Ржев и Ленинград, за Ростов и Сталинград, в донских степях и в ущельях Клухорского перевала плечом к плечу, как братья, сражаются, как братья, побеждают или умирают люди всех национальностей — советские люди, не знаю-

щие национальной розни, познавшие радость искренней и истинной дружбы народов. И герой-грузин, павший в бою за Москву, так же близок нашим сердцам, как герой-русский, отдавший жизнь за Грузию.

Борясь за честь и жизнь Родины, сыны наших народов грудью и кровью своей преграждают путь немецко-фашистским ордам. И кровь эта, слитая воедино, кровь русских, грузин, узбеков, евреев крепит наше единство.

Грузия гордится именами девяти братьев Херхеулидзе. В 1624 году героиня-мать проводила их в кровопролитную Марабдинскую битву, и они стали героями. Но сегодня колхозник Абесадзе из семнадцати сыновей послал защищать Отечество — четырнадцать, и они сражаются почти на всех фронтах Отечественной войны.

Герой Советского Союза, участник героической обороны Севастополя Н. Адамия один уничтожил более 200 фашистов. Далекو идет слава о подвигах Героев Советского Союза М. Чахонидзе и А. Гегешидзе, о бесстрашном морском летчике капитане Цурцумия, гвардии генерал-лейтенанте П. Чанчибадзе, летчике Джармелашвили, полковнике Инаури, майоре Джахияеве, политруке Шубитидзе, шофере Кереселидзе и многих других, прославляющих Родину боевыми делами. И вот сейчас получено известие о подвиге бесстрашной комсомолки — медицинской сестры Тамары Датуашвили, которая под непрерывным обстрелом врага, взобравшись по крутой скале, оказала первую помощь тяжелораненому моряку Губаренко. А до этого она вынесла с поля сражения 25 тяжелораненых бойцов и командиров. А сколько таких мужественных, отважных и преданных патриотов в нашей стране!

Письма героев-бойцов дышат священной ненавистью к лютому врагу. Письма жен, матерей и родных к бойцам — призыв удесатерить свою силу, свое умение в схватке с врагом.

Враг рвется к Кавказу. Протягивает свои ядовитые когти к полной жизни и цветения Советской Грузии.

Нет! Грузия никогда не станет провинцией гитлеровской Германии, прислужницей фашистских рабовладельцев. Никогда грузинский народ не менял свободу отечества на заржавленные цепи. Народ помнит прежние раны и мужественно отражает натиск фашистов, так бешено рвущихся к старому «эдему».

Мужественные образы предков — Давида Строителя, Вахтанга Горгасала, Георгия Саакадзе зовут к героической борьбе.

Дорога к Кавказу станет могилой русских шакалсв.

3 ноября 1942 года.

ШОТА РУСТАВЕЛИ

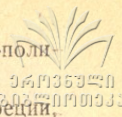

Враг рвется к Кавказу. Фашистские варвары стремятся разграбить и опустошить этот цветущий плодоносный край, поработить вольные народы, уничтожить вековую культуру Кавказа.

Народы Кавказа свято хранят свое культурное наследие. В горах Пшаво-Хевсуретии из поколения в поколение передается устный народный эпос, по своей художественной силе равный «Эдде», «Песни о Нибелунгах», «Песни о Роланде». В церквах и монастырях Армении, особенно в знаменитом Эчмиадзинском монастыре, хранятся сокровища человеческой мысли и таланта: редчайшие средневековые манускрипты, чудо искусства миниатюристов и каллиграфов. В Кировабаде, в Азербайджане покоится прах Низами Гянджеви, одного из величайших мировых поэтов, кого признавал своим учителем бессмертный Гете. В грузинском народе жива поэма Шота Руставели.

На рубеже XI—XII веков, когда вся Европа, включая и Италию, еще была погружена в глубокую ночь средневековья, на Кавказе, в Грузии, уже всходила заря Возрождения. Из блестящей плеяды художников и зодчих, ученых и мыслителей грузинского Ренессанса в памяти народной с любовью сохранилось одно имя, как в фокусе вобравшее всю зрелую, богатую и утонченную цивилизацию той эпохи. Это имя певца «Вепхисткаосани» — Шота Руставели.

То был универсальный, многогранный ум, брат по духу таких гениев западноевропейского Возрождения, как Данте, Микеланджело, Леонардо да Винчи. Человек из племени месхов, уроженец села Рустави в Месхетии, он перерос рамки племени и нации и стал подлинным мировым поэтом, гражданином мира. Поэт, философ, ученый, путешественник, государственный деятель, он оставил след в различных областях творчества и культуры своего времени. Шота объездил множество стран, владел их языками, как своим родным, брался с выдающимися умами разных национальностей, знал каждый уголок восточного мира. Он путешествовал от Китая и Индии до Атлантики и от Африки до Среднеазиатского Турана. Его поэма, своеобразная грузинская Одиссея — это живая энциклопедия эпохи. Она охватывает весь известный тогда «земной круг». Ее герои — арабы, индусы, мавры, китайцы, монголы, турки, ев-

ропейцы. В ней разворачивается широкая картина культурно-политической жизни Востока.

Согласно преданию, Руставели получил образование в Греции, в одном из тамошних грузинских монастырей. Его ранняя юность совпала с падением Византии, разрушенной и поделенной крестоносцами, и с разгромом последних неоплатоников Греции. Но Руставели высоко поднял знамя античной культуры. Его поэма звучит проповедью философских и политических идей воинствующего Ренессанса в борьбе со средневековьем. Дух свободомыслия, поклонения природе и человеку — против религиозного фанатизма, просвещенный абсолютизм — против феодального строя, общенациональный язык и культура — против племенной розни, братство народов — против религиозной и национальной вражды.

И в то же время Руставели остается подлинным сыном своего народа и своей отчизны. Поэт, летописец, языкотворец, создатель языка и культуры Грузии, он был одним из тех историков, которые не только пишут, но и делают историю. Приближенный к царице Тамар полководец и казначей, вождь рыцарства, он в течение долгих лет руководил судьбами страны, принимал участие в борьбе за ее объединение, совершая победоносные походы далеко за пределы Грузии. Великий гражданин, он болел душой за свою родину и умер в изгнании, в монастыре, обвиненный в государственной измене, оклеветанный врагами и преданный друзьями. Проникнутая гражданской скорбью и гневом, его поэма была создана как документ острой политической борьбы своего времени и прозвучала боевым кличем, пламенной речью трибуна.

Так звучала она в течение веков, так звучит и поныне. В дни Великой Отечественной войны поэма служит духовным оружием грузинского народа. На антифашистском митинге народов Закавказья ее строфы прозвучали мощным призывом остановить вторжение, изгнать навеки врага с любимой родной земли. Поэты Грузии рассказывают о людях и подвигах в Отечественной войне языком, образами и стилем Руставели. В глухих селах народные певцы слагают песни об этой войне на древний привычный лад Руставели. Девушки в письмах на фронт называют своих возлюбленных именами руставелевских героев и зовут их быть такими, как эти герои. Изречения и призывы Руставели звучат на фронте и в тылу, в городах и селах, в горных ущельях и виноградниках долин — они вошли в плоть и кровь народа. Имя Руставели сделалось боевым знаменем национальной культуры, символом свободы народов Кавказа.

Шота Руставели — гений общечеловеческий, мировой. Его поэма была переведена в XIX—XX веках на все европейские языки.

Поэты Запада черпали из сокровищницы ее образов, ученые открывали в ней новые страницы истории культуры, философы изучали язык ее символов. Разве народы могут отдать на поругание фашистам священное наследие Руставели, его отчизну и народ? Разве можно стерпеть, чтобы эти палачи сожгли на кострах издания поэмы, чтобы разрушили и осквернили памятники Руставели, чтобы переименовали улицы, носящие его имя, чтобы запретили язык Руставели на родине его?

Не впервые вступает нога завоевателя на землю Кавказа. Эту землю топтали колесницы Ассура, конница Кира, фаланги Александра Македонского, легионы Рима; лавиной обрушивались на нее монгольские орды и полчища тюрков-сельджуков. Но народы Кавказа всегда с оружием в руках отстаивали свою свободу, отстоят они ее и сейчас. Борясь сейчас вместе с великим русским народом за свое историческое, национальное бытие, за свою многовековую культуру, они спасают духовное наследие Европы от мрака и позора фашистского варварства. И дело гражданской совести всего передового человечества — выступить вместе с ним в этой справедливейшей из войн, которые когда-либо велись человечеством.

14 сентября 1942 года.

Н. ЛАБКОВСКИЙ

«ПАТАРА КАХИ»

...Я был на премьере оперы «Патара кахи» в Тбилиси. Театр был переполнен. И то, что по ту сторону его стен настороженно притих затемненный город, и то, что по улицам громыхали гусеницы танков, уходящих на фронт, придавало особую остроту и злободневность происходившему на сцене. Зал живо реагировал и бурными аплодисментами встречал каждое появление маленького кахетинца, которого с присущим ему мастерством, тепло и лирично играл бывший солист Большого театра в Москве, заслуженный артист Грузии Давид Бадридзе, возвратившийся во время войны в свой родной город Тбилиси. Князя-пастуха пел заслуженный артист Грузии — орденосец Давид Гамрекели. Этот артист обладает баритоном прекрасного тембра и большой силы. У него

превосходная внешность и недюжинные драматические способности.

Музыка Ваго Гокнели обогащена грузинскими народными мелодиями. Композитор широко использовал богатый фольклорный материал — грузинские крестьянские и рабочие песни, плясовые, тангрыши «саламури» (пастушеский рожок). Все это приблизило оперу к слушателю, сделало ее понятной и доходчивой.

Очень красочные декорации написал талантливый грузинский художник, заслуженный деятель искусств Ираклий Гамрекели. Этому оригинальному декоратору свойственны полет фантазии и умение пользоваться красками. На сцене тбилисского театра возникли полуфантастические леса, изумительной красоты замки и виды горной Грузии.

Опера «Патара кахи», конечно, интересна не только для грузинского слушателя. Ее сюжет глубоко драматичен, музыка мелодична, обстановка красочна, а чувства, наполняющие ее, близки и понятны каждому, кто хочет бороться против темных сил, за свободу и прогресс.

11 мая 1943 года.

Павел ЛУКНИЦКИЙ

ФРОНТОВОЙ ХИРУРГ КОРИДЗЕ

Сразу после приезда хирурга Рафаила Мелдоновича Коридзе в полевом госпитале сам собою организовался под его руководством маленький «университет». Молодые врачи учились у опытных, а сами учили санитаров и медсестер. Устраивая «выездные маневры», весь госпиталь учился сворачиваться и разворачиваться в кратчайшие сроки, — в последний раз полностью сложиться и погрузиться на машины удалось за 40 минут. Комиссар, начальник, главный хирург сами показывали, как надо складывать койки, поднимать и укладывать больного, как обращаться с любым видом сложного оборудования. Операционные, аптека, кухня, гараж — все было под постоянным и непосредственным их наблюдением.

И в день аврала, когда привезли целую группу раненых, их приняли так умело и организованно, будто весь коллектив работал на фронте уже целый год.

Живым, горячим, трепетным сердцем госпиталя стал талантливый хирург коммунист Коридзе.

— Широкая натура, бесконечная честность, большая редкая чуткость, — говорит о нем ординатор Титова.

Техникой Коридзе владеет изумительно. Рентгенолог Сидорина приводит примеры:

— Там, где другие врачи говорят, что у больного нет перелома, Коридзе наклонится, пошевелит, послушает, посмотрит и пальцем показывает: «Вот здесь перелом!» ...Делаем снимок — перелом подтверждается. И тогда Коридзе так идеально ставит отломки, что правильное сращение обеспечено... А при операциях он буквально чувствует, куда идти ножом. Опыт? Талант? Интуиция? Все вместе, и прежде всего — любовь к делу!

Бывали случаи, когда Коридзе и его ассистенты не выходили из операционной по тридцать часов подряд: «Нам некогда было идти в столовую, мы ели тут же...»

Коридзе берет на себя самые сложные, самые рискованные операции — черепные, полостные, открытые ранения грудной клетки и т. п. Хирургу удавалось вернуть к жизни больных с тяжелой ранениями кишечника, двумя-тремя—желудка и одновременно 8—10 ранениями других органов тела. Безнадежные «по правилам медицины» больные у Коридзе выздоравливали и возвращались на передовую. Требуя от других проявления инициативы, он прежде всего инициативен сам. Применяя соллюкс и кварц, он предупреждал гангрену и сокращал срок лечения больных. Кровозамещающий раствор Ленинградского института переливания крови, блокада новокаином, аэротерапия и другие применяемые по его инициативе методы лечения давали в госпитале прекрасный эффект.

Комиссар эскадрильи летчик Катин, капитан Шпуров, лейтенанты Богданов и Переверзев могут рассказать, что своему возвращению к жизни и к активной борьбе с врагами Родины они обязаны искусству и самоотверженности этого замечательного врача.

Коридзе же утверждает, что выздоровлению больного способствовала прекрасная бодрость его духа. Госпиталь стал образным потому, что весь персонал работает дружно, неустанно, самозабвенно, стремясь как можно скорее вернуть Красной Армии каждого раненого в бою защитника Родины.

— Фронтовая наша работа идет нормально, — говорит фронтовой хирург Коридзе.

1 октября 1942 г.

Исполнилось 80 лет со дня рождения видного грузинского ученого - литературоведа, директора Института истории грузинской литературы имени Шота Руставели АН Грузинской ССР, академика Академии наук Грузии, заслуженного деятеля науки, доктора филологических наук, профессора Александра Георгиевича Барамидзе, чья плодотворная научно-педагогическая деятельность в области истории древнегрузинской литературы продолжается уже более полувека. Ниже мы публикуем статью о нем его учеников.

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ НАУКЕ

НАЧАЛОСЬ все на заре века, почти на пустом месте... Родился А. Барамидзе 27 марта 1902 года в Гурин, в маленьком красивом селе Джунджуати близ Ланчхути. Начальное образование он получил в сельской школе, затем продолжил учебу в потийской и хашурской гимназиях. Многолетняя семья бедствовала и не могла ему помочь, гимназисту приходилось заниматься репетиторством. С малых лет А. Барамидзе приучил себя к систематическому труду и эту поразительную трудоспособность сохранил на всю жизнь.

В 1920 году он становится студентом только что созданного Тбилисского государственного университета по разряду словесности. С большим трудом находит бедный провинциальный

юноша угол в городе, устраивается на работу мелким служащим в железнодорожном управлении и лишь урывками, по вечерам, посещает лекции. Его лекторами были в то время уже известные ученые, основоположники ряда областей грузинской науки и основатели университета И. Джавахишвили, К. Кекелидзе, Г. Церетели, Д. Узнадзе, Ш. Нуцубидзе, Г. Ахвледiani, А. Шанидзе и другие.

Уже в студенческие годы проявились исследовательские способности А. Барамидзе. Огромная жажда знаний, пылливость и трудоспособность позволили ему выступить на семинаре у К. Кекелидзе с несколькими докладами по истории древнегрузинской литературы. Как раз в ту пору его руководитель работал над созданием первой двухтомной фундаментальной монографии «История древнегрузинской литературы». Эта работа, с одной стороны, подводила итоги отдельных разысканий в предшествующий период (работы Н. Марра, Е. Такайшвили, А. Цагарели, А. Ханапшвили и др.), а с другой — ставила новые задачи, выявляла белые пятна этой истории.

Неудивительно, что именно К. Кекелидзе обратил внимание на способного студента и предложил ему в 1925 году остаться после окончания университетского курса при кафедре для подготовки к профессорскому званию. С самого же начала определился круг интересов молодого ученого: история древнегрузинской светской литературы (XII—XVIII вв.). Естественно поэтому, что он решил основательно изучить литературы стран Востока, в первую очередь — Ирана, с которым Грузия на протяжении веков поддерживала тесные историко-культурные связи. Арабским языком он занимался у А. Шанидзе, персидским — у Ю. Абуладзе (оба его учителя были воспитанниками петербургской восточноведческой школы). Тщательно штудировал А. Барамидзе труды академика Н. Марра, заложившего научные основы исследования грузино-персидских литературных взаимоотношений.

Первые же научные работы А. Барамидзе — «Заметки о грузинских версиях «Шах-наме» (1927), «Литературные источники «Русуданиани» (1928), «О датировке пластов «Витязя в барсовой шкуре» (1929) и другие, выявившие эрудицию, талант и большие возможности их автора, — не утратили своего научного значения до наших дней. В то же время они определили весь дальнейший ход исследовательской работы ученого: грузино-персидские литературные связи и их значение для истории древнегрузинской литературы («Шах-наме» и другие), оригинальные памятники грузинской светской литературы («Русуданиани» и другие), вершина грузинской светской литературы — Шота Руставели и его поэма.

Большую роль в формировании молодого ученого сыграла близость с семьей врача и общественного деятеля, передового интеллигента И. Элиашвили, на дочери которого он вскоре женился. Н. Элиашвили (1902—1967) была подлинным другом и правой рукой А. Барамидзе в течение всей их дружной совместной жизни.

В 1927 году А. Барамидзе был назначен ассистентом кафедры древнегрузинской литературы, а в 1930—научным сотрудником-хранителем рукописей в Государственном музее Грузии. Это давало возможность непосредственно знакомиться с рукописями многих еще неизданных произведений грузинской письменности. Результатом кропотливой работы явились составление и издание интересного второго тома «Антологии грузинской художественной литературы» (1928), публикации заново подготовленных текстов Давида Гурамишвили (1931, совместно с С. Иорданишвили), Бесики (1932, совместно с В. Топуриа), Теймураза I (1934, совместно с Г. Джакобиа) и других. Все эти публикации снабжены вводными статьями и подробными литературно-текстологическими комментариями.

С 1929 года по сей день А. Барамидзе читает лекции в Тбилисском университете (курс истории грузинской литературы, спецкурсы по руствелологии и грузино-персидским литературным связям), в течение ряда лет читал лекции в Кутаисском, Горийском, Тбилисском педагогических институтах. В 1932 году ему было присвоено звание доцента. В 1936 году он защитил диссертацию на степень доктора филологических наук («Грузинские версии «Калилы и Димны»), и тогда же ему было присвоено ученое звание профессора. Это была первая докторская диссертация в области истории грузинской литературы, написанная и защищенная в стенах Тбилисского государственного университета.

В 1934—1942 годах А. Барамидзе был сотрудником основанного при Тбилисском университете научно-исследовательского института литературы; с 1942 года, со дня образования на его базе Института истории грузинской литературы имени Шота Руставели АН Грузинской ССР, он стал здесь ведущим научным сотрудником, руководителем отделов древнегрузинской литературы и руствелологии, а с 1966 года по сей день неутомимо трудится на посту директора, возглавляя всю ту огромную исследовательскую работу, которая ведется в области литературоведения в нашей республике.

Параллельно А. Барамидзе исполнял обязанности декана филологического факультета (1944—1945) и проректора по научной части Тбилисского университета (1945—1949).

В 1946 году ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки, в том же году он был избран членом-корреспондентом АН ГССР, а в 1960 году — действительным членом Академии. В течение ряда лет А. Барамидзе исполнял обязанности академика-секретаря Отделения общественных наук АН ГССР.

Академик А. Барамидзе ведет огромную общественную работу. Он является активным членом общества «Знание», председателем грузинского отделения Общества дружбы СССР — Венгрия, главным редактором журнала «Мацне» (Известия отделения языка и литературы АН ГССР), членом Союза писателей, председателем Координационного совета по литературоведению, председателем Ученого совета по присуждению ученых степеней, председателем Комиссии по установлению академического текста «Витязя в тигровой шкуре» и т. д. Им воспитана целая плеяда литературоведов, специалистов по истории древнегрузинской литературы, руствелологии, истории литературных связей Грузии со странами Востока.

Научные труды А. Барамидзе насчитывают более двухсот монографий и статей, публикаций текстов, редакций, предисловий и примечаний. Они опубликованы на грузинском, русском, украинском, белорусском, армянском, азербайджанском и других языках народов СССР, на английском, немецком, французском, польском, венгерском, испанском, еврейском, персидском и других языках мира. Он является соавтором обобщающих курсов истории грузинской литературы на грузинском и русском языках, выдержавших по два издания.

Особое место в его научном творчестве занимают Шота Руставели и его поэма. Этой теме он остается верен и по сей день. Три издания выдержала его известная монография «Шота Руставели», в которой подведены итоги многолетних наблюдений. В книге рассмотрены вопросы биографии Руставели, сюжет поэмы, идейно-тематические мотивы, предшественники и современники поэта в грузинской и мировой литературе, художественные средства и неповторимая оригинальность, подражания и переводы, текстологические проблемы и т. д.

Круг затронутых в книге вопросов настолько широк, что далеко не все они могут быть освещены с достаточной глубиной. Часть предлагаемых автором решений остается спорной, однако в целом этот труд представляет собой несомненно крупный вклад в руствелологию. Недаром он был отмечен университетской премией.

Основные работы А. Барамидзе собраны в серии выпусков под общим названием «Очерки и исследования из истории грузинской литературы».

зинской литературы». Первый том был издан в 1932 году (переиздан в дополненном виде в 1945), а последний, седьмой — в 1978 году. Поражают широта и разносторонность интересов автора.

Особое внимание уделяет автор проблемам древнегрузинской светской литературы. Он монографически исследовал как оригинальные, так и переводные памятники классической эпохи, такие как «Амиран-Дареджаниани», «Абдулмесиани», «Тамариани», «Висрамиани», определил их художественную и жанровую специфику. Подлинным открытием является опровержение взглядов Н. Марра по вопросу об источниках «Амиран-Дареджаниани».

Огромную работу проделал ученый по выявлению, изучению и публикации многих произведений эпохи так называемого Возрождения. Тут и сочинения Теймураза I, Арчила, Вахтанга VI, и творчество Сулхана-Саба Орбелиани, Бесики, Давида Гурамишвили, и грузинские версии «Шах-наме» («Ростомиани»), «Калилы и Димны», «Хосровшириниани», «Бахтиар-наме» и другие. Его исследование по установлению трех грузинских редакций «Калилы и Димны» отметило новый этап в истории грузино-персидских литературных связей, совершенно по-иному осветило роль Вахтанга и С.-С. Орбелиани в создании этих редакций. Данная работа имеет большое значение и для истории грузинской версификации. Именно А. Барамидзе, установив автограф С.-С. Орбелиани, выделил роль последнего как новатора грузинского стиха. Наконец, совместно с Е. Метревели он подготовил критический текст третьей редакции «Калилы и Димны».

В 1934 году всемирно отмечалось тысячелетие со дня рождения великого представителя персидско-таджикской поэзии Фирдоуси. А. Барамидзе проделал тогда колоссальную работу по подготовке и проведению юбилея в Грузии. Им была опубликована книга «Фирдоуси и его «Шах-наме», организована юбилейная выставка, он принял деятельное участие в издании II тома грузинских версий «Ростомиани» (совместно с Ю. Абуладзе, П. Ингорква, К. Кекелидзе и А. Шанидзе).

Многое сделал А. Барамидзе для изучения грузинской версии «Висрамиани», посвятив этому памятнику ряд статей и приняв участие в подготовке второго издания текста (1938 г., совместно с К. Кекелидзе и П. Ингорква). Что особенно характерно — он первый откликнулся на новые издания как грузинского, так и персидского текстов, выполненных его учениками, и одобрил их. Доброжелательность и готовность оказать всяческую помощь ученикам составляют главную черту характера истинного ученого.

Не замыкаясь в своей узкой специальности, ученый посвятил ряд работ представителям новой (XIX в.) и новейшей (XX в.) грузинской литературы. Он всегда в курсе текущих литературных процессов, принимает активное участие в литературных дискуссиях и спорах.

Нельзя особо не отметить последнюю его книгу «Проблемы древнегрузинской литературы» (1980). В ней не только отобраны наиболее важные, проблемные работы прежних лет, но и поставлены новые задачи перед исследователями кардинальных вопросов древнегрузинской письменности. Очерки охватывают и руствелологию, и светскую литературу классического периода, и литературу эпохи «Возрождения». Книга эта как бы подводит итог полувековому исследованию, но в то же время убеждает в молодости и живости духа ее автора, вселяя уверенность в достижении им новых творческих высот.

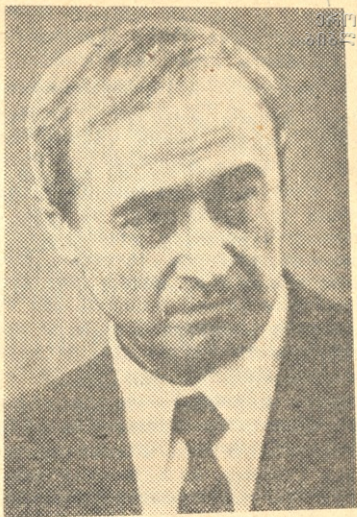
Академик А. Барамидзе полон сил и энергии. Нет в его жизни ни одной напрасно потраченной минуты. Совсем недавно он сдал в издательство интересно и оригинально написанную книгу документированных воспоминаний, со страниц которой встает живая картина истории отечественного литературоведения. А на его письменном столе уже лежат листы новых работ, корректуры редактируемых им книг, сборников, переводов. В Институте истории грузинской литературы без него не решается ни один мало-мальски важный вопрос. По средам он руководит работой Комиссии по установлению академического текста поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре», в понедельник с увлечением читает лекции в Тбилисском университете...

Жизнь, посвященная науке, служению родной словесности, продолжается. И благодарные ученики Александра Георгиевича Барамидзе желают ему большого и доброго здоровья на благо процветания грузинского советского литературоведения.

Александр ГВАХАРИЯ,
Сергей СЕРЕБРЯКОВ

ПАМЯТИ ЗУРАБА КАКАБАДЗЕ

Грузинская гуманитарная культура понесла тяжелую утрату. В расцвете творческих сил, в возрасте 55-ти лет, скончался один из ее самых ярких и светлых созидателей Зураб Мефодьевич Какабадзе, заведующий отделом эстетики Института философии Академии наук Грузинской ССР, профессор Тбилисского государственного университета, доктор философских наук.

Характером своего творческого дарования и всей своей многогранной деятельностью философа, эссеиста, публициста, литературоведа, искусствоведа, поэта Зураб Какабадзе был провозвестником и одним из наиболее ярких выразителей плодотворной тенденции, намечающейся в развитии современной грузинской гуманитарной культуры, тенденции внутреннего сближения, глубокого слияния научной гуманитарной мысли, этического пафоса и художественной культуры.

Многое предопределило особую роль Зураба Какабадзе в современной грузинской культуре. Он происходил из рода, давшего отчизне немало выдающихся деятелей. Родился и вырос в семье известного педагога и общественного деятеля. Повезло ему и с профессиональными учителями: он был непосредственным слушателем творцов грузинской советской философской культуры — Шалвы Исааковича Нуцубидзе, Сергея Иосифовича Дanelи, Константина Спиридоновича Бакрадзе, Савелия Бенедиктовича Церетели. Затем стал любимейшим аспирантом, ближайшим другом, а впоследствии и достойным преемником Константина Спиридоновича Бакрадзе.

У своих учителей Зураб Какабадзе научился не только любви к философии и знанию ее основ, но и перенял лучшие их черты: широту и размах Шалвы Нуцубидзе, скрупулезную научную добросовестность Серги Дanelи, ясность ума Котэ Бакрадзе, основательность Савле Церетели.

Яркостью и гармоничностью отличался творческий талант самого Зураба Какабадзе, одновременно талант мыслителя, моралиста, поэта. Очень удачно выбрал он и главную тему своего творчества — философскую проблему человека.

Есть в философии проблемы, для понимания которых достаточно развитого ума; но есть и такие, в которых одним холодным рассудком не разберешься. Такова, в первую очередь, философская проблема человека. Можно быть семи пядей во лбу, но ничего в ней не понять без любви к человеку, веры в его величие, боли за его падения, без чувства ответственности за каждого человека в отдельности и за все человечество в целом. А если и поймешь что-нибудь, то, не владея даром художественного слова, не сможешь передать это другому. Выход в свет каждой работы Зураба Какабадзе, щедро наделенного всеми этими способностями, становился событием в культурной жизни всей нашей страны в силу того, что в его трудах органически сочетались философская глубина, нравственная высота и художественная ясность, что касались они самых глубинных, самых острых проблем человеческого бытия.

Многогранно творческое наследие Зураба Какабадзе. Он оставил нам и философские исследования, и литературно-критические и искусствоведческие статьи, и стихи, и переводы, в частности поэзии Рильке и прозы Кафки.

В его работах затронуты многие проблемы культуры и человеческого бытия, но решение каждой из них служит в конечном итоге прояснению и утверждению одной идеи-призыва: не забывай, что ты Человек, не вещь, не животное, не машина, не винтик, а именно Человек, духовное и разумное существо, пришедшее в этот мир для свободы, творчества, дружбы и любви, для усовершенствования этого мира, а не для его разрушения.

Истина эта стара как мир, но она требует ежедневного обновления и освоения в новом свете, ибо слишком много у нее врагов, как затаившихся в глубинах человеческой души, так и притаившихся в темных закоулках общественной жизни и прикрывающихся самыми различными масками. И вовсе не просто быть свободным, творческим и добрым. Без разоблачения и преодоления этих врагов, без выявления глубинных корней добра и зла в человеческой жизни человек не сможет быть свободным и творческим, не сможет дружить и любить, не сможет избавиться от различных форм рабства, угнетения и отчуждения. Число этих врагов и их масок со временем не уменьшается, они лишь видоизменяются. Много чего грозит человеку — от непреодоленного до сих пор звериного начала в его природе и до «технического отчуждения», милитаризма, тоталитаризма.

Все это глубже понимал и острее всех нас переживал Зураб Какабадзе. Хорошо зная цену свободе и творчеству, он с редкой ясностью и отчетливостью умел выявлять глубинные корни добра и зла в человеческом бытии, умел обращаться непосредственно к совести человека. Это и придавало неповторимую силу его работам, и этим же определялось то обстоятельство, что у него не было равнодушных читателей и слушателей. Были или восторженные поклонники, или скептические оппоненты, или ярые противники. Но и здесь повезло Зурабу. Многие из его бывших противников превращались в поклонников, как только понимали, что движущая сила его мысли — любовь к человеку, а тот налет грусти, который поверхностному взгляду мог показаться скепсисом или даже пессимизмом, — не следствие неверия в силы человека, а выражение ощущения трагизма человеческого бытия, знания человеческих слабостей.

Зураб Какабадзе был человеком чутким и ранимым, с одинаковой остротой переживавшим и свою личную боль, и опасности, грозящие человечеству в условиях милитаристски ориентированной индустриальной цивилизации. Но ощущение трагизма человеческого бытия он преодолел всей своей жизнью и всем своим творчеством. Зураб Какабадзе был оптимистом, трагическим оптимистом.

Уход человека из жизни всегда воспринимается любящими его людьми как личная утрата. Уход Зураба особенно тяжел для его родных, близких, друзей, для его супруги, являвшейся его радостью, гордостью, опорой. Но не менее тяжел он для нас — сотрудников Института философии Академии наук Грузии, который стал для него второй семьей. З. Какабадзе был для института не только руководителем одного из ведущих отделов, не только его красой и гордостью. Он был красой и гордостью всей современной грузинской гуманитарной культуры, одним из главных творцов сегодняшнего стратегического направления института: исследования философских проблем человека, культуры, ценностей. В его творчестве это направление нашло наиболее яркое, глубокое и целостное выражение. И понятно, что уход Зураба Какабадзе воспринимается нами как глубочайшее потрясение.

Он был не только превосходным коллегой, но и во многом нашим учителем благодаря его широкой и глубокой эрудиции (особенно в области современной западной философии, литературы и искусства), рафинированной интеллигентности, благодаря его особому стилю творчества, жизни и отношений с людьми, окрашенному легкой грустью, благодаря его редкому умению ясно видеть, высветлять и выявлять самые темные, самые сложные проблемы, умению, которое и было методом его творчества.

И, разумеется, мы гордились и гордимся Зурабом Какабадзе, гордимся тем, что нам довелось жить рядом с ним.

Как забыть ту радость, которую принес нам всем выход в свет его книги «Проблема экзистенциального кризиса и трансцендентальная феноменология Эдмунда Гуссерля». Не было конца письмам восторженных, удивленных, благодарных читателей. Книга сразу же получила мировое признание, стала классикой советской философской литературы.

Сколько споров — в конечном итоге нужных и полезных для науки и культуры — вызвали книги З. Какабадзе «Человек как философская проблема» и «Феномен искусства». Его исследования прославили не только их автора, но и всю советскую грузинскую философскую школу. От скольких ученых-иностранцев мы слышали: «Да, у вас есть Зураб Какабадзе», и этим было сказано: «Да, вы — народ большой философской культуры».

В работах Зураба Какабадзе освещены наиболее общие философские проблемы; в них автор размышляет о судьбах личности и человечества. Но и тема судьбы родного народа и его культуры не осталась вне его внимания. Он осветил ее с той же высоты, что характерна для всех его работ, и коснулся ее даже с большей чуткостью.

Мы многого еще ждали от Зураба, многое он намеревался еще сделать. Утешением для него, наверное, было то, что талант, дарованный ему свыше, он не закопал в землю, не растратил впустую, а посвятил служению родному народу, его культуре, чем и заслужил вечную память.

Ушел от нас Зураб Какабадзе и как завещание оставил нам древнюю, словно мир, мудрость: «Будь Человеком, не опускайся, не будь животным, не будь машиной, винтиком; помни, что ты рожден для свободы, творчества, дружбы, любви; помни, что твой долг — забота о человеке, народе, человечестве, культуре, природе».

Нико ЧАВЧАВАДЗЕ,
Тамаз БУАЧИДЗЕ

Зураб КАКАБАДЗЕ

«ТРЕЗВЫЕ СНЫ»

(1963—1966 гг.)

* * *

Все вещи, малые и большие,
пели мелодии великих обещаний.
Мир, словно огромный оркестр,
играл симфонию великих ожиданий.

Я ждал с детства.

Однажды — это было вечером —
он спустился с гор —
бледнолицый маэстро

в одеянии сумерек, —
подал знак
и оборвал музыку...

И стало страшно неуютно
среди немых вещей.

* * *

Словно небо обрушилось с неба
и выглянуло из твоих глаз.
Какой ты милый, мой мальчик!
Расти на здоровье...
Только я не знаю, какой ты будешь,
кем ты будешь —
ведь в жизни так много возможностей!
Скажи, какой ты будешь,
кем ты будешь, чем ты будешь...
Убивать —
ружьем, ножом, кинжалом, ракетой,
голыми руками? —
В жизни так много возможностей.
Или ты все-таки будешь
героем небывалым
и проживешь всю жизнь
без убийств?
Боже,
дай поверить
в эти синие глаза!

* * *

Как на кровавой
мохнатой руке
убийцы —
белая перчатка,
на твоей душе
надета изысканная ложь.
Я прорву ее,
я беспощадный...
Ты увидишь себя,
ты возненавидишь себя...
И в этой ненависти —
твое спасение.

МОЙ ДРУГ

У меня был друг,
мы были друзьями;
мы сидели вместе,
я рассказывал, рассказывал,
и он слушал,
ожидавая какую-то блестящую

неожиданность.

Но вдруг, потеряв надежду,
он посмотрел на меня,
словно сквозь меня,
и, сидя передо мной,
ушел куда-то.

И после всегда, приходя ко мне,
он оставался у меня дома.

Друг мой!

Я знаю, ты любишь
большой аттракцион

под яркой иллюминацией,
ты любишь неожиданности фокусов
и движений акробатов.

Я научусь всему такому,
я буду показывать фокусы,
я встану на руки ногами вверх,
я стану клоуном!

Только ты останься со мной,

не уходи...

Я с детства боюсь одиночества.

* * *

Все было на месте:
стояли стены, стулья, стол,
муж у стола.

Жена лежала читала книгу.

Из соседней комнаты доносился шум

детского веселья,

улица через окно смотрела на белый

потолок.

Было тихо,
все было на месте.

Но со всех стен, стульев, кресел
стальным, холодным блеском
поражали взор...
осколки хрупкого счастья.

* * *

Слабая,
без мускулов душа,
не выдержав груза
неразгаданных тайн собственного
существования,
опустилась
в мягкое кресло
перед мерцающим экраном телевизора
и напивается вдребезги —
пустотой.

ЖЕНЩИНА-СНОБ

Когда ее спрашивают,
она выбирает ответ
по признаку нарядности,
словно стоит перед зеркалом
и выбирает платья,
разрешая вопрос,
какое из них подойдет больше.

У нее отец —
старик, вышедший из моды;
и он заброшен ею,
как в шкафу
неподходящее платье.

* * *

Лицом повернулась ко мне
и, улыбнувшись, посмотрела в упор.
На неподвижность моей души
подуло вдруг
ароматом персиковой зрелости.

Женщина!
Тебя полюбить ничего не стоит:
чуть приоткроюсь—
и ты пролезешь в душу
со всей убийственной крутизной
твоих бедер.

Но я закрываюсь,
я наблюдаю через закрытые окна —
ты опасна!

* * *

Натии Амирэджиби

Через жесткую землю,
через острые камни,
через лес колючий
мое сердце
шло к твоей высокой красоте
и, достигнув ее,
как по бесконечной глади
бархатного моря,
поплыло по ней белым лебедем.

* * *

Запах земли,
запах травы,
запах цветов и цветенья,
незримым туманом поднимающийся ввысь
к откровенно-прозрачному небу.
Эти дурманящие запахи весны
поют мелодию любви.

Мы будем слушать,
мы забудем на время,
что наша любовь
прервана ненавистью.

Шалва ГЕДЕВАНИШВИЛИ

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

БЫЛ 1916 год. В Тбилиси появились афиши, извещающие о том, что в Казенном театре состоится единственный концерт Федора Шаляпина. Весь город был взбудоражен этим известием. Да и как же иначе! Певец с мировым именем, он был не только желанным гостем тбилисцев, но и затаенной их гордостью, ведь деятельность профессионального оперного певца в 1893-94 годах Шаляпин начинал в Тифлисе, в труппе, руководимой дирижером Труффи.

Достать билеты на концерт мы, молодежь, и мечтать не могли. Не помог мне и мой дядя Д. А. Гедеванов, старый театрал и штатный врач Казенного театра.

...В тот день я, втайне гордясь своими спутницами Марусей Вачнадзе и Марусей Вашаломидзе в светло-серых форменных платьях с белыми передниками (они были восьмиклассницами института благородных девиц), важно шествовал по Головинскому (ныне Руставели) проспекту.

Маруся Вачнадзе, случайно обернувшись, судорожно схватила меня за руку и, задыхаясь от волнения, прошептала:

— Шаляпин! Шаляпин!

Маруся Вашаломидзе вторила ей:

— Шаляпин! Смотрите, Шаляпин!

Мне очень хотелось обернуться и посмотреть на живого Шаляпина, но я стойко выдержал и грозно зашипел на моих по-детски восторженных спутниц:

— Тише, как вам не стыдно!

В это время нас обогнал Шаляпин в сопровождении любимца нашей театральной публики тенора Вано Сараджишвили.

Сараджишвили, знавший нас, приветливо раскланялся и продолжил свой путь. Пройдя несколько шагов, Шаляпин обернулся

в нашу сторону и что-то сказал Сараджишвили. Тот подошел к нам:

— Федор Иванович приглашает вас всех на чашку чая. Идемте, идемте!..

Мы, опустив головы, подошли к Шаляпину, не решаясь взглянуть на него.

— Федор Иванович, а вот и наша молодежь. Все — ваши страстные поклонники.

— Очень приятно познакомиться с такой прекрасной молодежью.

Шаляпин пожал нам руки. Мы смущенно топтались на месте.

— Прошу вас не отказать нам с другом в любезности, — Шаляпин сделал жест в сторону Сараджишвили, — попотчевать вас чаем.

— Спасибо, спасибо... — лепетали мы смущенно.

— Ну пошли, друзья мои!

Мы двинулись дальше, с одной стороны Шаляпин, с другой — Сараджишвили. Идущие нам навстречу школьные товарищи разевали рты и недоуменно разводили руками — откуда, мол?

По дороге Шаляпин дружелюбно беседовал с нами, интересовался нашими занятиями, чем мы увлекаемся, что нас особенно волнует в искусстве, как идут у девушек занятия музыкой. Мы подошли к гостинице «Ориант». Поднялись на второй этаж и очутились в большой, светлой комнате с балконом, выходящим на проспект перед кафедральным собором.

— Прошу, располагайтесь... — сказал Шаляпин, указывая на огромный круглый стол, окруженный высокими стульями. — Сейчас мы поьем чаю и побеседуем. Будьте как дома...

Федор Иванович распорядился подать самовар, а сам достал несколько бомбоньерок с конфетами и, раскрыв их, положил на стол перед нами. Мы смущенно сидели на краешках стульев, исподлобья поглядывая на хозяйничавшего Федора Ивановича. По фотографиям я его представлял если не брюнетом, то во всяком случае шатеном. В действительности он оказался совсем светлым, с очень привлекательным чисто русским лицом.

Подали самовар, разлили чай, Федор Иванович каждому из нас придвинул тарелочки с пирожным:

— Ну что вы ничего не кушаете?

Девушки, наконец, расхрабрились и стали пить чай. Я последовал их примеру.

За чашкой чая зашел разговор о литературе. Его повел, конечно, сам Федор Иванович. Мы слушали, зачарованные его ув-

лекательными рассказами о встречах с Львом Толстым, Чеховым, Максимом Горьким.

— А вам, молодой человек, — обернулся он ко мне, — литература больше по душе, современная или...

— Конечно, современная! — выпалил я, не дав договорить Федору Ивановичу.

Тогда в моде были декадентские течения, Маринетти, футуристы, и мы, молодежь, конечно, не желая отставать от моды, бравировали нигилизмом и знанием так называемой новой литературы.

— Это хорошо, что вы интересуетесь и современной литературой, новыми эстетическими концепциями, но вот, скажем, Тургенев...

— Тургенева мы изучали в гимназии... — Я пренебрежительно скривил губы.

— Само собой разумеется, что в гимназии обязаны и должны изучать наших классиков. Вы, конечно, помните «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», «Записки охотника»?..

— Конечно, помню! Мы в гимназии даже ставили «Бежин луг», и я играл в нем Федю.

— Очень хорошо! — улыбнулся Федор Иванович. — Но я бы посоветовал вам, молодой человек, и дома читать и перечитывать Тургенева... Читать и перечитывать... — повторил он еще раз. — И вы поймете и почувствуете, что в его произведениях, как говорил Белинский, глубокая мысль, выхваченная из тайника русской жизни... Понимаете? Из тайника русской жизни! Я лично не могу спокойно говорить о нем, я преклоняюсь перед ним как перед величайшим русским писателем. А его язык! Какая образность, ясность, простота... Но я, кажется, утомил вас?

— Нет, нет, что вы?.. — запротестовали мы и встали.

— Посидели бы еще...

— Нет, нет, Федор Иванович, — вмешался Сараджишвили, — им, вероятно, пора за уроки браться, да и вам отдохнуть не мешает...

Мы стали прощаться. И тут вдруг Маруся Вачнадзе расхрабрилась.

— Федор Иванович, нет ли у вас фотографии на память...

— К сожалению, княжна, хорошей фотографии сейчас у меня нет, но я обещаю непременно прислать ее вам.

(И действительно, через некоторое время Маруся Вачнадзе с гордостью показывала мне его фотографию с надписью: «Златокудрой княжне. Федор Шаляпин»).

А Маруся, уже совсем осмелев, спросила:

— Нельзя ли как-нибудь приобрести билеты на ^{вещь КОН-} концерт?

— К сожалению, билетов у меня нет, но вы завтра все вместе подойдите к служебному входу, я там оставляю пропуск на тронх.

Так мы попали на концерт. Нас провели в уборную Федора Ивановича. Там был и Ваню Сараджишвили. Федор Иванович радушно поздоровался с нами, опять угощал конфетами. Во фражке он выглядел праздничным, подтянутым и несколько возбужденным.

Раздался звонок. Федор Иванович распорядился поставить нам за рампой стулья. Пока их принесли, мы с любопытством приглядывались к необычной для нас какой-то приподнятой суете. Украдкой мы даже рискнули заглянуть через глазок в занавесе в переполненный до отказа зрительный зал. Раздался третий звонок, и как по мановению волшебной палочки воцарилась тишина.

Идя на сцену, Федор Иванович посмотрел в нашу сторону и, приветливо помахав нам рукой, подошел почти вплотную к еще опущенному занавесу, который медленно и торжественно поплыл вверх. Раздался гром аплодисментов. На сцену со всех сторон полетели цветы. Федор Иванович долго кланялся, наконец сделал рукой движение, как бы успокаивая неистовствующую публику. Воцарилась торжественная тишина, зал замер. И началось чудо! Чудо из чудес величайшего оперного искусства! Шаляпин запел.

Мы слушали как завороженные.

Пел ли он арию Мефистофеля из оперы Гуно «Фауст» или «Дон Кихота» Массне, или арию мельника из оперы Даргомыжского «Русалка», или Ивана Грозного из «Псковитянки», или исполнял с необыкновенной тонкостью романсы Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова, Чайковского, или, наконец, с неподражаемым совершенством пел русские народные песни — гул восторженных возгласов, аплодисментов, выкриков «бис» и «брависсимо» долго не прекращался. Раскланявшись, он заходил к нам за рампу с охапкой цветов в руках и бросал их на колени изумленных девушек, обменивался несколькими словами со стоящим тут же Сараджишвили и вновь выходил на сцену.

По окончании концерта на сцену ворвалась публика и окружила Федора Ивановича. Мы долго еще стояли в стороне, дожидаясь момента, когда сможем поблагодарить его. Но так и не дождались. Восторженная толпа куда-то увлекла Федора Ивановича.

Мы вышли на улицу в надежде хотя бы там подойти к Шаля-

пину. Его увезли на фаэтоне, а за ним последовала целая кавалькада. Так нам и не удалось попрощаться и поблагодарить его за неожиданно доставленную радость.

Была у меня еще одна, тоже запомнившаяся на всю жизнь, правда, не личная, встреча. Это произошло в Париже, в театре «Гранд Опера», где-то в 20-х годах. Шла опера «Фауст» с участием Шаляпина, Карузо и Тито Руфо — трех выдающихся певцов того времени. Это было чудо певческого искусства. Я, как и все присутствующие, был покорен восхитительным спектаклем. Я решил было подойти к Шаляпину и напомнить о нашей встрече в Тбилиси, но зайти к нему в артистическую так и не решился.

В 1919 году я уехал на учебу в Париж. С 1922 года стал принимать участие в массовых сценах в постановках различных кинокомпаний. Отсюда и началась моя кинокарьера. Снимался я в картинах Абель Ганса, Ренэ Клера, Кавальканти, Протазанова и других. Мне посчастливилось участвовать в фильмах, где главные роли исполняли такие выдающиеся киноактеры, как Глория Свенсон, Сесю Йокава, Мозжухин, Ковалько и другие. На Монмартре, в кафе со столиками на тротуаре, собирались статисты кино в надежде попасть в любые массовки. Сюда обыкновенно приходили представители кинокомпаний, таких как «Сине-франс», «Гомон» и многих других кинофирм, для вербовки участников массовых съемок.

В 1926 году я вернулся в Грузию и в этом же году познакомился с корифеем грузинского театра Константином Александровичем Марджанишвили.

Константин Александрович был личностью поразительного обаяния. Я редко встречал человека, который так очаровывал бы всех без исключения, обезоруживал своей теплотой, отзывчивостью, дружелюбием. Его необыкновенный темперамент, неумный энтузиазм, любовь к искусству, которому он с таким самозабвением служил, покоряли всех. Он гипнотизировал щедростью, страстью своей души, художественным размахом, бьющей через край фантазией и необычайной жизнерадостностью.

В 1926 году К. А. Марджанишвили работал в Госкинопроме над постановкой фильма «Амок». Он предложил мне стажироваться у него в качестве практиканта режиссера. С тех пор я окончательно связал свою жизнь с кинематографией.

На съемках фильмов К. А. Марджанишвили «Амок», «Гоги Ратиани», «Овод», «Трубка коммунара» я считался практикантом режиссера, но одновременно Константин Александрович обязывал меня участвовать и в эпизодах.

Помню, во время многочисленных кинопроб на главную роль Овода сняли и меня, на чем настаивал Константин Александрович. В конце концов осталось только два претендента на эту роль: Мерабишвили и я.

Все поддержали кандидатуру Мерабишвили, который внешне очень походил на итальянского юношу.

По выходе из проекционного зала Константин Александрович ласково взял меня за плечи и сказал:

— Не знаю почему, но мне особенно хотелось, чтобы вы сыграли эту роль. Именно таким, как вы, представлял я себе Овода.

— Мне всегда везло, Константин Александрович, — отшутился я. — В Париже, когда я явился к режиссеру Протазанову с рекомендацией Жоржа Саяра, одного из ведущих актеров театра «Одеон», Яков Александрович воскликнул: «Где же вы были до сих пор? Сколько я искал вот именно такого юношу, почти мальчика!».

— Ничего, ничего, — пошутил и Константин Александрович, — тропа искусства покрыта терниями, но все же она прекрасна. — И взяв меня под руку, проникновенно сказал: — Поверьте, мне очень досадно, что не сбылись мои предвидения, но я вас по-настоящему ценю и уважаю. — И вдруг весело и неожиданно: — А вы не находите, что наши судьбы очень схожи?

Я удивленно взглянул на него.

— Ведь и я начинал свою актерскую карьеру женской ролью Агафьи Тихоновны в гоголевской «Женитьбе», как и вы, друг мой. Вы ведь играли тетушку в одной из постановок в гимназии! Так что ваш путь в искусстве, должно быть, будет таким же, как и мой.

Я искренне удивился: откуда Константин Александрович мог знать о моих гимназических дебютах, доставлявших мне ужасные терзания, ибо девчонки и мальчишки моего класса, издеваясь над мной, иначе меня не величали, как Тетушкой.

Должно быть, кто-нибудь из бывших одноклассников поведал ему о моих злоключениях, и Константин Александрович решил шуткой загладить мою неудачу на актерском поприще.

Константин Александрович был щедрым, отзывчивым человеком. В киноэкспедициях или здесь, в Тбилиси, когда его достаточно многочисленная съемочная группа собиралась отметить какое-либо торжество, чьи-нибудь именины или день рождения, оказывалось, что Константин Александрович уже за всех расплатился.

Он с одинаковым вниманием относился ко всем без исключения, никого не забывая: ни рабочего, ни осветителя, ни реквизитора, был другом и товарищем для всех. И съемочная группа обожала его.

Человек огромной эрудиции, всесторонне образованный, он производил ошеломляющее впечатление во время той или иной мимической пантомимы на сцене. Да, это был великий чародей не только в искусстве, но и во взаимоотношениях с людьми.

Накануне своего отъезда в Кутаиси Константин Александрович предложил мне с женой работать в его театре. Мы, конечно, с восторгом приняли его приглашение. Но нашим и Константина Александровича надеждам не суждено было сбыться. Через некоторое время я получил от него письмо, которое меня растрогало неподдельной грустью.

«Кутаиси, 10/VIII—28 г.

Дорогой Шалва.

Как мне ни больно, как ни обидно — с грустью приходится писать Вам, что не сбываются мои замыслы, и взять Вас с супругой на работу не могу.

Все больше и больше теснят меня в бюджете, и теперь не только сцену, но даже электрочасть ремонтируют в счет моей сметы.

Вы хорошо узнали меня за это время и поймете, как мне досадно отказываться от задуманных планов.

Крепко жму Вашу руку, прошу простить меня и извиниться за меня перед супругой.

Любящий Вас К. Марджанов».

В последующие годы, когда Константин Александрович взялся за постановки в Москве, он также предлагал мне, как он выражался, во искупление его вины поехать с ним в Москву, но я тогда уже крепко был связан с кинематографией и не смог воспользоваться его столь ценным для меня приглашением.

Но в моей памяти навсегда остался этот буйный, в самом прекрасном смысле этого слова, человек, неувыдаемый творец чудесного мира искусства.

Вспоминаются мне также встречи еще с одним известным кинорежиссером.

Как-то в 1928 году, возвращаясь из Госкинопрома, я сел в трамвай, ходивший тогда по проспекту Плеханова, и неожиданно встретил Михаила Эдишеровича Чиаурели, которого мы все на киностудии запросто называли Мишей.

Он усадил меня рядом с собой и неожиданно запел, замечательно имитируя бельканто Вано Сараджишвили. Все в трамвае пришли в неописуемый восторг. Он весело помахал рукой восторженным слушателям, рассказал мне в лицах два пикантных

анекдота и тут же серьезно спросил, над чем я собираюсь работать. Я ответил, что пока не знаю, но Марджанишвили намерен сниматься в «Трубку коммунара» и, должно быть, там найдется для меня работа, но это будет, по-видимому, не раньше, чем в 1931 году.

— А пока поработайте с нами, ладно?

Он тогда совместно с Е. Дзиганом ставил фильм «Последний час — корнет Стрешнев».

— Мне нужны именно такие работники, как вы, интеллигентные, образованные, высокой культуры, знающие языки...

Я обиделся, подумав, что он разыгрывает меня, но он пожал мне руку, весело промурлыкал еще какой-то романс и, сойдя с трамвая, крикнул:

— До завтра в Госкинпроме, договорились?

Можно только удивляться тому, как он совмещал в себе талантливый художник, скульптор, певца, актера и режиссера «Кооперативного театра», выросшего под его руководством в замечательный театр «Музыкальной комедии». Наконец, он был одним из основоположников грузинской кинематографии, вписал незабываемые страницы в ее историю и воспитал многочисленные кадры советских кинематографистов.

Я работал с ним на таких картинах, как «Саба», «Хабарда», «Последний маскарад», «Арсен», «Великое зарево», «Клятва», «Георгий Саакадзе», «Падение Берлина», и каждая из этих монументальных работ была для меня новым открытием, новым шагом к познанию великого искусства, которым так замечательно владел мой учитель, друг и товарищ, дорогой нам всем Михаил Эдишерович Чиаурели. Его веселый характер, незабываемые шутки вдохновляли нас всех и вселяли энтузиазм и радость познания настоящего искусства.

Работа с ним на всех этих фильмах с огромными массовками и необычайно сложными съемками казалась нам высшей радостью, рожденной настоящим большим искусством. Он умел не только дружить со всеми, но в то же время подмечать в каждом смешные стороны и с наслаждением имитировать их, создавая необычайно яркие и неумолимо похожие живые дружеские шаржи.

На каждый такой экспромт присутствующие разражались дружным хохотом, и даже уязвленный неожиданным шаржем объект, невольно улыбался, так как карикатура обезоруживала своей дружеской трактовкой.

Всю нашу долголетнюю совместную работу он сопровождал песнями, необыкновенно яркими рассказами в лицах, интересны-

ми воспоминаниями, анекдотами, шутками; работа над фильмами была настоящим праздником для всего творческого коллектива, создавала атмосферу созидания, подлинного искусства, доказательством чему служат его замечательные фильмы, завоевавшие всемирное признание.

По роду своей деятельности помощника, ассистента и режиссера я часто бывал у него в доме, помещавшемся в то время за кафедральным собором (на месте теперешнего здания Совета Министров). Дом его, где находилось и его ателье, был центром тогдашней передовой интеллигенции. Тут часто бывали писатели, поэты, артисты, певцы и художники.

Здесь в шутках, песнях, поэтических выступлениях и пламенных спорах об искусстве рождалась истина. Кого только я не встречал в этом гостеприимном доме: и Паоло Яшвили, и Тициана Табидзе, и Симона Чиковани, и Георгия Цагарели, и Акакия Белиашвили, и Левана Асатиани, и Шалву Апахидзе, и Бесо Жгенти, и Колю Шенгелая, и Нату Вачнадзе и еще многих, многих художников, актеров, режиссеров, всех не назовешь.

Со многими талантливыми, интересными людьми пришлось мне встречаться на моем долгом жизненном пути. Одним из них был Александр Давидович Дигмелов.

Еще до личного знакомства с Александром Давидовичем я знал, что это прославленный кинематографист и один из первых грузинских операторов. Снятые им фильмы «Красные дьяволята», «Три жизни», «Тариэл Мклавадзе» и другие отличались профессионализмом и высоким для того времени мастерством.

Когда я больше сблизился с Александром Дигмеловым и увидел его непосредственно в процессе работы, то был поражен его необыкновенной энергией, трудоспособностью и юношеским энтузиазмом. Как должен был любить этот по сравнению с нами пожилой человек свое дело, как он должен был быть увлечен любимым искусством, чтобы так самоотверженно, не щадя себя, работать день и ночь в очень трудных, я бы сказал, невыносимых условиях на натуральных съемках то в жару, то в холод. В этом внешне всегда спокойном, серьезном, неторопливом человеке кипела юношеская энергия, а в сердце всегда пылал огонь влюбленного в свое дело художника.

Судьба даровала мне счастье работать с ним в качестве режиссера во время создания фильмов Михаила Чиаурели «Арсен», «Великое зарево», «Георгий Саакадзе».

Помню, у Александра Давидовича был помощник, тихий, серьезный, спокойный, прилежный молодой человек Глеб Гамрекели, который перенял у своего учителя все его хорошие качества. Кро-

ме Гамрекели, Александр Давидович воспитал таких операторов, как Сухов, Аджибегншвили, Рышков и другие. С молодежью он всегда делился своим большим опытом, обучал ее высокому профессионализму, прививал ей любовь к сложной операторской работе.

Александр Давидович в совершенстве знал кинематографическую специфику, замечательно владел композицией кадра, ракурсом, передними планами, отлично разбирался в монтаже. Он был требователен к другим так же, как и к самому себе. Например, от своей дочери, которая работала у нас монтажницей, Александр Давидович упорно требовал усердного, старательного труда и никогда не прощал ей даже незначительной ошибки. Должно быть, поэтому Лариса Дигмелова считается в монтажном цехе одной из ведущих работниц.

И мы, режиссеры, многому научились у Александра Давидовича. Не только я, но и Михаил Чинаурели, думаю, и другие режиссеры, работавшие с ним, многое использовали из его опыта.

Помню, как во время работы над фильмом «Каджети» Александр Давидович делился с нами, режиссерами, постановщиком Котэ Микаберидзе и со мной, опытом. А как надо раскрывать характер той или иной роли, он блестяще показал нам на съемках картины «Кето и Котэ». Каждому актеру, согласно его роли, он нашел художественную характеристику.

Совершенным художественным чутьем, вкусом и гаммой светотени он создает такие незабываемые портреты, как, например, Кето (Медея Джапаридзе), Ханумы (Тамара Чавчавадзе), Кабато (Мери Давиташвили), матери Макара (Элизавета Черкезишвили), Сико и Нико (Васо Годзиашвили и Георгий Шавгулидзе), Макара (Шалва Гамбашидзе), князя Левана (Петре Амиранашвили), Котэ (Бату Кравейшвили) и многих других.

Я как актер признателен ему за то, что во время работы над картиной «Арсен» он помог мне создать характерную роль корнета Амилахвари, а в «Великом зареве» — образ Дзержинского. Если актер создал интересную роль, выявил характер образа, это значит, что в работу внес значительную лепту и оператор.

У Александра Давидовича даже странности были привлекательны и симпатичны, хотя иногда он неожиданно мог, как говорится, облить вас холодной водой. Потом, конечно, все выяснялось, и Александр Давидович продолжал работать, будто ничего не произошло. Но я замечал, что он незаметно посматривал на нас, с удовлетворением посмеиваясь над розыгрышем.

Вот как это обычно происходило. Мы ставили перед оператором четкую задачу: снять актера в том или ином ракурсе или

же, скажем, подготовить панораму. Неожиданно Александр Давидович прерывал нас: «Это не получится, это не выйдет». «Почему, Александр Давидович? — удивлялись мы. — Ведь возможно, чтоб актер приблизился и вновь удалился от объектива, тогда как вы следите за ним панорамой. На экране мы получим впечатление, будто аппарат то приближается к актеру, то опять удаляется». «Не получится», — упрямо повторяет Александр Давидович и опять возвращается к аппарату. И мы чувствуем, что он о чем-то упорно думает. «Александр Давидович, все же попробуем, может, получится», — несмело обращаемся мы к нему. «Сказал я вам, ничего не получится. Я не могу снять это», — категорически говорит он и поворачивается к нам спиной. Мы стоим в замешательстве и не знаем, что предпринять. А в это время Александр Давидович незаметно для нас дает распоряжение светотехникам приготовить для панорамы нужный рельсовый путь, упорно продолжая твердить: «Все равно из этой съемки ничего не получится». Однако мы могли быть совершенно спокойны, так как снятый Дигмеловым материал всегда был безукоризнен. И действительно, в 1948 году в Московском Доме кино на специально устроенном торжественном вечере в честь лауреатов государственных премий, на котором присутствовала московская творческая интеллигенция и где впервые был показан фильм «Кето и Котэ», все спрашивали меня:

— Кто этот оператор, который так блестяще снял картину?

Дигмеловым интересовались такие известные театральные режиссеры, как Завадский, Охлопков, Акимов и многие другие, а также такие киноспециалисты, как Довженко, Юткевич, Ромм, Александров, Герасимов, Рошаль, Райзман.

В том же Доме кино, где нам, творческой группе, устроили встречу, известный режиссер Васильев, постановщик «Чапаева», так оценил работу оператора фильма «Кето и Котэ»: «Второй момент — это о кинематографичности картины. Мне очень приятно, что, очевидно, режиссеры и оператор очень хорошо понимали друг друга и те задачи, которые перед ними стояли. Мне приятно, что Дигмелов сумел в своей фотографии найти специфические формы кинематографической обработки пластического материала, которые делают этот материал музыкальным, не просто озвученным, но он дает музыкальность и в самой съемке, в ритме, от изменения точек и выбора аппарата, в движении аппарата, в целом ряде моментов, которые предоставляет кинематографическая техника, он находит нюансы подчеркивания сцен, кусков, эпизодов и т. д. Поэтому очень хорошо смотрится картина в монтаже».

Еще один пример. Вот что сказал на той же встрече сценарист Помещиков о работе Дигмелова: «Здесь перед нами совершается волшебство искусства, в котором не последнюю роль играет оператор Дигмелов».

Таких цитат из прессы, а также из других официальных документов можно привести множество.

Я думаю, что интересен также отклик американской прессы на демонстрацию фильма «Кето и Котэ» в одном из крупнейших кинотеатров Нью-Йорка «Стенли».

Вот что писала, например, газета «Нью-Йорк Таймс» 5 апреля 1954 года: «М. Джапаридзе и Б. Кравейшвили, ведущие актеры, и другие в сопровождении оркестра Грузинской филармонии исполняют много разнообразных грузинских песен, которые великолепно сочетаются с пышностью декораций». Газета «Дейли Уоркер» 7 апреля 1954 г. отмечала: «Роскошные дворцы богатых грузинских купцов и князей радуют глаз в сравнении с голливудскими игрушечными виллами. Голливуд редко выпускал что-либо, подобное этому великолепию. А величественные Кавказские горы являются замечательным фоном, который советские продюсеры использовали полностью». Та же газета 9 апреля 1954 года резюмировала: «Советский фильм «Кето и Котэ» вторую неделю с аншлагами идет в кинотеатре «Стенли». Я думаю, что это достаточно хорошая оценка работы грузинского оператора Александра Давидовича Дигмелова».

Не могу не вспомнить талантливого киноактера и режиссера Котэ Микаберидзе. С ним я познакомился в 1926 году, но как замечательного киноактера знал его по таким картинам, как «Арсен Джорджиашвили», где он играл генерала, «Три жизни» — бежавшего с каторги преступника, «Дело Тарпела Мклавадзе» — Спиридона Мциришвили. В фильме «Кто виноват?» он создал незабываемый образ всадника, а в «Дзина-Дзадзу» — абхазца Зорки.

Затем я уже сам был свидетелем его творческой деятельности не только как актера, но и как сценариста и режиссера-постановщика. Если в «Хануме» и в «Двух охотниках» он был только актером, то в картинах «Моя бабушка», «Гасан», «Ад», в рисованном фильме «Зурико и Марикоша» был уже и режиссером-постановщиком, а в фильмах «Запоздалый жених», «Волшебная свирель» и «Фортпост» он был соавтором сценариста.

Во время съемок «Моей бабушки» (1929 г.) он предложил мне сыграть одного из директоров в маленьком эпизоде, а также поработать с ним над этой картиной, но, к сожалению, в то время

я работал под руководством М. Э. Чиаурели над одной из лучших картин Госкинпрома, и Михаил Эдишерович ни в коем случае не соглашался отпустить меня.

В конце концов я все-таки снялся в одном кадре в качестве одного из директоров наряду с таким актером, как Хорава. Картина, к сожалению, не была выпущена на экраны трусливыми редакторами и руководством Госкинпрома из боязни оскорбить тогдашних чинуш. И только через 30 с лишним лет, уже после кончины К. Микаберидзе, она была признана одной из лучших сатирических картин нашей страны и внесена в золотой фонд грузинского кино.

Итак, с 1929 года началась моя дружба с Котэ Микаберидзе. Он жил недалеко от нас, на Вашлованской улице. Я часто ходил к нему. Мы много беседовали, шутили, мечтали о новой творческой работе.

Котэ был настоящим другом и товарищем, замечательным человеком. Художник, карикатурист, актер, режиссер, сценарист, человек, говорящий правду в лицо, — таким помнят его все. Неукротимый энтузиазм чувствовался в его принципиальных выступлениях, прениях и спорах, в которых вместе с ним участвовали Шенгелая, Эсакиа, Рондели, Пипинашвили и многие другие.

Во время работы над кинофильмом «Каджети» он предложил мне сотрудничать с ним в качестве ассистента. Это еще больше сблизило меня с ним.

Последний раз как актера я видел Котэ в картине «Колыбель поэта», где он исполнял роль Папуны.

Наша последняя встреча состоялась в Доме кино на вечере, посвященном памяти Како Хинтибидзе.

Котэ, как всегда, был в хорошем настроении, выглядел бодрым. Поднявшись на трибуну, он поделился воспоминаниями о своем друге и коллеге, так неожиданно ушедшем из жизни. Потом подошел к нам и сел на стул рядом со мной. Неожиданно Котэ стало плохо. Мы дали ему воды и вызвали скорую помощь. Когда она приехала, Котэ был уже без сознания. Ушел от нас замечательный художник, принципиальный, чуткий, отзывчивый человек.

Одним из основателей и организаторов мультипликации в Грузии был Л. Муджири. Я помню его улыбающимся энергичным человеком. Он обладал не только способностями и дарованием большого организатора, но и талантом режиссера, педагога.

Нелегко было в то время, в тридцатые годы, начинать новое, сложное дело, создавать и развивать самый трудный и трудоемкий

кинематографический жанр, который и сегодня продолжает жить созданными им традициями.

В огромной Советской стране в то время существовало только три мультипроизводства: в Москве, на Украине и у нас, в Грузии. Фундамент грузинской мультипликации заложен, несомненно, Ладо Муджири.

Ладо был наделен замечательным качеством — он всегда старался вовлечь в начатое им дело художников, писателей и других творческих работников, воодушевлял их, заставлял полюбить ту отрасль, в которую сам был самозабвенно влюблен.

Он пригласил в студию рисованных фильмов таких художников, как Гудиашвили, Какабадзе, Чанкветадзе, Чмутова, Сехниашвили, Стариковский, Шаликашвили, Лаврелашвили и других.

Неугомонный, он не давал покоя и писателям — Иосифу Гришашвили, Георгию Мдивани, Григолу Абашидзе, Григолу Чиковани, Нине Накашидзе, Сико Пашалишвили и другим. Даже меня заставил написать несколько сценариев: «Три друга-товарища» — совместно со Степной, «Полдыпленка» — совместно с Михаилом Чиаурели, «Золотой гребешок» — с Г. Абашидзе и Г. Мдивани и совместно с самим Ладо «Урок истории», и, наконец, я стал автором сценария и режиссером-постановщиком мультфильма «Неженка».

Ладо всегда стремился, чтоб в этой области работали и другие режиссеры. Михаил Чиаурели был художественным руководителем киностудии, но, несмотря на это, Ладо в мультипроизводство вместе с ним пригласил из художественной кинематографии режиссеров Котэ Микаберидзе, Како Хинтибидзе, а также меня. Он заставил меня полюбить это дело, обучил принципам этого нелегкого искусства, и если я так или иначе овладел ими, то это произошло только благодаря настойчивой товарищеской помощи Ладо.

Он воспитал еще множество режиссеров и художников-постановщиков, создал им соответствующие условия для полного проявления их способностей. Это были тогда совсем молодые, юные Чмутов, Стариковский, Бахтадзе, Микадзе, Сехниашвили, Шаликашвили и Лаврелашвили.

Создание кадров в этом сложнейшем жанре искусства было очень нелегким делом, но Ладо проявил дальновзоркость, воспитал и обучил профессии тех, кто сегодня составляет фундамент современного грузинского мультипроизводства.

...Годы проходят, многое остается в прошлом, но есть память, и она воскрешает страницы прошлого. И я благодарен ей.

ДРУЖБА НАРОДОВ, ДРУЖБА ЛИТЕРАТУР

В ТБИЛИСИ прошли творческие встречи писателей Латвии, Литвы, Эстонии и Грузии, посвященные 60-летию образования СССР, организованные по инициативе Главной редакционной коллегии по художественному переводу и литературным взаимосвязям при Союзе писателей Грузии и Госкомитета по телевидению и радиовещанию.

Встречи грузинских литераторов с коллегами из Прибалтики являются продолжением своеобразной эстафеты, которую начали в этом году грузинские и украинские писатели. Этот процесс взаимобогащения литератур породила сама жизнь, конкретный исторический опыт нашей страны.

В молодежном клубе «Амирани» состоялась встреча за «круглым столом» грузинских литераторов со своими коллегами из Прибалтики, которые вели заинтересованный разговор о вопросах переводческой деятельности, дальнейших путях развития братских литератур, их взаимобогащения, а также благотворном влиянии друг на друга.

Встречу открыл председатель Главной редакционной коллегии по художественному переводу и литературным взаимосвязям при СП Грузии О. Нодия. В своем выступлении он отметил, что встречи предусматривают широкий обмен мнени-

ниями, немалое место будет уделено вопросам перевода.

Критик из Латвии Х. Хирш рассказал об истории зарождения латвийско-грузинских литературных взаимосвязей. Эстонский критик А. Тамм продолжил разговор о переводах лучших произведений эстонской литературы на грузинский язык и о переводах произведений грузинских авторов на эстонский.

— Недавно в Вильнюсе отмечалось 100-летие со дня рождения выдающегося литовского классика Антанаса Венолиса-Жукаускаса, — сказал критик из Литвы А. Балтакис. — Приятно было узнать, что в Тбилиси в Музее дружбы народов Академии наук Грузинской ССР отметили юбилей классика литовской литературы, который первый открыл нашему читателю Грузию.

В Литве много сделано в деле популяризации грузинской литературы. «Библиотека грузинской поэзии» познакомила литовских читателей с творчеством Г. Табидзе, Г. Леонидзе, И. Абашидзе, Х. Берулава и других. Готовится к выходу в свет сборник стихов Н. Бараташвили. В литературной серии «Созвездие» предполагается подготовить сборник «Антология грузинской поэзии».

Критик З. Абзианидзе коснулся вопроса дальнейших переводов. Латвийская переводчица М. Гусаре, переводчица из Эстонии М. Пау, поэт из Латвии Я. Петерс рассказали о своих

творческих планах, работе над переводами. Новые переводы с латышского, эстонского и латвийского прочли поэты Р. Каландия, Н. Шаманадзе, Г. Алхазншвили.

Все выступавшие на встрече за «круглым столом» говорили о традициях дружбы писателей Прибалтики и Грузии, а также о том, что и бессмертная классика, и достижения современных национальных литератур стали достоянием всех народов нашей страны.

ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ

В МОСКВЕ в Большом зале Центрального дома литераторов имени А. Фадеева состоялся творческий вечер известного грузинского писателя, лауреата Государственной премии СССР Чабуа Амирэджиби.

Вечер вступительным словом открыл председатель Совета по грузинской литературе Союза писателей СССР поэт Е. Евтушенко. Рассказывая о жизни и творчестве писателя, Е. Евтушенко постоянно обращался к роману Ч. Амирэджиби «Дата Туташхиа», зачитывал отдельные цитаты, заостряя внимание присутствующих на чертах характера, жизненном credo самого писателя.

Перед собравшимися также выступили известный советский поэт А. Межиров, критик М. Кораллов, заместитель редактора журнала «Дружба народов» писатель В. Орлов, Б. Ахмадулина, Б. Окуджава и другие.

Затем выступил Чабуа Амирэджиби. Он поблагодарил всех пришедших на его творческий вечер, ответил на многочисленные вопросы, рассказал о своих дальнейших творческих планах.

В заключение вечера были показаны фрагменты из фильма «Берега».

ВЫСТАВКА В ПАРИЖЕ

В ПАРИЖСКОМ экспозиционном центре «Гран-Пале» — одном из крупнейших в столице Франции — открылась выставка древнего искусства Грузии.

Экспозиция, которая называется «В стране Золотого руна», показывает развитие грузинского искусства на протяжении многих веков. Здесь представлены 133 оригинальных произведения древних мастеров — чеканка, эмаль, иконы, древние рукописи.

Выставку, которая вызвала большой интерес, посетили видные деятели культуры и искусства Франции, политические и общественные деятели страны.

ГВАХАРИЯ Александр Акакиевич. Род. в 1929 г. Доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник Института востоковедения им. Г. Церетели АН ГССР. Автор монографий о персидской литературе и персидско-грузинских литературных связях.

ИМЕДАШВИЛИ Лаша Кобович. Род. в 1960 г. Дипломант филологического факультета ТГУ. Автор нескольких рассказов, опубликованных в литературном альманахе университета «Пирвели схиви».

ИОСЕЛИАНИ Отиа Шалвович. Род. в 1930 г. в селе Гвиштиби. Окончил Высшие литературные курсы. Автор романов «Звездопад», «В плену у пленников», «Жила-была женщина», ряда повестей и рассказов. Драмы и комедии Иоселиани ставятся во многих советских театрах и за рубежом. Произведения писателя переведены на языки народов Советского Союза, изданы за рубежом.

МОДЕБАДЗЕ Ирина Игоревна. Окончила филологический факультет ТГУ. Кандидат филологических наук. Младший научный сотрудник Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели АН ГССР. Автор ряда статей по вопросам становления реализма в грузинской литературе середины XIX века. Работает также над проблемами литературных взаимосвязей.

ПЕТРИАШВИЛИ Гурам Милентьевич. Род. в 1942 г. Окончил кинорежиссерский ф-тет Тбилисского театрального института. Автор поэтических сборников, сборников сказок, а так-

же критических статей о поэзии.

СЕРЕБРЯКОВ Сергей Борисович. Род. в 1922 г. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели АН ГССР. Автор «Древнегрузинского словаря», русского перевода «Трактата Ибн Сины (Авиценны) о любви», а также оригинальных стихов на русском и грузинском языках.

ТУХАРЕЛИ Дмитрий Александрович. Род. в 1925 г. Доктор филологических наук, профессор. Автор ряда научных трудов и журнальных публикаций. Исследователь жизни и творчества В. Маяковского, проблем теории литературы, современной советской литературы, в частности литератур народов СССР и связанных с ними проблем литсвязей.

УБИЛАВА Элизбар Михайлович. Род. в 1917 г. Прозаик, критик, переводчик. Автор романа «Анаклийская ночь», нескольких сборников рассказов и критических статей. Перевел на грузинский язык произведения Л. Толстого «Хаджи-Мурат», «Казачьи», «Кавказский пленник», «Рубка леса», произведения Бестужева - Марлинского и др.

ШАРАДЗЕ Гурам Северьянович. Род. в 1940 г. Доктор филологических наук. Зав. отделом текстологии Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели АН ГССР. Работает над проблемами истории грузинской литературы, руствелологии и грузинских литературных взаимосвязей.

62/95

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гурам АСАТИАНИ (главный редактор),

Заза АБЗИАНИДЗЕ, Реваз АСАЕВ, Хута ГАГУА, Алексей ГОГУА, Гурам ДОЧАНАШВИЛИ, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Натела КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), Эмзар КВИТАИШВИЛИ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ, Владимир МАЧАВАРИАНИ, Отар НОДИЯ, Лия СТУРУА, Эммануил ФЕЙГИН, Гурам ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Георгий ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отдел прозы — 93-31-43, отдел поэзии и искусств — 93-31-43, отдел критики и литературоведения — 93-65-19, отдел публицистики и очерка — 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

„ლიტერატურნია გრუპია“

— ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და საზოგადოებრივი პოლიტიკური ჟურნალი (რუსულ ენაზე)

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან. № 5 მაისი, 1982 წ.

Сдано в набор 7.IV.82 г. Подписано к печати 10.V.82 г. Формат 84×108¹/₃₂. УЭ 61239. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 9,4. Тираж 8 600 экз. Заказ № 923. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

«КНИЖНЫЕ НОВИНКИ»

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

ХАИНДРАВА Л. «Дымки на горизонте». Рассказы. Москва, 1982. 343 с. 100.000 экз. 1 р. 20 к.

«СОВЕТСКИЙ ХУДОЖНИК»

«ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО, РЕСПУБЛИКУ МОЮ! ГРУЗИЯ». Альбом. Сост. А. Оцхели. Вступит. статья Н. Джанберидзе. Москва, 1982. 16 отд. л. ил. (В семье единой. К 60-летию образования СССР). 25.000 экз. 95 к.

«МЕРАНИ»

ВАСАДЗЕ А. «Стих и творчество». Лит.-критич. статьи. Пер. с груз. Тбилиси, 1981. 184 с. 2.000 экз. 50 к.

«МЕЦНИЕРЕБА»

ХУСКИВАДЗЕ Л. «Грузинские эмали». Тбилиси, 1981. 200 с. с ил. 2.500 экз. 3 р. 80 к.

ХУЦИШВИЛИ Г. «Проблема бесконечности в свете современной науки». Тбилиси, 1981. 151 с. 1 000 экз. 95 к.

«ANDERSON & PETERSON»

«კონსტრუქციის ინჟინერები»

საინჟინერო-კონსტრუქციო ბიუროს ხელმძღვანელი
ინჟინერი ა. ა. ანდერსონი

«ინჟინერების კონსტრუქციები»

საინჟინერო-კონსტრუქციო ბიუროს ხელმძღვანელი
ინჟინერი ა. ა. ანდერსონი
საინჟინერო-კონსტრუქციო ბიუროს ხელმძღვანელი
ინჟინერი პ. პ. პეტერსონი

«ინჟინერები»

საინჟინერო-კონსტრუქციო ბიუროს ხელმძღვანელი
ინჟინერი ა. ა. ანდერსონი

«ინჟინერები»

საინჟინერო-კონსტრუქციო ბიუროს ხელმძღვანელი
ინჟინერი ა. ა. ანდერსონი

